

МИХАИЛ
АЛЕКСЕЕВ

«**ВЕРНЫЙ
ВАМ
РАМЗАЙ**»

РИХАРД ЗОРГЕ

И СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА
В ЯПОНИИ. 1933—1938 ГОДЫ

Михаил Алексеев

**«Верный Вам Рамзай». Книга 1.
Рихард Зорге и советская военная
разведка в Японии 1933-1938 годы**

«Алисторус»

2017

УДК 338
ББК 65.9(2)

Алексеев М.

«Верный Вам Рамзай». Книга 1. Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии 1933-1938 годы / М. Алексеев — «Алисторус», 2017

ISBN 978-5-906914-53-8

Легендарный советский разведчик Рихард Зорге – самый изучаемый и в то же время самый загадочный персонаж в мировой истории тайной войны XX века. Среди «белых пятен» его биографии – работа в Японии начиная с момента его приезда в эту страну в сентябре 1933 года и до начала Второй мировой войны. Данный пробел в его жизнеописание полностью закрывает книга Михаила Алексеева. Эта книга – продолжение монографии ««Ваш Рамзай». Рихард Зорге и советская военная разведка в Китае». В ней достоверно и подробно рассказано о деятельности советской военной разведки в Японии, а так же о ее противостоянии японским и германским спецслужбам. Благодаря этой книге в деле «Рамзая» поставлены все точки!

УДК 338
ББК 65.9(2)

ISBN 978-5-906914-53-8

© Алексеев М., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Обращение к читателям	6
Вместо предисловия	7
Пролог	12
1. «... Основная цель [Японии] – так или иначе, тем или иным способом захватить столько советских территорий, сколько удастся, и нанести такой удар по советской стране, какой только окажется возможным»	13
2. «Японцы убеждены, даже более чем убеждены, – они знают, что являются потомками богов»	44
3. «Трудность обстановки здесь [в Японии] состоит в том, что вообще не существует безопасности...»	61
4. «... Вопрос об организации нелегальной сети в Японии нами поставлен со всей решительностью и так или иначе должен быть решён в новом отчётном году»	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Михаил Алексеев

«Верный Вам Рамзай»: Рихард Зорге и советская военная разведка в Японии 1933–1938 годы

Книга 1

*Любимым женищинам разведчиков,
моей жене – Татьяне Николаевне,
посвящается.*

© Алексеев М., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Автор выражает благодарность А.П. Алексееву, А.И. Колпакиди, А.И. Сивцу, А.П. Серебрякову, О.В. Каримову, Ю.В. Григорьеву и Б.И. Татаринцеву за помощь и поддержку в работе над этими книгами, а также выражает признательность японским исследователям Сирай Хисая (здесь и далее все японские имена собственные приводятся в следующем порядке: сначала фамилия, потом имя. – *Примеч. авт.*) и Ватабэ Томия и всем членам Японо-российского центра исторических исследований, которые хранят память о Рихарда Зорге и его соратниках.

Отдельная благодарность А.Г. Фесюну, который вместе с А.И. Колпакиди «подвиг» взяться за завершение этого «нескончаемого» труда.

Обращение к читателям

Академик А. О. Чубарьян как-то сказал, что история становится доступной читателю, лишь пройдя через голову историка, который отобрал факты, подал их и интерпретировал. Поэтому Чубарьян пришёл к парадоксальному выводу, что известная фраза «история не терпит сослагательного наклонения» не совсем корректна. С одной стороны, отменить реальные факты невозможно, а с другой – интерпретация фактов есть всегда сослагательное наклонение.

Красиво, не обычно, но не более того. Хотя, применительно к деятельности Зорге подобный подход имеет непосредственное отношение. На фоне ограниченного числа серьёзных исследований появилось множество опусов, в которых авторы наперебой занимаются именно вольной интерпретацией фактов. И на вопрос: «Был ли мальчик?», отвечают не всегда положительно, а если и положительно, то чаще всего с многочисленными оговорками. Более того, гордятся и тиражируют сделанные «открытия», требуя ссылок на себя.

Приходится констатировать, что не происходит поступательного движения вперёд в части осмысления изучаемой проблемы с учётом вновь появившихся фактов. Наоборот, делается попытка их отрицать или замолчать.

Автор не собирается полемизировать с теми, кто опубликовал до него труды о великом разведчике – серьёзные и пустопорожние, употреблявшие имя Зорге всуе. При этом мнения, высказанные в ряде исследований, созвучны позиции автора. Это в первую очередь относится к работам разведчиков, знавших Рихарда Зорге: С.Л. Будкевича, Я.Г. Бронины, М.И. Сироткина. Это и монографии Юлиуса Мадера, Ф. Дикина и Г. Стори, Е.А. Горбунова, В.А. Гаврилова, А.Г. Фесюна, А.А. Кошкина, К.Е. Черевко, В.Э. Молодякова, А.В. Шишова, В.И. Томаровского, А.Е. Куланова, а также исследование Ю. А. Кузнецова, выложенное в интернете. Более того, автор использовал отдельные материалы и выводы, к которым пришли вышеперечисленные авторы. Отсюда неизбежным стало и повторение ряда вещей, известных узкому кругу исследователей.

Автором предпринята попытка осмыслить деятельность Рихарда Зорге через интерпретацию известных и неизвестных ранее фактов с учётом воздействия различных факторов: политических, экономических, субъективных, психологических, личностных.

Допуская возможность существования различных оттенков в интерпретации разведывательной деятельности «Рамзая» – «Инсона», автор, вместе с тем полагает, что в целом разброс в оценке работы советского разведчика, как в настоящее время, так и в будущем, будет весьма незначителен (ничтожен), и Рихард Зорге может по праву считаться одним из выдающихся разведчиков XX века.

Величие подвига «Рамзая» и его соратников, состоит именно в том, что благодаря и их усилиям Япония не вступила в войну с Советским Союзом и двинулась на Юг, что неизбежно должно было привести к столкновению с Америкой.

Михаил Алексеев, доктор исторических наук, профессор.

*Издательство выражает благодарность РОО «Ветераны разведки»
и лично А.Н. Есину
за финансовое содействие при издании книги.*

Вместо предисловия

Рихард Зорге: личность и ее окрестности

Характер – это способность действовать согласно принципам.
Иммануил Кант

В предлагаемой вниманию читателя новой книге Михаила Алексеева, известного российского историка, автора ряда книг об отечественных спецслужбах, речь идёт о военном разведчике Рихарде Зорге, который без сомнения является уникальной личностью для своего времени. За свою короткую жизнь Зорге проявил себя и как партийный функционер, и как учёный, журналист, но главное – как выдающийся разведчик, сотрудник Разведывательного управления Красной Армии.

Книга рассказывает примерно о десяти годах деятельности Рихарда Зорге в Японии в преддверии Второй мировой войны и в самом её начале. Факты и сведения, приводимые в книге, показывают, в каких условиях ему приходилось действовать и какова была военно-политическая обстановка в мире в тот период.

Выход этой книги представляется особенно ценным в связи с тем, что вокруг имени Рихарда Зорге до сих пор существует немало спекуляций, а некоторые лже-исследователи пытаются представить его как некоего бонвивана и светского гуляку, поставив под сомнение значимость добытой им информации. Примером подобного подхода служит статья Владимира Воронова под саркастическим заголовком «Агент виляния», опубликованная в июне 2014 года газетой «Совершенно секретно» (№ 6). В статье собраны весьма субъективные заметки о Рихарде Зорге, имеющие целью опровергнуть представление о нём, как о высочайшем профессионале и как о человеке, преданном своим идеалам.

«Разоблачения» В. Воронова, плохо представляющего себе профессию разведчика-нелегала, не учитывают того, что профессия предъявляет чрезвычайно жёсткие требования к его внутреннему миру и поведению. Понять такую сложную личность, как Зорге, на основании свидетельств тех или иных лиц, знавших его лишь в одной ипостаси, невозможно. Михаил Алексеев показывает личность Зорге во всей её многообразной сложности. Ведь его герой вынужден был убедительно изображать журналиста фашистской немецкой газеты, постоянно подтверждать свою состоятельность как эксперта по Японии в глазах немецкого посольства в Токио и при этом выдавать себя за свойского парня в иностранной колонии. Благодаря такому широкому охвату у него сложился богатый набор источников.

Рихард Зорге много лет отслеживал основные направления внешней и военной политики Японии. Это чрезвычайно сложная задача, ведь принятие решений на государственном уровне требовало согласования позиций различных правящих политических группировок и ведомств.

Важная информация поступала от Зорге и о подготовке фашистской Германии к нападению на Советский Союз. Главное, на мой личный взгляд, было не в факте сообщения конкретной даты нападения, которая по субъективным или объективным причинам может быть изменена. Главное – то, что ему удалось установить сам факт принятия Гитлером такого решения. Разброс в сообщениях о нападении – май – июнь 1941 года. Эти сообщения, подтверждённые сведениями о состоянии вооружённых сил Германии и её союзников, должны были послужить для советского руководства сигналом к приведению Красной Армии в полную боевую готовность.

Если говорить о личности Рихарда Зорге, то первое, что в нём поражает, это масштаб его деятельности и разнообразие её видов. Солдат, студент, партийный функционер, шахтёр, журналист, учёный, разведчик, – вот далеко не полный перечень его амплуа. Зорге никогда не

был слепым исполнителем, он чётко определял своё место вначале в революционной, а затем и в разведывательной практике. Это позволяло ему видеть задачи в более широком свете и находить многовариантность их разрешения. Зорге с его потенциалом творческого, самостоятельного развития быстро и качественно осваивал каждую новую профессию, что и ныне является определяющим при отборе в разведку.

Весьма важным личностным качеством Рихарда Зорге было умение работать автономно, в режиме самоуправления. Указания Центра бывают трёх видов: контурные, структурированные и алгоритмические. Контурные представляют собой постановку задач без предписания, как их выполнять. Структурированные более строго обозначают задачу, которая сопровождается указаниями общего порядка по её исполнению. Алгоритмические однозначно определяют все действия исполнителя. Преобладают на практике именно контурные указания, особенно при постановке разведывательных задач. Квалифицированное руководство Центра учитывает возможность изменений в динамике событий и не сковывает действия тех, кто работает в «поле».

Следующая сторона личности Зорге характеризуется качественным анализом всех сфер практической деятельности, в том числе добываемых сведений. Он стремился раскрыть связь конкретного факта или события с другими сведениями, выявить тенденцию, дать собственную оценку и предложить возможный способ реагирования.

Сегодня это тем более важно, поскольку всё возрастающий вал «неочищенной» информации серьёзно затрудняет качество наблюдения обстановки, засоряя механизм принятия государственных решений второстепенными и дезинформационными данными, а также тем, что в век компьютерных технологий называют спамом.

Аналитический подход развился у Зорге в процессе научной и журналистской работы. За период с 1921-го по 1930 год им было опубликовано 5 книг и монографий, 41 статья в периодических изданиях. К сожалению, Центр не всегда относился с должным вниманием к его предложениям и оценкам.

Рихард Зорге был широко эрудирован в таких областях, как экономика, история, политология, востоковедение. Большой багаж знаний делал его хорошим аналитиком, к мнению которого прислушивались в германском посольстве в Токио, в правящей японской элите. Широкий круг интересов превращал Зорге в прекрасного собеседника. В его арсенале всегда находились темы для беседы с конкретным человеком, он умел создать возможности для дальнейшего развития контактов. А ведь известно, что не так сложно с кем-либо познакомиться, как суметь превратить знакомство в длительную связь.

Хотелось бы обозначить ещё несколько черт личности Зорге, имеющих особое значение для профессионального разведчика. Прежде всего это умение влиять на людей и использовать их в разведывательных целях, то есть доминантность. Так, работая в Китае в начале 1930-х годов, он за короткий период установил свыше десятка информированных связей. В Японии Зорге сумел подчинить своему влиянию германского военного атташе Ойгена Отта, позднее ставшего послом.

Работу с большинством информаторов Зорге строил на дружеской основе, прикрываясь положением журналиста и находя возможность устанавливать и поддерживать регулярные контакты. Это было возможно благодаря индивидуальному подходу к каждому, построенному с учётом личных качеств, информированности, с выбором психологически удобного для собеседника места контакта. Определённое значение имела и манера разведчика одеваться. Он всегда носил модную и добротную одежду и был аккуратно подстрижен, что придавало ему элегантность и солидность без налёта педантизма и чопорности.

В значительной мере успех Зорге объяснялся характерной для него естественностью поведения, что располагало к нему окружающих и упрощало закрепление отношений. Естественность же его проистекала из уверенности в том, что он занимался нужным делом, в

его преданности великой стране, которой служил. Разведывательную деятельность Зорге осуществлял с артистизмом. Он не подлаживался к японцам (что было весьма затруднительно в силу многих причин, начиная от незнания японского языка и кончая насторожённым отношением японцев к иностранцам), но вёл себя также, как члены иностранной колонии в Токио, в особенности немцы, поскольку Германия была для Японии дружественной страной. При этом Зорге хорошо знал историю японского общества и всегда учитывал его специфические особенности.

Центр, также учитывая особенности Японии, включил в состав резидентуры Зорге агентов-японцев, которые успешно работали с соотечественниками. Например, Ходзуми Одзак добывал стратегически важную информацию у представителей правящей элиты, в том числе из окружения премьер-министра страны.

Однако человеческие возможности не беспредельны, к концу 1940-го – началу 1941 года у Рихарда Зорге накопилась психологическая и физическая усталость, которая, впрочем, не проявлялась во внешнем поведении и не сказывалась на эффективности его работы. С началом Второй мировой войны он явно сознавал невозможность передышки, и вопреки усталости демонстрировал высокую психологическую устойчивость.

На протяжении всей своей жизни Рихард Зорге неустанно работал над собой, как в профессиональном плане, так и с точки зрения общего развития. К нему как ни к кому другому применима мысль, высказанная немецким мыслителем Иоганном Гердером (1744–1803): «Человек – это искусно построенная машина, наделённая генетической диспозицией и полнотой жизни. Но машина не играет сама по себе, даже самому способному человеку придется учиться играть на ней. Разум – это соединение впечатлений и практических навыков нашей души, сумма воспитания всего человеческого рода; и воспитание это человек довершает, словно посторонний самому себе художник, воспитывая себя на чужих образах».

В своем мировоззренческом развитии Рихард Зорге шёл от восприятия окружающего мира с позиции благовоспитанного и благополучного ребёнка из обеспеченной семьи, через понимание ужасов Первой мировой и личные страдания (он был трижды ранен) – к выбору пути революционера, вступившего на путь борьбы за совершенствование человеческого общества. И, как ни высокопарно это звучит, в начале 1920-х годов прошлого века такие взгляды были свойственны немалой части его сверстников.

Существенное влияние на формирование Зорге оказала его первая жена Кристина Герлах, благодаря которой он вошёл в круг немецких интеллектуалов. В результате его личный мир расширился, а знания в области экономики и социологии углубились. Поработав шахтёром, познал он и реальную жизнь рабочего класса.

Особое место в становлении личности Зорге сыграла работа в структурах Коминтерна, где он приобрёл опыт, весьма востребованный в разведке. Это была пора его взросления, описанная в предыдущей книге Михаила Алексеева, посвящённой пребыванию Зорге в Китае. В качестве сотрудника Коминтерна Рихард общался с такими его лидерами, как О. Куусинен, Д. Мануильский, О. Пятницкий и другие, выполнял различные задания в Дании, Швеции, Норвегии, Великобритании.

Но определяющую роль в жизни Рихарда сыграл опытный военный разведчик К.М. Басов (Я.Я. Абелтынь), бывший в 1927–1930 годах резидентом РУ РККА в Германии. Именно Басов обратил внимание руководства советской военной разведки, в частности Я.К. Берзина, на Зорге как перспективного кандидата для разведывательной работы, после чего у Берзина и родилась идея использовать Зорге на Дальнем Востоке, где военная разведка решала задачи, связанные с оказанием помощи революционному Китаю и отслеживанием позиции Японии в отношении СССР.

Идея была смелой и отчасти рискованной, учитывая работу Зорге в центральном аппарате Коминтерна и в целом ряде стран Европы. С другой стороны, она опиралась на трезвую

и взвешенную оценку ситуации. На Дальнем Востоке Рихард Зорге не был известен как представитель Коминтерна, а сотрудничество между правоохранительными органами европейских и азиатских стран не носило регулярного и устойчивого характера. Личные качества и имеющийся опыт позволяли Зорге с высокой степенью вероятности утвердиться в обеих странах в качестве журналиста.

Круг лиц, с которыми контактировал Рихард Зорге, чрезвычайно велик и состоит из нескольких миров. Прежде всего это соратники по разведке – работники Центра (Я.К. Берзин, С.П. Урицкий, Л.А. Борович и др.), курьеры для передачи добываемых материалов и т. д., а также сама нелегальная резидентура «Рамзай», возглавляемая Зорге. В её состав входили очень разные люди, что учитывалось им в процессе организации разведывательной деятельности. При этом все агенты сотрудничали с разведкой на идейной основе, а финансовые затраты по обеспечению их работы были минимальны.

Другой мир включал круг лиц, являвшихся источниками разведывательных сведений благодаря личным отношениям с Зорге или другими сотрудниками резидентуры. Среди них были посол Германии в Японии О. Отт и его супруга Хельма; военные представители в составе германского посольства контр-адмирал П. Веннекер, полковники Г. Матцке и А. Кречмер, подполковник Ф. Шолль; сотрудники иностранных информационных агентств, аккредитованных в Токио.

Особое место занимала грамотно организованная работа со всеми (!) немецкими официальными и неофициальными делегациями, прибывавшими в Японию в рамках внешнеполитического и военно-политического сотрудничества. От этих, казалось бы, эпизодических контактов часто поступала ценная информация. Учитывая информационный выход на премьер-министра Японии Ф. Коноэ, имевшийся у Х. Одзаки, одного из соратников Зорге, можно сделать вполне обоснованный вывод об актуальности, широте и глубине сведений, представленных резидентурой «Рамзая».

Существовал и третий мир контактов, призванный поддерживать образ Рихарда в глазах местных властей. Речь идёт об иностранной колонии, в особенности о её немецкой части. Так, в жизни Зорге появилась японская девушка Исии Ханako, что в то время было обычным делом для проживавших в Японии иностранцев (что-то подобное описано и воспето в образе Чيو-Чю-сан в знаменитой опере Д. Пуччини «Мадам Баттерфляй»).

Исии Ханako до конца своей жизни осталась преданной памяти Зорге. После окончания Второй мировой войны она отыскивала его могилу и, перезахоронив Рихарда в достойном месте, поставила ему памятник. Также она является автором трёх книг, посвящённых жизни Зорге.

И все же личность Зорге как разведчика и человека не получила ещё полного и всестороннего освещения ни в документальной, ни в художественной литературе. В этом плане работу Михаила Алексеева можно расценивать в качестве надёжного путеводителя. Его книга представляет собой серьёзный вклад в исследование деятельности Зорге и, надеюсь, будет использована в последующих научных трудах и произведениях литературы и искусства, посвящённых его памяти.

Не надо думать, что на пути Зорге не было трудностей и ошибок. Сказывались недостаточный опыт агентурной работы, нехватка военных знаний, дискретный и лаконичный стиль руководства со стороны Центра. Но в итоге Зорге превратился в высокого профессионала. Этот сильный человек отдал свою жизнь служению идеалам, в которые верил, служению стране, которую любил и защищал. Зорге оказался способным не отклоняться от своих принципов, проявив настоящий характер, как определил его Иммануил Кант.

Рихард Зорге оставил нам тюремные записки; в нашем распоряжении имеются материалы следствия, проведённого японскими властями. Опубликованы заметки о нём Кристины Герлах и Рут Вернер, Исии Ханako, пьеса, написанная братом Х. Одзаки, фильм Ива Чампи «Кто вы, доктор Зорге?», «зоргиана» за авторством историков В. Лоты и С. Будкевича, литераторов М.

Колесникова, Ф. Волкова, О. Горчакова, С. Голякова, В. Поволяева. Но исчерпывающе полного осмысления жизни и подвига Рихарда Зорге даже теперь, через 120 лет после его рождения, не произошло.

Михаил Алексеев в предлагаемой читателю книге сделал важный и верный шаг в этом направлении.

*Александр Петрович Алексеев*¹

генерал-лейтенант, ветеран военной разведки

12. 08. 2014 г.

«Викс («Рамзай» о себе. – М.А.) внешне устроился прекрасно, уважаемый писатель. Так что в этом отношении все в порядке. Ваша “команда” прекрасно пробилась наружу (за границу. – М.А.). Тем не менее, необходимо еще раз повторить о важности своевременной подготовки людей для замены теперешней команды. Ибо Викс, работающий в стране уже пятый год, убедительно просит вернуть его домой. Пообещайте, что Вы вернете его домой при первой возможности. Будет ли это точно, как вы говорите, в конце этого года или в феврале-марте следующего года уже не так существенно. Для него важно знать, что после выяснения положения Вы не оставите его дольше в этой ужасной стране без горькой необходимости. А пока что вы о нас не беспокойтесь. Хотя нам всем эта страна набила оскомину, хотя мы все устали и нанервничались, тем не менее, мы прежние послушные и решительные парни, твердо решившие выполнить задачи нашего великого дела.

Сердечно приветствуем Вас и Ваших друзей.

Ваш Рамзай.

7.10.1938 г.»

(Из письма Рихарда Зорге в Центр)

¹ Алексеев Александр Петрович родился 22 июля 1945 года в г. Краснодон (Украинская ССР) в семье железнодорожника. В 1963 году закончил среднюю школу в поселке Новоайдар Ворошиловградской области с серебряной медалью. С 1963 по 1968 гг. слушатель Киевского высшего инженерного радиотехнического училища ПВО. С 1968 по 1971 гг. служил в войсках ПВО. С 1971 по 1974 гг. слушатель Военно-дипломатической академии (закончил с отличием). Работал за рубежом. Генерал-лейтенант. Вышел в отставку в 2002 году. В этом же году был назначен в МИД РФ на должность посла по особым поручениям, советником министра иностранных дел РФ по вопросам НАТО. Покинул должность по достижении 65 лет в 2010 году. С 2010 года доцент Военной академии МО РФ. Скончался 7 марта 2015 года в Москве, похоронен на Троекуровском кладбище. Награжден Орденом Красной Звезды, Медалью за боевые заслуги. Отмечен благодарственной грамотой за заслуги в разработке и реализации внешнеполитического курса РФ и многолетнюю плодотворную дипломатическую деятельность Президента РФ Владимира Путина.

Пролог

«Японская угроза»

(О'Конрой Т. 1933 г.)

1. «... Основная цель [Японии] – так или иначе, тем или иным способом захватить столько советских территорий, сколько удастся, и нанести такой удар по советской стране, какой только окажется возможным»

(из вступительной речи 8 октября 1946 г. на Токийском процессе обвинителя от Советского Союза С.А. Голунского)

Внешняя политика СССР традиционно опиралась на два ленинских принципа: пролетарского интернационализма и мирного сосуществования двух систем.

В.И. Ленин и его соратники считали, что Октябрьская революция положила начало переходу всего человечества к коммунизму, и им нужно продержаться у власти всего несколько недель, в крайнем случае – несколько месяцев до выступления европейского пролетариата. Но вопреки их расчётам революция 1918 г. в Германии в социалистическую не переросла, а провозглашённые в 1919 г. Советские республики в Бремене и Баварии, Венгрии и Словакии, существовали совсем недолго. Поражение советских республик, однако, не поколебало уверенности вождей Октябрьской революции в своей исторической правоте.

6 ноября 1920 г. на заседании Пленума Моссовета, посвящённом третьей годовщине Октябрьской революции, В.И. Ленин сказал: «Мы побеждаем в течение трёх лет. Это является гигантской победой, в которую раньше никто бы из нас не поверил. Три года тому назад, когда мы сидели в Смольном... если бы в ту ночь нам сказали, что через три года будет то, что есть сейчас, будет вот эта наша победа, – никто, даже самый заядлый оптимист, этому не поверил бы. Мы тогда знали, что наша победа будет победой только тогда, когда наше дело победит весь мир, потому что мы и начали наше дело исключительно в расчёте на мировую революцию»².

Сразу после окончания Первой мировой войны, в марте 1919 г. в Москве по инициативе Ленина состоялся I (учредительный) конгресс Коммунистического Интернационала, в который вошли многие левые социалистические партии Европы и Азии, перешедшие на большевистские (коммунистические) позиции. В уставе, принятом на II конгрессе в августе 1920 г., говорилось: «Коммунистический Интернационал ставит себе целью: борьбу всеми средствами, даже и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание Международной Советской республики как переходной ступени к полному уничтожению государства. Коммунистический Интернационал считает диктатуру пролетариата единственным средством, дающим возможность освободить человечество от ужасов капитализма. И Коммунистический Интернационал считает Советскую власть исторически данной формой этой диктатуры пролетариата»³.

«По существу дела Коммунистический Интернационал должен действительно и фактически представлять собой единую всемирную коммунистическую партию, отдельными секциями которой являются партии, действующие в каждой стране. Организационный аппарат Коммунистического Интернационала должен обеспечивать труженикам каждой страны возможность в каждый данный момент получить максимальную помощь от организованных пролетариев остальных стран»⁴.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. (5-е изд.) М., 1970. Т. 42. С.1–6.

³ Второй конгресс Коминтерна. Июль-Август 1920 г. / Под ред. О. Пятницкого, Д. Мануильского, В. Кнорина, Б. Куна, М. Зоркого. М., 1934. С. 535.

⁴ Там же. С. 535–536.

Идейно-политически, организационно и материально Коминтерн был неразрывно связан с российской компартией, с Советским Союзом, что выразилось в полной зависимости Коминтерна и его руководящих органов от советской внешней политики⁵. С момента своего основания Коминтерн использовался Советской Россией как инструмент вмешательства во внутренние дела целого ряда государств мира.

Принцип пролетарского интернационализма вступал в прямое противоречие с принципом мирного сосуществования с капиталистической системой. Этим объясняется непоследовательность внешнеполитических акций РСФСР. Но политика Запада в отношении Советской России была не менее противоречивой. С одной стороны, Запад стремился держать её в политической и экономической изоляции, с другой – ведущие державы мира были заинтересованы в компенсации своих материальных потерь, связанных с революцией; они ставили целью вновь получить доступ к утраченным сырьевым ресурсам, обеспечить проникновение в страну иностранных капиталов и товаров.

И.В. Сталин детально разработал ленинское положение о неизбежности империалистических войн, сформулировав ряд тезисов, касающихся международных отношений: войны неизбежны пока существует империализм и «чтобы устранить неизбежность войны, нужно уничтожить империализм»⁶; СССР окружён непримиримыми врагами, поэтому искреннее сотрудничество с ними невозможно; «Октябрьская революция создала в лице пролетарской диктатуры мощную и открытую базу мирового революционного движения, которой она никогда не имела раньше и на которую она может теперь опереться»⁷. И.В. Сталин считал, что даже активное движение за мир не способно предотвратить новые империалистические войны, а Советский Союз неизбежно будет втянут в любой значительный международный конфликт. Говоря о неизбежности войн между капиталистическими государствами, Сталин имел в виду и неизбежность войн между капиталистическими странами и Советским Союзом⁸.

Согласно сталинской концепции, опасность для СССР представляли не только отдельные иностранные державы, такие, как Германия и Япония, но всё его «капиталистическое окружение». На совещании работников оборонной промышленности 14 июня 1934 г. Сталин, в частности, заявил: «У нас капиталистическое окружение, значит, мы окружены врагами, врагами цивилизованными и более культурными, чем мы, врагами опытными, которые ни перед чем не остановятся»⁹.

С начала 1930-х годов руководство Советского Союза жило в ожидании агрессии не только на Западе, но и на Дальнем Востоке. Донесения разведки, военной и политической, свидетельствовали, что Япония готовилась воевать с СССР, что позднее было подтверждено материалами Международного военного трибунала в Токио.

Все 1930-е годы военная разведка ставила своей целью выявить, нападёт ли Страна восходящего солнца на Советский Союз в текущем году, и если не нападёт, как сложится ситуация в следующем году. Разведкой и руководством страны эта угроза расценивалась как реальная. Вместе с тем сама Япония, готовясь воевать со страной Советов, не задавалась вопросом, подкреплены ли её планы материальными и людскими ресурсами, в каком состоянии находится группировка войск в Маньчжурии, располагает ли она для ведения наступательных операций необходимым количеством дивизий, подготовлена ли инфраструктура театра военных

⁵ Адибеков Г.М., Шахназарова Э.Н., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. 1943–1945. М., 1997. С. 3–4.

⁶ Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 36.

⁷ Еремин А.Г. Идеология и прагматизм во внешней политике СССР 1945–1964 годов // Вестник Чувашского университета. № 1. 2012. С. 22–25.

⁸ Там же.

⁹ Невежин В.А. «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. М., 2007. С. 92.

действий, соответствует ли вооружение и боевая техника современным требованиям и как соотносятся её показатели с подобными показателями Красной Армии.

К войне с превосходившим её по всем показателям противником Япония не была готова. Её безрассудство и авантюризм в этом вопросе объясняются следующими обстоятельствами: победой в Русско-японской войне 1904–1905 гг. против превосходившего по силам противника; успешной на первых порах интервенцией на российском Дальнем Востоке в 1918–1922 гг.; оккупацией Маньчжурии ограниченным контингентом японских войск (что не могло не вскружить голову командованию Квантунской и Корейской армий); отсутствием решительного противодействия при вторжении японцев, в нарушение Портсмутского договора, в Северную Маньчжурию с занятием в 1932 году Харбина, главного города Китайско-Восточной железной дороги (СССР не ввёл войска в Северную Маньчжурию, как во время конфликта на КВЖД в 1929 г., когда Особая дальневосточная армия разгромила войска китайского милитариста Чжан Сюэяня); продажей Советским Союзом КВЖД в 1935 г. подконтрольному Японии государству Маньчжоу-Го; попустительством японскому вторжению со стороны западных держав. Отсюда не критичный подход к оценке собственных сил и средств, а также сил и средств противника, и даже затянувшаяся война с Китаем, развязанная в 1937 г., не отрезвила японское военно-политическое руководство.

Планы вторжения Японии в СССР, которые регулярно корректировались и менялись в соответствии с изменившимися условиями, предусматривали нанесение поражения Советскому Союзу на Дальнем Востоке (а в ряде случаев и в Сибири) в ходе быстротечной кампании. Основное отличие японских планов от германской Директивы № 21 состояло в том, что они не были подкреплены мощным «кулаком» пехоты, бронетанковых соединений и авиации, оснащённых современным оружием и техникой, и существовали только на бумаге.

Командование Квантунской и Корейской армий нередко начинало боевые действия по своей инициативе, и вместо наказания за подобные инициативы высшее руководство страны временно отстраняло военачальников от должности. Это означало, что локальный вооружённый конфликт мог в любой момент перерасти в большую войну.

Советская разведка была не в состоянии вскрыть тот факт, что Япония не готова к развязыванию войны. В своих донесениях разведчики ограничивались констатацией того факта, что Япония готовится к войне с Советским Союзом, но в текущем году на СССР не нападёт. Правда, в этом были и положительные стороны: благодаря существовавшему напряжению, на Дальнем Востоке была развернута сильная группировка вооружённых сил Красной Армии, создан военно-промышленный комплекс, не зависевший от функционирования Транссибирской магистрали, подготовлена инфраструктура и т. д.

В своей вступительной речи на Токийском процессе обвинитель от Советского Союза С.А. Голунский подчеркивал: «В течение всего периода, охватываемого обвинительным актом (с 1928 г. – вплоть до капитуляции Японии. – М.А.), характер и формы японской агрессии против Советского Союза менялись. Оставалась неизменной только основная цель – так или иначе, тем или иным способом захватить столько советских территорий, сколько удастся, и нанести такой удар по Советской стране, какой только окажется возможным»¹⁰.

Ещё более адекватной оценкой стратегии Японии по отношению к Советскому Союзу в 1930-е годы стало высказывание на допросе бывшего начальника штаба Квантунской армии генерал-лейтенанта Хикосабуро Хата 28 февраля 1946 г. в Хабаровске: «Действия Японии, совершаемые в то время в районе озера Хасан и реки Халхин-Гол, носили провокационный характер, и эта провокация не была рассчитана на Большую войну. Основная цель, которую Япония преследовала в то время, заключалась в захвате вооружённой силой части территории. **То есть действия Японии в данном случае можно сопоставлять с действиями**

¹⁰ Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 303.

шелковичного червя, постепенно поедающего лист тутового дерева (выделено мной. — М.А.)»¹¹.

Японское руководство предпочитало не замечать опасность перерастания пограничных конфликтов (например, в районе реки Халхин-Гол в 1939 г.) в полномасштабную войну. И ещё: наличие прожорливого «шелковичного червя» на восточных границах Советского Союза облегчало для Германии ведение боевых действий против СССР. В телеграмме в Токио от 15 мая 1942 г. Риббентроп признал, что сам по себе факт концентрации японских войск на советско-маньчжурской границе облегчал положение Германии, «поскольку Россия, во всяком случае, должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японо-русского конфликта»¹².

Японские планы войны против СССР были наступательными, а отнюдь не планами «стратегической обороны», как это пытались представить адвокаты японских подсудимых на Токийском процессе. Возможно, при определённых обстоятельствах оборонительная стратегия оправдывает наступательные операции и, может быть, предусматривает их проведение. Однако, как отмечалось в Приговоре международного трибунала для Дальнего Востока (по делу главных военных преступников), такие планы «были “оборонительными” только в искажённом смысле слова, поскольку предусматривали защиту “императорского пути”, то есть экспансию Японии за счёт своих соседей на азиатском континенте»¹³.

Оценку «агрессивной политики Японии на Дальнем Востоке» дал в собственноручных показаниях и командующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзо 8–9 апреля 1946 года: «В начале эры Мэйдзи, около 1867 г., в Японии ещё не было трудностей вследствие перенаселённости страны. Тем не менее, уже тогда, с точки зрения национальной обороны, слабым местом обороны считалось наличие влияния третьих стран в Корее, на Сахалине, Курильских островах и т. д. Вот почему после 1867 г. в Японии неоднократно обсуждался вопрос о необходимости насаждения нашего влияния в Корее, вследствие чего в 1894–1895 гг. возникла Японо-китайская война. Тогда же между Россией и Японией существовало расхождение в вопросе о принадлежности островов Курильской гряды и Южного Сахалина.

В Японии было немало людей, которые старались упрочить национальные права путём экспансии в сторону Курильского архипелага и Сахалина с тем, чтобы усилить оборону севера и колонизировать эти земли.

В последующее время между Россией и Японией была достигнута договорённость относительно разграничения территорий. Несмотря на это Япония хотела обладать Сахалином как в интересах национальной обороны, так и экономики. Поэтому на Портсмутской конференции 1905 г. Япония одним из условий заключения мира выдвинула требование о присоединении к ней Сахалина и получила его южную часть. Однако в первую очередь последующая экспансия была устремлена в направлении Маньчжурии и Кореи. Это было вполне естественно в силу географического положения данных стран. Военные приготовления Японии имели своей целью выполнение указанных национальных задач, и объектом военных мероприятий была армия Китая, а затем русская армия на Дальнем Востоке.

Японо-китайская война была первым шагом по применению реальной силы Японии для устранения из Кореи влияния Китая. Для выполнения национальной политики экспансии в сторону материка японская армия была увеличена с 7-ми дивизий до 13. В итоге Японо-китайской войны Китай уступил Японии Формозу [Тайвань], признал самостоятельность Кореи. Таким образом, до некоторой степени положение Японии было упрочено. Тем не менее, Япония не смогла овладеть какой-либо частью Маньчжурии. Затем постепенно объект вооружён-

¹¹ Мозохин О.Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М., 2012. С. 391.

¹² Кошкин А.А. «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. С. 324.

¹³ Милитаристы на скамье подсудимых: По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С.146.

ных приготовлений стал перемещаться на Россию. Русско-японская война была начата Японией с целью изгнания русского влияния из Маньчжурии и Кореи...

В результате Русско-японской войны Япония получила от России Южный Сахалин, чем упрочила национальную оборону на Севере, приобрела Ляодунский полуостров и часть Китайско-Восточной ж. д. на юг от Чанчуня, уничтожив влияние России в Южной Маньчжурии. Таким образом, Япония создала себе базу для агрессии в сторону материка. Регулярная армия Японии была увеличена до 19 дивизий, из которых одна дивизия была расквартирована в Южной Маньчжурии как опора для расширения здесь сферы японского влияния.

Захват Кореи был только частью тех задач, которые были поставлены перед экспансией Японии на материке. Это означало, что Япония овладела опорным пунктом для продвижения в Маньчжурию.

В 1905 году Япония... использовала создавшееся после войны положение для неожиданного объявления Кореи своим протекторатом. Тогда же было создано Корейское генерал-губернаторство, а в 1910 году Япония окончательно захватила Корею. Захват Кореи и приобретение Южной Маньчжурии укрепили плацдарм для последующей японской агрессии в сторону материка.

С захватом Кореи численность квартирующих там вооружённых сил Японии была увеличена на 2 дивизии. Армия в Корее стала передовой линией подготовки вооружений против России и Китая.

В 1918 году, воспользовавшись тем, что силы Советской России ещё не были на должной высоте, Япония отправила в Сибирь экспедиционные войска. Интервенция преследовала следующие цели: оказание помощи чехословацким силам и создание белогвардейского государства под японским влиянием и покровительством. Япония держала свои войска на Дальнем Востоке четыре года и эвакуировала их вследствие экономической неурядицы в самой Японии и под давлением частей Красной Армии...

Экспедиционные силы того времени состояли из 3-й, 5-й, 7-й, 11-й и 12-й дивизий. Закончив интервенцию, Япония вывела войска из Сибири в 1922 году...»¹⁴

Мирный договор между Россией и Японией, заключённый в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года¹⁵ предусматривал следующие серьёзные уступки:

- 1) полную свободу для проведения японской политики в Корее;
- 2) уступку «с согласия Китайского Правительства» Порт-Артура, Талиена и прилегающих территориальных вод, а также все права, преимущества и концессии, все сооружения и имущество на данной территории;
- 3) безвозмездную уступку «с согласия Китайского Правительства» железной дороги между Чан-чунь (Куан-ченцзы) и Порт-Артуром и все её разветвления со всеми принадлежащими ей правами, привилегиями и имуществом, а также всех каменноугольных копей, принадлежащих «означенной железной дороге или разрабатываемых в её пользу»;
- 4) уступку «в вечное и полное владение» южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов по пятидесятой параллели северной широты.

Согласно Портсмутскому договору, Россия и Япония «взаимно» обязались: «1) Эвакуировать совершенно и одновременно Маньчжурию, за исключением территории, на которую распространяется аренда Ляодунского полуострова, согласно постановлениям дополнительной I статьи, приложенной к сему Договору, и 2) Возвратить в исключительное управление Китая вполне и во всём объеме все части Маньчжурии, которые ныне заняты русскими или японскими войсками или которые находятся под их надзором, за исключением вышеупомянутой территории». В сентябре 1931 года эту статью мирного договора Япония нарушила.

¹⁴ Мозохин О.Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). С. 419–421.

¹⁵ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. С. 337–342.

Интервенция на Дальнем Востоке проходила в два этапа. С 1918-го по март 1920-го в ней участвовали государства Антанты; с апреля 1920-го по октябрь 1922-го – только Страна восходящего солнца, заинтересованная в новых территориальных приобретениях. Речь шла о российских землях не только на берегах Тихого океана, но и в Забайкалье.

Уже в октябре 1917 г. «Союзный Высший совет согласился пригласить Японию оккупировать Владивосток и обеспечить движение по Транссибирской ж. д. При этом услуги Японии союзникам должны были быть компенсированы частью Сибирской территории. Но президент Вильсон воспротивился этому плану, задержал на несколько месяцев экспедицию, пока, наконец, не победила его идея союзной интервенции»¹⁶.

4 апреля 1918 года во Владивостоке были убиты двое японских служащих коммерческой компании. На следующий день под предлогом защиты своих подданных японцы высадили в городе десант; вслед за ними высадились англичане.

Начальник английского экспедиционного отряда полковник Джон Уорд рассказывал: «При высадке своих войск во Владивостоке Япония представила командующему областью через своих дипломатических агентов ряд предложений, которые отдавали под её контроль русские приморские области. Командующий русскими войсками попросил, чтобы эти предложения были изложены письменно, и японский агент после некоторого смущения согласился на это при условии, что первый пункт предложений не должен рассматриваться как окончательный, но только как предваряющий другие. Первое предложение состояло в следующем: Япония обязуется уплатить командующему 150.000.000 р. (по старой валюте), взамен чего последний должен подписать соглашение, предоставляющее Японии владение всеми береговыми и рыбными правами вплоть до Камчатки, вечную аренду Инжильских копей и всё железо (исключая принадлежавшее союзникам), находящееся во Владивостоке.

Командующий оказался честным человеком и сообщил в своём ответе, что не представляет русского правительства и не может подписать акта, отчуждающего собственность или права России. Ответ Японии был краток и красноречив: «Берите наши деньги и подписывайте соглашение, риск относительно законности мы поделим пополам»¹⁷.

Не оставляя мысли провести интервенцию самостоятельно, Япония вела сепаратные переговоры с белогвардейским командованием. Начальник японской военной миссии при Временном Правителе генерал-лейтенанте Д.Л. Хорвате (10 июля – 13 сентября 1918 г.) предлагал помощь на следующих условиях:

- «1) Япония производит интервенцию в Сибири одна;
- 2) Япония получает северную часть Сахалина;
- 3) Японии предоставляются предпочтительные коммерческие права в Восточной Сибири;
- 4) Японии гарантируются концессии для эксплуатации минеральных и лесных богатств к востоку от Байкальского озера;
- 5) японские подданные получают одинаковые с русскими права в Восточной Сибири;
- 6) Владивосток превращается в свободный порт, и все военные сооружения снимаются»¹⁸.

2 августа 1918 г. японское правительство объявило, что пошлёт во Владивосток войска для оказания помощи чехословацкому корпусу. В тот же день японский десант захватил Николаевск-на-Амуре, где не было чешских легионеров. Во Владивостоке началась высадка амери-

¹⁶ Иоган Е., Ташин О. Когда Япония будет воевать / Пер. с англ. М., 1936. С. 25.

¹⁷ Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда / Предисл. И. Майского. Петроград, 1923. С. 162.

¹⁸ Иоган Е., Ташин О. Когда Япония будет воевать. С. 25.

канских, английских и французских войск. Объединённый экспедиционный корпус интервентов возглавил японский генерал Отани.

К октябрю 1918 г. численность японских войск в России достигла 72 тысяч человек (в то же время американский экспедиционный корпус насчитывал 10 тысяч человек, а войска других стран – 28 тысяч), они оккупировали Приморье, Приамурье и Забайкалье. Войска Антанты, и прежде всего Япония, оккупировали огромную территорию своей бывшей союзницы в Первой мировой войне.

Японцы вынашивали план создания на обширных российских территориях буферного государства под протекторатом Японии, о чём в 1919 году японский представитель вёл переговоры с атаманом Семёновым. Действия интервентов вызывали сопротивление местного населения: только в Приамурье весной 1919 года действовало 20 партизанских отрядов, насчитывавших (по японским оценкам) 25 тысяч человек.

Разгром Колчака в конце 1919-го – начале 1920 года заставил Америку и другие державы Антанты начать вывод войск с Дальнего Востока, который завершился к апрелю (американские корабли оставались на рейде Владивостока до 1922 года), однако численность японских войск там не уменьшилась.

Поводом к отказу от эвакуации японских войск послужил так называемый Николаевский инцидент: занятый интервентами ещё в сентябре 1918 г. Николаевск-на-Амуре в начале 1920 г. был окружён отрядом красных партизан под командованием анархиста, тверского мещанина Я. И. Тряпицына. 28 февраля вслед за соглашением о капитуляции белогвардейцев было заключено соглашение «О мире и дружбе японцев и русских». Партизаны вошли в город, уничтожили всех сдавшихся в плен белогвардейцев и потребовали от японцев разоружиться. Те отказались, напали на штаб партизан и ранили Тряпицына. В ответ партизаны обстреляли японское консульство и бараки, занятые японскими войсками. Более 850 военнослужащих и гражданских лиц были взяты в плен¹⁹. Несколько позднее, после очищения Амура ото льда, в Николаевск-на-Амуре на военных судах прибыл японский экспедиционный отряд. При его приближении Тряпицын приказал расстрелять японских военнопленных и тех жителей города, которые отказались уйти с ним из Николаевска, после чего сжёг город. За эти действия местный народный суд приговорил Тряпицына и других руководителей отряда партизан-анархистов к расстрелу²⁰.

В качестве акта возмездия японцы организовали в Приморье массовую резню – было убито и ранено свыше пяти тысяч человек, а в топке паровоза сожжён один из руководителей партизанского движения Дальнего Востока Сергей Лазо. Воспользовавшись Николаевским инцидентом, правительство Японии отказалось эвакуировать свои войска с российского Дальнего Востока. Под предлогом защиты служащих нефтяной компании «Хокусинкай» в июне 1920 г. японские войска оккупировали Северный Сахалин. Япония заявила, что не уйдёт оттуда, пока Россия не признает своей ответственности за гибель японцев в Николаевске. Сразу после этого японские войска захватили Приморье и Приамурье. Эти районы были превращены в базу для нападения на Камчатку, где к 1922 году японцы захватили 93 % рыболовных участков. На Сахалине они стремились овладеть запасами нефти и угля²¹.

Ещё в 1919 г., чтобы избежать прямого военного столкновения РСФСР с Японией, по инициативе В.И. Ленина было создано «буферное государство» – Дальневосточная республика (ДВР). По решению учредительного съезда республики, проходившего в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ), в неё вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин.

¹⁹ Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С. 11.

²⁰ Там же.

²¹ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 12.

Открытый военный конфликт с Японией мог дать новый виток вооружённой борьбе Белого движения против Советской власти, прежде всего в Сибири. О том, насколько серьёзной виделась угроза такого военного столкновения, в своем докладе о концессиях на фракции РКП(б) VIII Всероссийского съезда Советов свидетельствовал председатель Совета Народных Комиссаров В.И. Ульянов (Ленин): «Дальний Восток, Камчатка и кусок Сибири фактически сейчас находятся в обладании Японии, поскольку её военные силы там распоряжаются, поскольку, как вы знаете, обстоятельства принудили к созданию буферного государства – в виде Дальневосточной республики, и мы прекрасно знаем, какие неимоверные бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма, какое неслыханное количество зверств проделали японцы в Сибири... Но тем не менее вести войну с Японией мы не можем и должны всё сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна. И в то же время, отнимая от нас связь со всемирной торговлей через Тихий океан, Япония наносит нам колоссальный ущерб... Бороться с Японией мы в настоящий момент не в состоянии...»²²

В этом выступлении В.И. Ленин провидчески указал: «Перед нами растущий конфликт, растущее столкновение Америки и Японии, – ибо из-за Тихого океана и обладания его побережьями уже многие десятилетия идет упорнейшая борьба между Японией и Америкой, и вся дипломатическая, экономическая, торговая история, касающаяся Тихого океана и его побережий, вся она полна совершенно определённых указаний на то, как это столкновение растёт и делает войну между Америкой и Японией неизбежной...»²³.

В Москве было решено создать временное демократическое правительство, которое могло бы установить с Токио межгосударственные отношения, а особенно – с командованием японского экспедиционного корпуса на Дальнем Востоке. Дальнейшее продвижение Красной Армии было остановлено сразу за Иркутском, на рубеже озера Байкал; за Верхнеудинском по линии Транссибирской железнодорожной магистрали уже находились японские гарнизоны.

Совет Народных Комиссаров РСФСР официально признал Дальневосточную Республику и стал оказывать ей всестороннюю помощь, прежде всего военную. «Буферное» государство на Дальнем Востоке просуществовало до ноября 1922 года.

14 июля 1920 г. между правительством ДВР и командованием экспедиционных войск был подписан договор о перемирии, а японские войска были выведены из Забайкалья. Потеряв поддержку японцев, бежали в Маньчжурию банды атамана Семенова, а Чита после освобождения стала столицей Дальневосточной республики, в которую вошли Западно-Забайкальская, Восточно-Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская и Камчатская области.

В январе 1921 года главнокомандующий японской экспедиционной армией Татибана, игнорируя факт присоединения Приморья к ДВР как территории, вошедшей в состав России по русско-китайскому договору 1860 г., заявил, что «Владивосток принадлежит Корее, а значит, нам, и если владели им русские, то не по праву»²⁴.

С августа 1921-го по апрель 1922 г. в китайском городе Дайрене делегации ДВР и Японии обсуждали условия мирного урегулирования. Представители ДВР предложили подписать договор, предусматривавший обязательство Японии эвакуировать свои войска с Дальнего Востока. Однако японцы выдвинули свой, заведомо неприемлемый проект: «Правительство ДВР должно сделать Владивосток чисто торговым портом, поставив его под иностранный контроль (§ 1). Расширить права японских рыбопромышленников и предоставить японцам более широкие права каботажного у русского морского побережья (§ 2). Правительство ДВР обязуется перед японским правительством на все времена не вводить на своей территории коммунисти-

²² Ленин В.И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 42. М., 1970. С. 93–95.

²³ Там же. С. 94.

²⁴ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 12.

ческого режима и сохранить принцип частной собственности не только в отношении японских подданных, но и своих граждан (§ 10). Правительство ДВР обязуется скрыть и в необходимых случаях взорвать все свои крепости и укрепления по всему морскому побережью в районе Владивостока и на границе с Кореей и в будущем никогда их не восстанавливать, а также не предпринимать никаких военных мер в районах, прилегающих в Корею и Маньчжурии. Правительство ДВР должно признать официальное проживание и путешествия специальных японских военных миссий и отдельных японских военных чинов на всей своей территории. Правительство ДВР обязуется никогда не держать в водах Тихого океана военного флота и уничтожить существующий (§ 14). Правительство ДВР обязуется перед японским правительством сдать последнему северную часть острова Сахалина в аренду сроком на 80 лет (§ 15)»²⁵. Разумеется, делегация ДВР с негодованием отвергла эти предложения.

В начале 1922 г. армия ДВР нанесла поражение белогвардейцам при Волочаевке, а 14 февраля был освобождён Хабаровск. Попытки японцев и белогвардейцев вновь перейти в наступление были сорваны.

Негативное отношение к продолжению интервенции как в самой Японии, так и за рубежом, в частности в США, побудило японское правительство вступить в переговоры уже не только с ДВР, но и с РСФСР.

Конференция открылась 4 сентября 1922 г. в Чанчуне. Началу переговоров предшествовало заявление японского правительства о готовности до 1 ноября 1922 г. вывести войска из Приморья. Объединённая делегация ДВР и РСФСР потребовала эвакуации японских войск также с Северного Сахалина. Японцы заявили о несогласии прекратить оккупацию острова, и конференция была прервана. Эвакуироваться из Приморья японцы тоже не собирались.

Разгром японских войск и частей белогвардейцев осенью 1922 г. нанёс сокрушительный удар по захватническим планам Японии. 7 ноября 1922 г. Красной Армией был освобождён Владивосток, 13 ноября Народное собрание ДВР объявило о присоединении республики к РСФСР, а 16 ноября ВЦИК РСФСР провозгласил ДВР, включая зоны, оккупированные японской стороной, составной частью РСФСР. Под этими зонами подразумевался ещё не освобождённый от японцев Северный Сахалин.

В ходе переговоров о нормализации отношений японская сторона поставила вопрос о компенсации гибели японцев и ущерба, нанесённого Японии в результате Николаевского инцидента. Предполагалось предоставление ей нефтяных и угольных концессий либо продажа этой территории. Сведения о намерении Японии принудить советскую сторону продать ей Северный Сахалин впервые появились в китайской печати летом 1922 г. В декабре 1922 г. мэр Токио Гото Симпэй, бывший министр иностранных дел Японии и председатель Японо-русской ассоциации, пригласил чрезвычайного посла для Китая и председателя советской делегации по переговорам с Японией в Чанчуне (Маньчжурия) А.А. Иоффе в Японию и предложил ему провести переговоры о продаже ей Северного Сахалина за 100 млн. долларов. Вопрос о продаже Северного Сахалина, правда, за более значительную сумму, рассматривался и советским руководством в связи с глубоким экономическим кризисом в стране, а также в связи с опасениями, что Япония аннексирует эту территорию безвозмездно. Протокол заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 3 мая 1923 г. гласил: «Присутствовали члены политбюро тт. Зиновьев, Каменев, Сталин, Томский, Троцкий; кандидаты тт. Бухарин, Калинин, Рудзутак; члены ЦКК тт. Сольц, Ярославский, Куйбышев, председатель СНК т. Цюрупа, члены ЦК тт. Сокольников, Чубарь, Радек, Смирнов А.П.

²⁵ Иоган Е., Ташин О. Когда Япония будет воевать. С. 26–27.

...Политбюро не возражает против дальнейшего ведения переговоров в направлении продажи о. Сахалин, причём сумму в миллиард рублей считать минимальной... Сумма должна быть внесена вся или в размере 9/10 наличными»²⁶.

Этот документ объясняет, почему на открывшихся 28 июня 1923 г. советско-японских переговорах в Пекине о нормализации двусторонних отношений советский полномочный представитель А.А. Иоффе предложил японскому полномочному представителю Ц. Каваками продать Японии Северный Сахалин в июле того же года за 1 млн. золотых рублей, повысив затем эту сумму, по требованию Москвы, до 1,5 млн. Каваками предложил 150 млн. иен, существенно ниже суммы, запрошенной советской стороной. В итоге стороны договорились удовлетворить требование Японии о компенсации за Николаевский инцидент предоставлением ей концессии в этой части острова и письменным извинением советской стороны²⁷.

После провала интервенции военно-политическое руководство вырабатывало основы внешней политики и стратегии Японии в виде двух главных направлений вооружённой экспансии – северного и южного. В качестве основных вероятных противников определялись СССР и США. Подготовка войны против СССР возлагалась главным образом на сухопутные войска, против США – на Военно-морской флот. В Японии были приняты геополитические термины: «хокусин» – «движение на север» и «нансин» – «движение на юг». В «Основах использования вооружённых сил» указывалось: «В принципе операции против СССР следует проводить в основном силами императорской армии при поддержке части соединений военно-морских сил, в то время как операции против США необходимо вести главным образом военно-морскими силами при поддержке части соединений армии»²⁸. Генштаб Японии планировал «разгромить противника на Дальнем Востоке и оккупировать важные районы к востоку от озера Байкал. Основной удар нанести по Северной Маньчжурии. Наступать на Приморскую область, Северный Сахалин и побережье континента. В зависимости от обстановки оккупировать и Петропавловск-Камчатский»²⁹.

В мае 1924 года в Пекине начались официальные советско-японские переговоры о нормализации двусторонних отношений, которые завершились 20 января 1925 года подписанием «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией». Документ содержал ряд значительных уступок Токио, на которые советская сторона пошла ради установления дипломатических отношений и стабилизации ситуации на Дальнем Востоке, поскольку признание Японией Советской России не в последнюю очередь вело к прекращению (или, по крайней мере, усложнению) оказания японской стороной до этого момента активной поддержки антисоветских белогвардейских сил на Дальнем Востоке за пределами СССР. Советское правительство вынуждено было признать сохранение в силе Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г., а также пойти на предоставление «японским подданным, компаниям и ассоциациям концессии на эксплуатацию минеральных, лесных и других естественных богатств на всей территории Союза Советских Социалистических Республик»³⁰.

Однако, приступая к подписанию конвенции советский представитель (Л. М. Карахан, полпред СССР в Китае) заявил, что «признание его правительством действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение названного договора».

²⁶ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 13–14.

²⁷ Там же. С.14.

²⁸ Горбунов Е.А. Восточный рубеж. ОКДВА против японской армии. М., 2010. С. 400.

²⁹ Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. С.147.

³⁰ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. 8. С. 70–77.

В Договоре отмечалось, что «ни одна из высоких договаривающихся сторон не будет разрешать присутствия на территории, находящейся под её юрисдикцией:

а) организаций или групп, претендующих быть правительством какой-либо части территории другой стороны,

б) чужеземных подданных или граждан, относительно которых было бы обнаружено, что они фактически ведут политическую работу для этих организаций или групп».

Прилагаемые к Конвенции Протоколы закрепляли право японской стороны на разграбление полезных ископаемых на территории СССР в течение ближайших 40–50 лет.

Протокол А обязывал стороны взаимно обеспечить права собственности на движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее России в Японии и Японии в России до 7 ноября 1917 г. В документе предусматривалось также проведение переговоров по долгам России правительству Японии и её частным лицам, которые возникли в связи с займом и казначейскими билетами бывшего царского и Временного правительств. Протокол Б устанавливал предоставление Японии концессий на эксплуатацию 50 % площади восьми нефтяных месторождений на Северном Сахалине, выбранных японской стороной. СССР предоставлял Японии две угольных концессии. Условия, выдвинутые советской стороной, заключались в выплате от 5 до 15 % валовой добычи нефти и от 5 до 8 % валовой добычи угля в зависимости от месторождения. (Соответствующие договоры были заключены в декабре 1925 г. до 1970 г.)

По мобилизационному плану 1926 г. против СССР должно было быть использовано 18 дивизий. При этом считалось, что ослабленная революцией и Гражданской войной Россия «не сможет выставить против Японии и десяти дивизий»³¹.

Стремясь не допустить возобновления конфронтации с Японией, советское правительство в мае 1927 г. обратилось к Токио с предложением о подписании между обоими государствами договора о ненападении. Несмотря на установление дипломатических отношений с СССР, японское правительство не желало связывать себя подобным соглашением. Его позиция сводилась к тому, чтобы «в отношении пакта о ненападении, выдвигаемого СССР, занять такую позицию, которая обеспечивала бы империи полную свободу действий»³². Против подписания пакта о ненападении с СССР выступило руководство японской армии. В генеральном штабе и военном министерстве считали, что новую войну следует начать как можно раньше, до того как СССР усилит свою мощь.

Составленный в середине 1920-х г. план «Оцу» предусматривал нанесение ударов по советскому Дальнему Востоку с моря и из северных районов Кореи. Правда, до угрозы агрессии, не говоря уже о прямой агрессии, было ещё далеко. Этот вариант плана считался наиболее оптимальным. При отсутствии плацдарма в Маньчжурии вести сухопутные операции можно было только через советско-корейскую границу, используя дивизии Корейской армии. Высадка крупного морского десанта в Приморье при полном отсутствии у Советского Союза флота и береговой обороны побережья представлялась вполне реальной операцией с хорошими шансами на успех. Разоружённая владивостокская крепость при отсутствии необходимых запасов в случае её блокады не смогла бы долго держаться.

К концу 1920-х г. разработка планов войны с Советским Союзом в Токио и штабе Квантунской армии была в полном разгаре. Для их осуществления нужен был плацдарм на материке. Ляодунского полуострова, которым владела Япония, для будущей агрессии против северного Китая и Советского Союза было недостаточно. Таким плацдармом могла быть только Маньчжурия. Планы захвата этого обширного района Китая, которые разрабатывались в штабе Квантунской армии, были частью плана войны против Советского Союза³³.

³¹ Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. Указ. соч. С.144.

³² Там же.

³³ Горбунов Е.А. Восточный рубеж. Указ. соч. С. 15–16.

В своих показаниях, принятых Токийским трибуналом в качестве документа обвинения, генерал-лейтенант Мияке Мацухара (с 1928 г. по 1932 г. в чине подполковника занимал должность начальника штаба Квантунской армии) заявил, что «план операций, который был должен привести к оккупации Маньчжурии, являлся одной из важнейших составных частей общего плана операций японских войск против СССР, имевшегося в японском генштабе. Впервые о существовании плана нападения на СССР я узнал, прибыв в июле 1928 г. на должность начальника штаба Квантунской армии»³⁴.

25 декабря 1926 г. умер император Японии Иосихито, на престол вступил молодой император Хирохито. На смену эре Тайсё пришла новая эра – Сёва.

Усилившие свое влияние в политике японского государства военные круги добились в апреле 1927 г. формирования кабинета министров, который возглавил генерал Танака Гиити³⁵, совмещающая премьерство с должностями министра иностранных дел и министра по делам колоний. В 1887–1902 гг. Танака проходил стажировку в Новочеркасском полку на должностях командира роты и батальона, в ходе которой решал поставленные перед ним разведывательные задачи – изучение русской армии, её вооружения, морального духа солдат и офицеров. За это время он приобрёл блестящее знание русского языка, что впоследствии, в совокупности с другими качествами, предопределило его назначение начальником русской секции Генерального штаба японских сухопутных сил. Эта должность предполагала постоянные контакты с русскими военными агентами. В течение 1903 г. и с 1906 г. до начала Первой мировой войны Гиити Танака поддерживал тесную связь, выходящую за рамки официальных отношений, с военным агентом России полковником В. К. Самойловым³⁶, который в 1906 г. направил в Глав-

³⁴ Там же. С. 16.

³⁵ Танака Гиити (1863–1929) – японский государственный и военный деятель, полный генерал (1920). Родился в самурайской семье, окончил Военную академию Императорской армии (1892), проходил стажировку в армии Российской империи (1897–1902), по возвращении был назначен начальником русской секции в Генштабе Японии. В Русско-японскую войну (1904–1905) – в штабе Маньчжурской армии. Став генерал-майором (1911), Танака был назначен директором Бюро по военным делам при военном министерстве. В годы Первой мировой войны генерал Танака был на некоторое время прикомандирован к японской военной миссии в России. Военный министр (министр армии) в правительстве Хары Такаси (1918–1921), а позднее – в правительстве Ямамото Гоннохёэ (1923–1924). Один из организаторов японской военной интервенции в Приморье. Выйдя в отставку (1925), Танака получил приглашение возглавить партию Риккэн Сэйюкай и место в Палате советников. Позднее он получил титул дансяку (барона) в системе кацзоку. Когда в министерстве узнали, что за согласие возглавить партию Риккэн Сэйюкай генерал получил 3 млн йен, приказ о присвоении ему звания маршала был отозван. Танака стал премьер-министром Японии (1927), одновременно будучи министром иностранных дел. Предпринимал все усилия для того, чтобы подавить движения социалистов, коммунистов и сочувствующих. Танака продолжил политику агрессивной интервенции в Китае и Монголии. В течение 1927–1928 г. трижды направлял войска в Китай, в том числе во время Цзинаньского инцидента. В 1928 г. действия ультраправых националистических обществ и Квантунской армии привели к убийству китайского милитариста Чжан Цзолина и неудачной попытке оккупации Маньчжурии. Для Танаки убийство Чжан Цзолина было неожиданностью. Он считал, что офицеры, ответственные за инцидент, должны предстать перед военно-полевым судом. Военная элита, куда Танака не входил, настаивала на сокрытии фактов. Не имея поддержки и подвергаясь критике как со стороны парламента, так и со стороны императора Хирохито, Танака и его кабинет в полном составе ушли в отставку, и через несколько месяцев Танака умер.

³⁶ Самойлов Владимир Константинович (1866–1916) – генерального штаба генерал-майор (1909). Образование получил в Петровском Полтавском кадетском корпусе. Начал службу в 1884 г., окончил Николаевское инженерное училище (1887), Николаевскую академию Генштаба (1893; по 1-му разряду). По окончании инженерного училища выпущен подпоручиком (1887) в 4-й понтонный батальон. Служил в Закаспийской саперной роте командиром роты, помощником старшего адъютанта Приамурского военного округа, обер-офицером для поручений при командующем войсками Амурской области, штаб-офицером для особых поручений при командующем войсками Приамурского военного округа, штаб-офицером для особых поручений при главном начальнике Квантунской области, исполняющим должность начальника штаба 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады. Участник военных действий в Китае (1900–1901). Военный агент в Японии (1902–1904). За небольшой срок, отпущенный ему до начала войны (чуть менее полутора лет), Самойлову не смог завести негласную агентуру из числа иностранцев. Вместе с тем Самойлов, блестящий аналитик, установил широкий круг знакомств как среди японцев, так и среди иностранных военных агентов. Сведения, полученные им на доверительной основе от знакомых, а также собранные путем наблюдения и осведомления и почерпнутые из местной прессы, создавали основу для последующих обобщений и выводов. Он своевременно докладывал из Токио о подготовке страны Восходящего солнца к войне с Россией. После отъезда из Японии находился в распоряжении начальника Генерального штаба в качестве военного эксперта при графе С.Ю. Витте (председателе Совета министров в 1905–1906), участвовал в подготовке и заключении Портсмутского мирного договора с Японией.

ное управление Генерального штаба рапорт с ходатайством о награждении Танаки орденом св. Станислава II степени со звездой (ранее он был награждён орденом св. Анны II степени). В представлении отмечалось, что Танака длительное время предоставлял сведения, не подлежащие оглашению, в том числе о работе японских военных комиссий, тексты лекций о войне для японских офицеров и т. д.

Новый посланник в Токио Ю. П. Бахметьев поддержал представление В. К. Самойлова, считая, что поощрение позволит расширить перечень информации, получаемой от Танаки, который при этом не был русским агентом. Никто и представить не мог, что японский офицер, предоставлявший услуги русской военной разведке, всего через 12 лет станет премьер-министром Японии и получит прозвище «японского Бисмарка».

В период пребывания его у власти в Японии прошли первые в истории парламентские выборы на основе всеобщего (для мужчин) избирательного права (1928 г.). Вместе с тем проводились массовые аресты коммунистов и «сочувствующих», были распущены профсоюзные и другие общественные организации левого толка. Внешняя политика кабинета Танаки характеризовалась усилением японского вмешательства во внутренние дела Китая: в течение 1927–1928 годов он трижды направлял туда войска.

С 27 июня по 7 июля 1927 года в Токио проходила так называемая «Восточная конференция», в работе которой принимали участие руководители военного министерства, Квантунской армии, Генерального штаба и японские дипломаты, аккредитованные в Китае. По её итогам была принята «Программа политики в отношении Китая». Японские авторы пятитомной «Истории войны на Тихом океане» вынуждены признать: «Даже в опубликованных решениях, принятых на конференции, говорилось, что Монголия и особенно Маньчжурия “являются не только предметом особой заботы нашей страны (то есть Японии). Более того, японская империя, являясь их соседом, считает себя ответственной за сохранение мира в этих районах, обеспечение развития их экономики и превращение этих районов в территории, где бы могли мирно жить и местное население, и иностранцы. В случае возникновения угрозы распространения беспорядков на Маньчжурию и Монголию, в результате чего будет нарушено спокойствие, а нашей позиции и нашим интересам в этих районах будет нанесён ущерб, империя должна быть готова не упустить благоприятной возможности и принять необходимые меры с целью предотвратить угрозу, от кого бы она ни исходила, и сохранить тем самым эти районы для процветания местного населения и иностранцев”»³⁷.

В Маньчжурию входили провинции Фынтянь, Гирич, Хэйлунцзян. Под Монголией понимались районы китайской Внутренней Монголии и территория Монгольской Народной Республики – Внешняя Монголия.

сдержанный на «добрые слова» Витте в мемуарах писал о Самойлове как о «человеке весьма умном, культурном и знающем». Военный агент в Японии (1906–1916). Сбор разведывательных сведений Самойлов продолжал осуществлять сформированным ранее методом. Работа по заведению негласной агентуры ограничивалась отпускаемыми на эти цели средствами. В своей деятельности Самойлов пытался найти ответ на вопрос: готовится ли Япония к новой войне, и если да, то против кого направлены эти приготовления. Им были сделаны выводы, что Япония не намерена сокращать издержки на военные расходы, и, в принципе, «...новая война с нами за окончательное преобладание на Дальнем Востоке не представляется совершенно невозможной». Д.И. Абрикосов, дипломат, служивший с Самойловым в посольстве в Токио в канун Первой мировой войны, отмечает своеобразие личности полковника, хорошее знание им японского языка и местных обычаев, чему, по словам Абрикосова, во многом способствовала связь холостяка Самойлова с японской подружкой. Во время Первой мировой войны на связи и руководстве военного агента находился всего один негласный агент. Самойлов умер на борту парохода по пути из Кобе в Шанхай. Награжден: орденами св. Станислава III ст. (1896); св. Анны III ст. (1898); св. Станислава II ст. (1899); св. Владимира IV с мечами и бантом (1900); св. Анны II ст. с мечами (1901); Золотым оружием с надписью «За храбрость» (по высочайшему повелению; 1902); св. Владимира III ст. (1904); св. Станислава I ст. (1912).

³⁷ История войны на Тихом океане. В 5 т. Т. I. Агрессия в Маньчжурии. М.: Издательство Иностранной литературы, 1957. С. 416 / Под общей редакцией Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Мацусима Эйити / Перев. с яп. под ред. Б. В. Поспелова. В переводе первого тома принимали участие: Б.В. Бейко, В.С. Гривнин, А.А. Искендеров, И.Г. Поздняков и Б.В. Раскин. С. 104.

Маньчжурия привлекала к себе внимание не только своей обширностью и незначительной плотностью населения, но и тем, что она была важным рынком сбыта и источником минерального сырья и сельскохозяйственных продуктов для Японии. Основные иностранные капиталовложения в Маньчжурии принадлежали Японии. Для использования богатств Маньчжурии была создана Южно-Маньчжурская железнодорожная компания, которая эксплуатировала южное направление КВЖД – Южно-Маньчжурскую железную дорогу, отошедшую к Японии после войны 1904–1905 гг. В судоходные, горнорудные, лесные, сельскохозяйственные и животноводческие предприятия было инвестировано 40 млн иен.

Северо-восточные провинции Китая и Монголия, вдаваясь клином в территорию Советского Союза, обеспечивали выгодное стратегическое положение по отношению к районам Забайкалья, Приамурья и Приморья. Одновременно Маньчжурия и Внутренняя Монголия могли стать удобным плацдармом для дальнейшей экспансии в Китае.

После «маньчжурского инцидента» (сентябрь 1931 г.) заместитель министра иностранных дел Японии по политическим вопросам Мори Каку, организатор Восточной конференции, заявил: «“Думаю, что теперь можно рассказать и о решениях конференции”. Из его слов явствовало, что Япония, стремившаяся не допустить, чтобы Китай стал “красным”, намеревалась в соответствии с решениями конференции “отторгнуть от Китая Маньчжурию и Монголию и превратить их в сферу своего влияния. Суверенитет этих районов переходил в руки Японии. Она же брала на себя задачу поддержания общественного спокойствия. Но так как прямо заявить об этом было неудобно, всё это было преподнесено общественному мнению в облатке Восточной конференции”. На отторгнутой от Китая территории предполагалось создать марионеточные государства. Какие бы силы ни мешали осуществлению японских планов, говорил Мори Каку, на них должна “обрушиться вся государственная мощь”». «Эта конференция делала маньчжурский инцидент неизбежным», – указывается в японской «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии»³⁸.

Считается, что 25 июля того же года Танака изложил принятую «Программу политики в отношении Китая» в своём докладе тэнно – «небесному хозяину». Этот документ, в последующем получивший название «меморандум Танаки»³⁹, при всей его прагматичности и конкретности, во многом носил идеологический характер.

В «меморандуме» излагался план покорения Маньчжурии и Монголии и управления ими. В первую очередь это был целый комплекс мер (всего 14 позиций) по закреплению и расширению экономического присутствия Японии в регионе. Предусматривалось также выделение из «секретных фондов» военного министерства одного миллиона иен для отправки во Внешнюю и Внутреннюю Монголию 400 отставных военных, которые, «...одетые, как китайские граждане, или выступающие в роли учителей, должны смешаться с населением, завоевывать доверие монгольских князей». Число проживавших в Маньчжурии корейцев предполагалось довести до двух с половиной миллионов, чтобы в случае необходимости их можно было «подстрекнуть к военным действиям». В Северной Маньчжурии планировалось строительство железных дорог на случай военной мобилизации и военных перевозок. При этом факт признания Японией суверенитета Китая над Маньчжурией и Монголией рассматривался в документе как «крайне печальное обстоятельство».

В «меморандуме» были впервые сформулированы стратегические задачи, стоявшие перед страной, и обозначены основные её противники. В разделе «Позитивная политика в Маньчжурии и Монголии» отмечалось: «В интересах самозащиты и ради защиты других Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику

³⁸ Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиной в век. М., 2004. С. 26.

³⁹ Системная история международных отношений. В 4 т. 1918–2000. Т. 2. Документы 1910–1940-х годов. М., 2000. С. 75–82.

“крови и железа”. Но, проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с Америкой, которая натравливает нас на Китай, осуществляя политику борьбы с ядом при помощи яда. Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединённые Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в Русско-японской войне».

В «меморандуме» предусматривалось создание азиатской континентальной империи и обеспечение её мирового господства. «Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные малоазиатские страны, Индия, а также страны Южных морей, будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир поймёт, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права. Таков план, завещанный нам императором Мэйдзи, и успех его имеет важное значение для существования нашей Японской империи».

Этапы агрессии Японии после захвата контроля над Маньчжурией и Монголией выглядели следующим образом: «Для того чтобы завоевать подлинные права в Маньчжурии и Монголии, мы должны использовать этот район как базу для проникновения в Китай под предлогом развития нашей торговли. Будучи же вооружены обеспеченными правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдём к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы. Захват контроля над Маньчжурией и Монголией явится лишь первым шагом, если нация Ямато желает играть ведущую роль на Азиатском континенте».

В «меморандуме» указывалось, что экспансию следует проводить под предлогом угрозы со стороны «красной» России, которая «готовится к продвижению на юг». Война с Советским Союзом в этом документе представлялась неизбежной: «Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведёт к неминуемому конфликту с красной Россией. В этом случае нам вновь придётся сыграть ту же роль, какую мы играли в Русско-японской войне. Восточно-Китайская железная дорога станет нашей точно так же, как стала нашей Южно-Маньчжурская, и мы захватим Гиричун, как тогда захватили Дайрен (японское название; китайское название – Далинь, бывшее русское название – Дальний. – М.А.). В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии для овладения богатствами Северной Маньчжурии. Пока этот подводный риф не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперёд по пути проникновения в Маньчжурию и Монголию».

Подготовка к войне с СССР была переведена в практическую плоскость уже с сентября 1931 г. Однако воевать одновременно с СССР и вторым основным противником – США – Япония не могла. В конце 1941 г., после долгих и мучительных колебаний, Япония повернула свою военную машину против Америки и Англии.

«Меморандум Танаки» считался секретным, но в сентябре 1931 г., через два года после того, как документ якобы был представлен императору, «меморандум» был опубликован в журнале «China Critic» и перепечатан всей мировой прессой. В СССР его опубликовали спустя два года в журнале «Коммунистический Интернационал». В Москву текст документа доставил ИНО ОГПУ через резидентуры в Харбине и Сеуле, где он был оценен как документ чрезвычайной важности и доложен руководству страны.

Японские официальные круги поспешили выступить с опровержением подлинности документа. Открытая дискуссия прошла по этому вопросу между представителями Китая и Японии на седьмом заседании 69-й сессии совета Лиги наций 23 ноября 1932 г. Японский представитель Мацуока заявил: «Я хотел бы сказать совершенно откровенно и категорически, что подобного рода документ никогда не составлялся в Японии и никогда не представлялся на

рассмотрение императора... Я был довольно близок к покойному генералу Танаке, японскому премьер-министру, и хорошо знаю, что я прав»⁴⁰.

Мацуока требовал, чтобы китайский представитель Веллингтон Ку предъявил доказательства подлинности «меморандума». В ответ Веллингтон Ку указал на то, что «позитивная политика», которую проводила и проводит Япония в отношении Китая и Маньчжурии, вполне соответствует принципам, изложенным в меморандуме.

Текст «меморандума Танаки» своей пространностью отличался от обычных докладных записок императору, кратких и чётких. Проанализировав опубликованный китайцами текст, японские историки нашли в нём немало ошибок, невозможных в подлиннике, тем более представленном императору, поскольку по такому случаю было принято использовать особые слова и грамматические формы.

«Меморандум» был опубликован уже после смерти Танаки, умершего 29 сентября 1929 года, когда ни подтвердить, ни опровергнуть его авторство было невозможно. Выбор момента тоже служил аргументом в пользу версии о фальсификации.

Исследователи отмечают поразительное сходство «меморандума» с программой японской экспансии на Евразийском континенте и борьбы за мировое господство с США, Китаем и европейскими державами, в том числе с Россией, разработанной в 1914 г. влиятельным японским ультраправым «Амурским обществом» («Общество реки Амур»; «Кокурюкай»)⁴¹. Советский историк А. Гальперин отмечал, что документ, получивший известность под названием «меморандум Танака», «в развернутом виде... формулировал положения тех многочисленных деклараций и манифестов, которые публиковались до него различными шовинистическими организациями Японии, пропагандировавшими установление японского господства над Китаем и всей Азией»⁴².

В ходе Токийского международного военного трибунала (1946–1948) американские обвинители добились признания «меморандума» официальным обвинительным документом за номером 169. Советская сторона сомневалась в целесообразности использования этого документа для обвинения японских милитаристов. 20 ноября 1946 г., через полгода после начала процесса, главный обвинитель от СССР С.А. Голунский сообщал заместителю министра иностранных дел А.Я. Вышинскому: «По данным американского обвинения, можно опасаться, что подложность меморандума Танака будет доказана защитой в стадии её выступления. Поэтому обвинение (до этого момента. – М.А.) избегало ссылок на него, чтобы этим не скомпрометировать своего доказательственного материала. Мы в своих выступлениях на процессе также ни разу не упоминали о меморандуме Танака»⁴³.

Был ли причастен Танака к подготовке «меморандума», знал ли он о его существовании, не имеет значения, как и то, был ли его текст представлен императору. Важно, что документ существовал, и за его разработкой стояли влиятельные силы, которые способствовали не только его распространению, но и проведению японской внешней и внутренней политики по направлениям, намеченным в «меморандуме». Из этой данности следует исходить при оценке документа.

В «меморандуме Танаки» говорилось о конкретном плане ограбления Маньчжурии и Монголии. Вопрос о том, является ли «меморандум Танаки» калькой неопубликованных решений-рекомендаций, принятых на Восточной конференции в 1927 г., или эти «решения» были дополнены, и если это так, то насколько существенно, остаётся открытым. «Возникшее вслед за этим положение в Восточной Азии и сопутствующие ему действия Японии развивались в

⁴⁰ Потемкин В.П. Дипломатия в новейшее время (1919–1939 гг.). М., 1945. С.119.

⁴¹ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 26.

⁴² Там же.

⁴³ Кириченко А.А. Победная семидневка в Маньчжурии // Информационно-аналитический бюллетень № 14. Октябрь 2001. С. 4.

точном соответствии с “меморандумом Танаки”, поэтому, – как утверждали японские авторы «Истории войны на Тихом океане», – рассеять подозрения относительно существования этого документа стало весьма трудно»⁴⁴.

При оценке этого документа произошла подмена понятий. Вместо исследования содержания в контексте проводимого Японией внешнеполитического курса, который удивительным образом совпадает с очерёдною этапов, намеченных «меморандумом», рассматривалась причастность к его авторству Танаки, возможность представления «меморандума» императору, форма изложения материала, используемая лексика, отсутствие подлинника документа и т. д. В результате проведённых манипуляций на документ был наклеен ярлык: «фальшивка».

Инициаторами разработки «меморандума» была инсценирована его утечка по разным каналам – через китайцев и сотрудников ИНО ОГПУ (причём не через одну резидентуру). Цель: заявить о себе, подтолкнуть власть (которая ещё не в полной мере принадлежала инициаторам появления документа) к следованию намеченным курсом и, наконец, объединить нацию вокруг амбициозных планов.

Документ послужил важной вехой в процессе милитаризации общественно-политической жизни и экономики Японии, нагнетания экспансионистских устремлений в её внешней политике, которая в конечном итоге привела к возникновению очага Второй мировой войны на Дальнем Востоке, а позднее и к войне на Тихом океане⁴⁵.

1931 год стал для Дальнего Востока особенным. К июлю 1931 г. в штабе Квантунской армии была завершена разработка плана оккупации Маньчжурии. План был направлен в генштаб и тут же утверждён. В приговоре Токийского трибунала, этом итоговом документе тщательной трёхлетней работы юристов многих стран, зафиксировано: «В японских военных планах захват Маньчжурии рассматривался не только как этап в завоевании Китая, но также как средство обеспечения плацдарма для наступательных военных операций против СССР в будущем»⁴⁶. Согласно расчётам, сделанным в Токио, войну следовало закончить в кратчайший срок, используя раздробленность китайских вооружённых сил.

3 августа 1931 г. командующий войсками Квантунского округа (так в документе) генерал-лейтенант Хондзё Сигэру отправил в Токио адресованный военному министру генералу Минами Дзиро доклад об образовании маньчжуро-монгольского государства под протекторатом Японии. Доклад развивал и дополнял основные положения «меморандума Танаки» с учётом военно-политической обстановки 1931 г.: «Теперь настало время решительных действий, и мы должны присоединить Маньчжурию, Монголию и Сибирь к Японии и образовать одну мощную и единственную в мире Империю»⁴⁷. Генерал считал, что возрождение Китая, существование Советской России и усиление влияния Америки в восточной части Тихого океана противоречат японским интересам. «Мы (т. е. Япония. – М.А.), – говорилось в докладе, – должны совершенно парализовать боеспособность Китая и Советской России и привести эти государства в такое состояние, чтобы они в короткий срок не могли оправиться, оказывать нам сопротивление и восстановить своё прежнее положение»⁴⁸. После занятия важных стратегических пунктов в Китае и Сибири генерал предлагал начать разработку там природных богатств. Для обеспечения господства империи в западной части Тихого океана он считал необходимым при удобном случае занять Филиппинские острова. Хондзё определял следующий порядок действий: первый шаг – захват Маньчжурии и Монголии, второй – использование КВЖД для вторжения в Сибирь, чтобы занять её до Верхнеудинска и принудить Советскую Россию

⁴⁴ История войны на Тихом океане. Указ. соч. Т. I. С. 188.

⁴⁵ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 21.

⁴⁶ Горбунов Е.Е. Указ. соч. С.26.

⁴⁷ Там же. С.23.

⁴⁸ Там же. С.24.

отдать Японии территорию, лежащую к востоку от реки Лена вплоть до Берингова пролива. В докладе предусматривалось создание Дальневосточного государства по типу Маньчжуро-монгольского.

Хондзё рекомендовал военному министру, а через него и правительству, поторопиться. Он считал, что Советская Россия и Китай уже начали подготовку к будущей войне, а потому следует использовать удобный момент и стремительно двинуть японскую армию, чтобы одним ударом сломить сопротивление Китая и России.

Этот документ был получен в Москве только в марте 1932-го, когда японская агрессия в Маньчжурии была в самом разгаре. О документе Разведупром было доложено Ворошилову, а возможно, и Сталину. Доклад иллюстрировал информацию о подготавливаемой Японией агрессии против СССР.

18 сентября 1931 г. в 10 часов вечера севернее Шэньяня (Мукден), у линии ЮМЖД произошёл взрыв, инсценированный японцами. Ночью японские войска осуществили нападение на китайские казармы в Чанчуне, Сыпингае, Гунчжулине и других городах, а утром над Мукденом уже развевался японский государственный флаг. К середине дня 19 сентября японская армия полностью захватила в свои руки контроль над ЮМЖД, а 23 сентября оккупировала город Гирин. 21 сентября дислоцировавшаяся в Корее японская бригада без приказа императора, по личному распоряжению командующего японскими войсками в Корее генерала Хаяси Тэцудзиро, перешла реку Ялуцзян и вступила в пределы Маньчжурии. В течение пяти дней все важные населённые пункты провинций Мукден и Гирин были захвачены японскими войсками.

В состав Квантунской армии перед вторжением входила 2-я пехотная дивизия и шесть отдельных батальонов охранных войск ЮМЖД, в общей сложности 10400 человек (согласно Портсмутскому мирному договору), а вместе с бригадой, прибывшей из Кореи после инцидента, – 14 тысяч. Пехотные, артиллерийские и кавалерийские полки дивизии были расквартированы в крупнейших городах южной Маньчжурии. По плану, разработанному штабом Квантунской армии, проведение операции возлагалось именно на эти части. Мобилизация дивизий, расположенных на японских островах, и их переброска на континент не предусматривались. И хотя китайские войска, дислоцированные в Маньчжурии, обладали огромным численным превосходством, в штабе Квантунской армии не сомневались в победе. На всякий случай в боевую готовность были приведены части 19-й и 20-й пехотных дивизий, расположенных в Корее, а в метрополии были подготовлены к отправке пехотная дивизия и пехотная бригада. Благодаря тщательной подготовке и внезапности нападения японским войскам удалось разгромить почти сотысячную армию Чжан Сюэяня, которая почти не оказала им сопротивления⁴⁹.

19 сентября на экстренном заседании японского кабинета министров было решено не допускать расширения инцидента, о чём секретной инструкцией были уведомлены японские дипломаты⁵⁰.

Тем не менее, военные действия в Маньчжурии расширялись, и правительство, возглавляемое премьер-министром Вакацуки и министром иностранных дел Сидэхарой, находилось в состоянии полной растерянности. На своих экстренных заседаниях кабинет министров так и не смог принять эффективных мер для разрешения «инцидента»⁵¹.

Поздно ночью 19 сентября премьер-министр Вакацуки изложил императору позицию правительства: не допускать дальнейшего развития операций японской армии в Маньчжурии, а если есть возможность, вернуть войска на Квантунский полуостров. Характерно, что импера-

⁴⁹ История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том I. Агрессия в Маньчжурии. – М.: Издательство Иностранной литературы, 1957. – 416 с. / Под общей редакцией *Усами Сэйдзиро, Эгэти Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Мацусима Эйити*. // Перевод с японского под редакцией *Б. В. Поспелова*. В переводе первого тома принимали участие: *Б. В. Бейко, В. С. Гривини, А. А. Искендеров, И. Г. Поздняков и Б. В. Раскин*. С.188.

⁵⁰ Там же. С.189

⁵¹ Там же.

тор премьеру не ответил. Тогда он попытался убедить военного министра отдать приказ войскам вернуться в пределы Квантунской области, но генерал Минами ответил отказом, заявив, что «отступление не в традициях японских воинов» и что «речь может идти только о продолжении наступательной операции в Северной Маньчжурии, поскольку китайские руководители и их армии усиливают сопротивление». Относительно опасений по поводу возможной негативной реакции западных держав генерал Минами заявил, что «операция в Маньчжурии принята не только в целях защиты жизни и интересов японских граждан и их собственности в этом районе, но и в целях создания барьера на пути распространения коммунизма, в целях предотвращения советской угрозы интересам Японии и других великих держав в Китае»⁵².

«На заседании кабинета 21 сентября военный министр Минами предложил направить в Маньчжурию подкрепления, но министр иностранных дел Сидэхара и министр финансов Иноуэ выступили против этого предложения. Тем не менее японская армия, дислоцировавшаяся в Корее, не дожидаясь решения правительства, перешла корейско-маньчжурскую границу, и когда на следующий день, 22 сентября, на заседании кабинета военный министр сообщил об этом, правительство вынуждено было задним числом санкционировать действия армии.

24 сентября правительство сделало, наконец, официальное заявление о своей позиции в вопросе о событиях 18 сентября. В заявлении говорилось, что правительство стремится не допустить дальнейшего расширения инцидента и желает уладить его на месте. Однако это заявление не оказало никакого влияния на ситуацию: Квантунская армия всё более расширяла сферу военных действий. 8 октября японские войска подвергли бомбардировке город Цзиньчжоу, продвинулись на север Маньчжурии и заняли город Цицикар»⁵³.

Уже к 20 октября 1931 года, после получения первой информации, в Разведуправлении была составлена краткая справка о японской интервенции в Китае и оккупации Южной и Центральной Маньчжурии. В документе, подписанном Берзиным, отмечалось, что японская интервенция является не только попыткой расширения японских позиций в Китае, но и подготовкой к войне против СССР. Была упомянута и Франция, которая считалась вдохновительницей антисоветской интервенции⁵⁴. В справке Разведупра говорилось: «3) расширение влияния Японии в Центральной Маньчжурии (распространение этого влияния на КВЖД) позволяет Франции надеяться на долю участия в подготовке стратегического плацдарма в Северной Маньчжурии для будущей интервенции против СССР...»⁵⁵. Что же касается дальнейшего расширения агрессии, то здесь выводы были достаточно оптимистичны: «По последним сведениям, японские части, группирующиеся в районе Мукдена, начинают продвижение к югу по Пекин-Мукденской железной дороге в сторону Цзиньчжоу, где в настоящее время концентрируются войска Чжан Сюэяна. Эти сведения указывают на расширение японской оккупации к югу. Активность японцев в направлении Северной Маньчжурии пока ограничивается формированием провинциальных и областных правительств японской ориентации...»⁵⁶. Справку направили Ворошилову, Гамарнику, Егорову, Постышеву, Молотову и в ИККИ Мифу.

Поскольку после 19 ноября 1931-го, когда Квантунская армия по собственному почину перерезала принадлежавшую СССР Китайско-Восточную железную дорогу и заняла расположенный на трассе КВЖД Цицикар, вооружённого выступления Советского Союза не последовало, авторитет Квантунской армии значительно возрос.

Сиратори Тосио, японский политик и дипломат, писал в воспоминаниях: «За границей сложилось впечатление, что Квантунская армия просто втянула Японию в войну в Китае. В

⁵² Сапожников Б.Г. Китай в огне войны. 1931–1950. М., 1977. С. 28.

⁵³ История войны на Тихом океане. Т. I. С. 189–190.

⁵⁴ Алексеев М. Формирование военных угроз Советскому Союзу в 30-е годы XX в. // Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты». М., 2010. С. 579–605.

⁵⁵ Горбунов Е.А. Восточный рубеж. Указ. соч. С. 33.

⁵⁶ Там же. С. 33–34.

какой-то степени, это так и было. Но как могла горстка военных повести за собой целую империю, если бы народ не нашёл в действиях армии в Маньчжурии того объекта сплочения, которого искал... Маньчжурский инцидент, ставший последствием взрыва на железной дороге, придал новое значение и новый импульс нашей континентальной политике»⁵⁷.

Китайские части отошли от Цицикара в северо-восточном направлении, и путь к советским забайкальским границам был открыт. Это послужило основанием для беспокойства Сталина. 27 ноября он писал Ворошилову, который находился в поездке по Дальнему Востоку, Сибири и Уралу: «Дела с Японией сложные, серьёзные. Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин с прилегающими районами через Фыновско-Еншиановских (прилагательные образованы от имен китайских милитаристов Фэн Юйсяня и Янь Сишаня. – М.А.) людей, из которых попытается потом образовать правительство Китая (в противовес нанкинцам). Более того, не исключено и даже вероятно, что она протянет руку к нашему Дальвосту и, возможно, к Монголии, чтобы приращением новых земель пощекотать самолюбие своих китайских ставленников и возместить за счет СССР потери китайцев. Возможно, что этой зимой Япония не попытается тронуть СССР. Но в будущем году она может сделать такую попытку. Её толкает на этот путь желание прочно засесть в Маньчжурии. Но прочно засесть в Маньчжурии она может лишь в том случае, если ей удастся посеять ненависть между Китаем и СССР. Для этого существует лишь одно средство – помочь китайским феодалам захватить КВЖД, захватить Маньчжурию и Дальневосточное побережье и поставить у власти своих ставленников, зависимых во всём от Японии.

Осуществлением этого плана японские империалисты рассчитывают: а) уберечь Японию и Север[ный] Китай от “большевистской заразы”, б) сделать невозможным сближение между СССР и Китаем, в) создать себе широкую экономическую и военную базу на материке, г) опереться на эту базу для войны с Америкой. Без осуществления такого плана японские империалисты должны чувствовать себя в мышеловке – между военизирующейся Америкой, революционизирующимся Китаем и быстро растущим СССР, рвущимся к океану (японцы, мне кажется, считают, что через 2 года, когда СССР обзаведётся всем необходимым на Дальвосте, – будет уже поздно).

Осуществление этого империалистического плана зависит от ряда условий. Я думаю, что а) если другие империалистические державы и, прежде всего, Америка, не пойдут против Японии (на что пока мало надежды), б) если в Китае не начнется скоро серьёзный подъём антияпонского движения и антияпонских военных выступлений (на что пока также мало надежды), в) если в Японии не вспыхнет могучее революционное движение (признаков чего не видно пока) и г) если мы не займёмся сейчас же организацией ряда серьёзных предупредительных мер военного и невоенного характера, – то японцы могут осуществить свой план... Главное теперь – в подготовке обороны на Дальвосте. Мы уже начали делать кое-что в этой области. ...»⁵⁸.

Нарком по военным и морским делам СССР К.Е. Ворошилов высказывался за нанесение контрудара по Квантунской армии при её продвижении на север. Однако И. В. Сталин и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) его не поддержали: в условиях отсутствия у СССР военно-морского флота на Дальнем Востоке Япония могла воспользоваться этим как предлогом для захвата Северного Сахалина и Приморья, а также использовать такую ситуацию как средство для усиления международной изоляции СССР⁵⁹.

⁵⁷ Сиратори Т. Новое пробуждение Японии: политические комментарии. 1933–1945. М., 2008. С. 42.

⁵⁸ Советское руководство. Переписка. 1928–1941 / Сост. А.В. Квашонкин, Л.П. Кошелева, Л.А. Роговая, О.В. Хлевнюк. М., 1999. С. 161–163.

⁵⁹ Горбунов Е.А. Восточный рубеж. С. 40.

Из письма Ворошилова Я.Б. Гамарнику от 13 января 1932 г.: «Что касается вопросов ДВ, то ими занимаемся с прежним вниманием. За это время решили (из больших вопросов): 1. Предрешить создание из ОКДВА фронтовое, два армейских (приморское и забайкальское направления) и одно (корпусное) соединения... Комфронта будет Блюхер... 2. Решили перебросить в Забайкалье – Чита – Верхне-Удинск – 57 Свердловскую дивизию.

...С[талин] вплотную занимается вопросами ДВ и только поэтому удалось заставить промышленность взяться за сооружение 30 подлодок (в этом году)... Кроме того, промышленность взялась сделать в 32 г. 60 штук броневагонов...

По имеющимся дополнительным сведениям, японцы действительно ведут напряжённую работу по подготовке войны и как будто к весне т[екущего] года. Есть сведения, что зашевелились всерьёз белогвардейцы, которые хвастаются возможностью выброски на территории СССР до 130 тыс. войск. Проектируется создание русского ДВ Пр[авительства] и пр[очая] чепуха.

Все это, пока, слухи, в[есьма] симптоматичные. Нужно нам работать вовсю и по-большевистски, чтобы наверстать проморганное время»⁶⁰.

По докладу И.В. Сталина было принято решение о строительстве на Дальнем Востоке второго цементного завода, поставках на Дальний Восток оборудования и т. д. ⁶¹

Японская агрессия в Маньчжурии продолжала расширяться, продвигаясь на север. Сталин, видимо, затребовал информацию от разведки ОГПУ и военной разведки о дальнейших планах Японии. 19 декабря 1931 г. руководство ОГПУ представило ему имевшуюся в Особом отделе информацию. Сопроводительное письмо за № 4183, подписанное зампредом ОГПУ Балицким, начиналось фразой: «Просьба лично ознакомиться с чрезвычайно важными подлинными японскими материалами, касающимися войны с СССР». Два материала были представлены с грифом «Совершенно секретно, документально, перевод с японского»⁶².

Первым документом была памятная записка (резюме беседы) посла Японии в Москве Хироты Коки с генерал-майором Харадой Дзуро, командированным в Европу японским генштабом. Беседа состоялась 1 июля 1931 г. в японском посольстве в Москве в присутствии военного атташе подполковника Касахары Юкио, автора записки. Этот документ и конспект доклада Касахары о положении в Советском Союзе, о вооружённых силах и перспективах возможной войны между Японией и СССР были отправлены в генштаб в Токио. Особый отдел ОГПУ располагал фотокопиями этих документов, перевод которых полгода пролежал невостребованным.

В записке говорилось: «Посол Хирота просит передать его мнение начальнику Генштаба Японии относительно государственной политики Японии: “По вопросу о том, следует Японии начать войну с Советским Союзом или нет, считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твёрдой политики в отношении Советского Союза, будучи готовой начать войну в любой момент. Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении Сов. Дальним Востоком и Восточной Сибирью”»⁶³.

Спустя два месяца Сталин вернулся к документу и отчеркнул абзац, поставив против него цифру 1.

Конспект доклада военного атташе Касахары также был тщательно изучен, судя по многочисленным пометкам Сталина. В первом разделе доклада даётся оценка общего положения в Советском Союзе: «СССР в настоящий момент энергично проводит пятилетний план строительства социализма. Этот план ляжет в основу грядущего развития Советского государства.

⁶⁰ Советское руководство. Переписка. Указ. соч. С. 167–168.

⁶¹ Там же. С. 168.

⁶² Гаврилов В.А., Горбунов Е.А. Операция «Рамзай». Триумф и трагедия Рихарда Зорге. М., 2004. С. 30.

⁶³ Там же. С. 30–31.

Центральное место в этом плане занимает тяжёлая индустрия, в особенности те отрасли промышленности, которые связаны с увеличением обороноспособности страны...»⁶⁴. Во втором разделе, где анализируется состояние вооружённых сил, военный атташе отмечает: «В принципе СССР вовсе не агрессивен. Вооружённые силы организуются исходя из принципа самозащиты. Советский Союз питает страх перед интервенцией. Рассуждения о том, что постоянное прокламирование внешней угрозы является одной из мер внутренней политики, имеющей целью отвлечь внимание населения, вполне резонны, но всё же основным стимулом в деле развития вооружённых сил СССР является страх перед интервенцией»⁶⁵.

Японский разведчик с дипломатическим паспортом дал следующую оценку обстановки в дальневосточном регионе: «Настоящий момент является исключительно благоприятным для того, чтобы наша Империя приступила к разрешению проблемы Дальнего Востока. Западные государства, граничащие с СССР (Польша, Румыния), имеют сейчас возможность выступить согласованно с нами, но эта возможность постепенно будет ослабевать с каждым годом». Этот абзац был подчеркнут Сталиным. Касахара не исключал достижение поставленных целей мирным путем: «Если мы сейчас, проникнутые готовностью воевать, приступим к разрешению проблемы Дальнего Востока, то мы сможем добиться поставленных целей, не открывая войны. Если же возникнет война, то она не представит для нас затруднений». Пометка Сталина на полях: «Значит, мы до того запуганы интервенцией, что сглотим всякое издевательство?»⁶⁶

Документы, автором которых являлся японский военный атташе, докладывали Сталину не в хронологической последовательности и чуть ли не с годичной задержкой. Не исключено, что после ознакомления с первым материалом Сталин затребовал и остальные имевшиеся в распоряжении Особого отдела документы.

28 февраля 1932 г. заместитель начальника ОГПУ Балицкий доложил Сталину очередной документ, подготовленный Касахарой Юкио и направленный в генштаб еще 29 марта 1931 г. За полгода до начала оккупации Маньчжурии Касахара предлагал генштабу как можно скорее начать войну против Советского Союза. Документ был озаглавлен: «Соображения относительно военных мероприятий империи, направленных против Советского Союза». Балицкий писал: «Касахара входит в партию младогенштабистов, во главе которой стоят генерал-лейтенант Араки (автор лозунга „Забайкалье – японо-русская граница“) и Хасимото – начальник русского сектора генштаба, один из нынешних руководителей политики японских военных кругов»⁶⁷.

Из первого раздела доклада «О политике в отношении СССР в аспекте Японо-советской войны» Сталин выделил абзац, обозначив его цифрой 2: «Японо-советская война, принимая во внимание состояние Вооружённых сил СССР и положение в иностранных государствах, должна быть проведена как можно скорее. Мы должны осознать то, что по мере прохождения времени обстановка делается всё более благоприятной для них».

Во втором разделе японский военный атташе рассматривал «Первоочередные вопросы, связанные с проведением войны с Советским Союзом». Здесь Сталин цифрой 3 обозначил следующий подчеркнутый им абзац: «Вполне возможно, что, несмотря на нашу стратегию сокрушения и стремление к быстрой развязке, в силу различных условий, нам нельзя будет проводить войну в полном соответствии с намеченным планом действий. Возникает чрезвычайной важности вопрос о конечном моменте наших военных операций. Разумеется, нам нужно будет осуществить продвижение до Байкальского озера. Что же касается дальнейшего наступления на Запад, то это должно быть решено в зависимости от общей обстановки, которая создастся

⁶⁴ Там же. С. 31.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 31–32.

⁶⁷ Там же. С. 34.

к тому времени, и в особенности в зависимости от состояния государств, которые выступают с Запада. В том случае, если мы остановимся на забайкальской железнодорожной линии, Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край полностью в состав владений империи. На этой территории наши войска должны расположиться в порядке военных поселений, то есть на долгие времена. Мы должны быть готовы к тому, чтобы, осуществив эту оккупацию, иметь возможность выжидать дальнейшего развития событий»⁶⁸.

Отметил Сталин также абзац и в разделе «Стратегическая пропаганда»: «Ввиду того, что Японии будет трудно нанести смертельный удар Советскому Союзу путём войны на советском Дальнем Востоке, одним из главнейших моментов нашей войны должна быть стратегическая пропаганда, путём которой нам нужно будет вовлечь западных соседей и другие государства в войну с СССР и вызвать распад внутри СССР путём использования белых группировок внутри и вне Союза, инородцев и всех антисоветских элементов. Нынешнее состояние СССР весьма благоприятно для проведения этих комбинаций».

На сопроводительном письме значится резолюция Сталина: «Из рук в руки. Членам ПБ (каждому отдельно) с обязательством вернуть в ПБ. Ст.». И рядом под словом «Читал» подписи Ворошилова, Молотова, Куйбышева и Ягоды. Отмеченное Сталиным в резюме беседы посла Хироты и докладе военного атташе Касахара составило документальную основу статьи «Советский Союз и Япония», опубликованной в «Известиях» 4 марта 1932 г. Не вызывает сомнений, что статья в «Известиях» появилась по решению Политбюро⁶⁹.

«Содержание этих документов, – говорилось в комментарии, – быть может, и можно рассматривать как изложение личного мнения их авторов. Но эти авторы агрессивных планов являются слишком ответственными людьми, чтобы даже их личное мнение не имело серьёзного политического веса и не побуждало относиться с необходимой бдительностью и внимательностью к происходящему у наших дальневосточных границ... Тщательный анализ этих фактов... показывает, что положение, перед которым стоит на Дальнем Востоке Советский Союз, обязывает его к укреплению своей обороноспособности, к защите неприкосновенности его границ, в частности, путем соответствующего усиления военных гарнизонов...»⁷⁰.

Публикация, в которой ссылались не на японских авторов, выразивших собственное мнение, а на документы, появилась в советской печати впервые.

Касахара сразу понял, на основе каких документов подготовлена статья. 7 апреля он отправил начальнику разведуправления генштаба Японии телеграмму за № 21, в которой сообщил: «Имеются основания подозревать, что посылаемые от Вас почтой секретные документы перлюстрируются в пути. Прошу Вас сугубо секретные документы пересылать другим способом»⁷¹. Осталось неизвестным, каким образом Особый отдел получил фотокопии доклада, от своей агентуры в японском посольстве или от вскрытия дипломатической вализы в экспрессе «Москва – Владивосток».

Весной 1932 г. Касахара был переведён в генеральный штаб армии, где он занимал пост начальника русского отделения второго (разведывательного) отдела. 15 июля 1932 г. Касахара, вскоре после этого назначения, послал шифртелеграмму (перехваченную и расшифрованную) военному атташе в Москве Кавабэ Торасиро: «...подготовка (армии и флота) завершена. В целях укрепления Маньчжурии война против России необходима для Японии». Во время перекрёстного допроса на Токийском трибунале свидетель Касахара пояснил, что в ген-

⁶⁸ Там же. С. 34–35.

⁶⁹ Там же. С. 35.

⁷⁰ Известия. 1932. 4 марта.

⁷¹ Горбунов Е.А. Схватка с Черным Драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. С. 108.

штабе «между начальником отдела и отделений существовала договоренность о том, что подготовка к войне с Россией должна быть завершена к 1934 году»⁷².

Хирота Коки дважды был министром иностранных дел и некоторое время – премьер-министром. После войны, вместе с другими японскими военными преступниками, он оказался на скамье подсудимых. Фотокопии вышеперечисленных документов были представлены трибуналу советским обвинением. Хирота и выступавший в качестве свидетеля Касахара признали их подлинность. Советский обвинитель Голунский дал такую оценку этому документу: «Из записи беседы (Харада – Хирота) можно убедиться в том, что ещё летом 1931 года вопрос о нападении на СССР стоял в повестке дня не только у руководителей японской военной, но и у японских дипломатов. Этим документом мы докажем, что японское правительство и генштаб точно знали от своих официальных представителей в Москве, что Японии со стороны СССР ничто не угрожает и, следовательно, все разговоры об обороне являлись только маскировкой...».

Об этом же документе говорится и в приговоре трибунала: «Он [Хирота] выразил тогда ту точку зрения, что независимо от того, намеревается ли Япония нападать на СССР или нет, она должна проводить твёрдую политику в отношении этой страны и быть в любое время готовой к войне. Основной целью подобной готовности являлось, по его мнению, не столько оборона против коммунизма, сколько завоевание Восточной Сибири»⁷³.

5 февраля 1932 г., пользуясь отсутствием противодействия со стороны СССР, она заняла Харбин, главный город в полосе КВЖД, расположенный на берегу судоходной реки Сунгари, крупный речной порт и железнодорожный центр.

В 1931-м и 1932 годах в Москве считали угрозу войны для Советского Союза как на Западе, так и на Дальнем Востоке вполне реальной, что не соответствовало действительности и являлось результатом недостоверного информирования руководства страны военной и политической разведками. В Исполкоме Коминтерна к XII пленуму ИККИ (27 августа – 15 сентября 1932 г.) был подготовлен «Проект резолюции о дальневосточной войне и о задачах коммунистов в борьбе против империалистической войны и военной интервенции». При этом, как и в 1931-м, главным врагом по-прежнему считали Францию, которая была объявлена союзницей Японии: «... Прошедшее при полной поддержке Франции нападение японского империализма на Китай является началом новой мировой империалистической войны. Японский империализм выступает в военно-политическом союзе с международным жандармом версальской системы, с главным подстрекателем и организатором империалистической войны и интервенции в СССР, с французским империализмом. Совместными силами они готовятся взять в клещи с Запада и Востока СССР...»⁷⁴.

Не были забыты Англия и Северо-Американские Соединённые Штаты: «Английский империализм поддерживает все планы интервенции в СССР и организует её на Ближнем и Среднем Востоке. САСШ пытаются спровоцировать японо-советскую войну, чтобы, ослабив обоих противников, укрепить своё положение на Тихом океане. В Польше, Румынии и в прибалтийских странах военные приготовления под руководством французского генерального штаба идут с максимальной напряжённостью. Очагом военной интервенции в настоящее время является Маньчжурия, которая превращена усилиями японского империализма при поддержке Франции в плацдарм для нападения на СССР. На восточных и юго-восточных границах СССР империалисты также пытаются создать базис для диверсионных выступлений против СССР (Тибет, Афганистан, Синцзянь и т. д.)»⁷⁵.

⁷² Милитаристы на скамье подсудимых. Указ. соч. С. 248.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Горбунов Е.А. Восточный рубеж. Указ. соч. С. 90.

⁷⁵ Там же. С. 91.

Штатный состав Особой Краснознамённой Дальневосточной армии до её усиления, то есть на 1 января 1932 г. составлял: личного состава – 42 тыс. человек, самолетов – 88, танков – 16, танкеток – 20, орудий полевых – 324, зенитных – 28, береговых – 8. Основных соединений: стрелковых дивизий – 6, кавалерийских бригад – 2, эскадрилий и авиационных отрядов – 6, – было явно недостаточно, чтобы прикрыть огромную границу от пограничной станции Маньчжурия до Владивостока. Интенсивное усиление группировки войск на Дальнем Востоке началось с первых чисел января 1932 года, и результаты сказались уже к маю.

К 1 мая 1932 г. штатная численность ОКДВА была доведена до 108 610 человек, самолетов – до 276, танков – до 376, танкеток – до 271, полевых орудий – до 548, зенитных орудий – до 88, а орудий береговой обороны до 56. По основным соединениям число стрелковых дивизий увеличилось до 10, кавалерийских дивизий стало две (обе кавалерийские бригады были возвращены в дивизии). Части ВВС были увеличены до 11 эскадрилий и 5 авиационных отрядов.

Во второй половине 1932-го и в 1933-м усиление войск Дальнего Востока продолжалось так же интенсивно. Все силы и средства, которые можно было выделить, отправлялись в этот регион⁷⁶.

1 марта 1932 г. в Чанчуне было провозглашено образование марионеточного государства Маньчжоу-Го во главе с низложенным в результате Синьхайской революции 1911 г. последним китайским императором маньчжурской династии Пу И, тайно вывезенным из Центрального Китая японским разведчиком Доихарой. 15 сентября того же года новое государство было признано Японией, в тот же день стороны обменялись протоколами о взаимном сотрудничестве и обороне Маньчжурии.

После провозглашения Маньчжоу-Го его «союзнические» отношения с Японией претерпели серьёзные изменения. Уже 16 июня 1932 г. функция командующего Квантунской армией, состоявшая в обеспечении «обороны Квантунской области, а также защиты железных дорог в Маньчжурии», была преобразована в функцию обеспечения «обороны важных опорных пунктов Маньчжурии, а также защиты подданных империи»⁷⁷.

Советское руководство хорошо понимало, что выход японских вооружённых сил на советскую границу увеличивает опасность неспровоцированного нападения Японии на СССР. В этих условиях Москва активизировала свои предложения заключить пакт о ненападении. В советском заявлении, сделанном 31 декабря 1931 г. японскому министру иностранных дел Ёсидзаве Кэнкити и послу Хироте Коки, подчеркивалось, что заключение пакта о ненападении будет служить выражением миролюбивых политики и намерений японского правительства.

В секретном меморандуме, составленном заведующим европейско-американским департаментом японского МИД Того Сигэнори в апреле 1933 г., говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от всё возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурии»⁷⁸. И это было действительно так. Однако и для Японии после захвата Маньчжурии скорая большая война с СССР едва ли была возможна.

Советской стороне пришлось ждать ответа от Японии целый год. 13 декабря 1932 г. японское правительство официальной нотой отклонило предложение СССР, заявив, что «ещё не созрел момент для заключения пакта о ненападении». «Правящие круги страны, на которые оказывалось сильное давление со стороны так называемых патриотических, т. е. профашистских, групп, не желали создавать даже видимости стремления к добрососедству с “большевистской Россией”. Против пакта решительно выступал японский генералитет, ибо он лишал аргументов о “советской угрозе”, которые широко использовались для обоснования требова-

⁷⁶ Горбунов Е.А. Восточный рубеж. Указ. соч. С. 155.

⁷⁷ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 43.

⁷⁸ Кошкин А.А. Россия и Япония: Узлы противоречий. М., 2010. С. 150–151.

ний постоянно увеличивать ассигнования на военные расходы. Распространяя пропаганду о «красной опасности», японские военные утверждали, будто «с идеологической точки зрения договор о ненападении приведёт к ослаблению бдительности в отношении СССР».

В ответной ноте советского правительства указывалось, что его предложение «не было вызвано соображениями момента, а вытекает из всей его мирной политики и поэтому остаётся в силе»⁷⁹.

После захвата Харбина в Москве считали, что японские войска быстро оккупируют всю Северную Маньчжурию, выйдут к советским дальневосточным границам, и весной 1932-го может начаться вооружённый конфликт между Японией и Советским Союзом, к которому войска ОКДВА не были готовы. В разведывательной сводке № 14 от 5 марта 1932 г. сообщалось, что последние агентурные сведения с Запада и Востока указывают на готовящееся выступление Японии против СССР. По одним данным, Япония собиралась напасть на Приморье, по другим – одновременно с Японией должны были выступить Польша, Румыния и лимитрофы. Отмечалось, что в этом вопросе намечается соглашение между Японией, США, Англией, Францией и Китаем. Сводка была подписана руководителями военной разведки Берзиным и Никоновым⁸⁰.

В сводке № 16 от 14 марта отмечалось, что среди японских военных и правительственных кругов заметно большое оживление в связи с ожидаемым принятием решения о выступлении против СССР. Тревожная информация поступала и из Маньчжурии. По полученным от белых сведениям, японская миссия в Харбине заявляла, что выступление против СССР намечено на апрель – май текущего года. Основным направлением считалось Приморье с одновременными диверсиями из Трёхречья против Забайкалья. Эта сводка была подписана заместителем Берзина и начальником агентурного отдела Мельниковым⁸¹.

Сводка № 17 от 17 марта начиналась с сообщения о мобилизации в Японии 6 пехотных дивизий, из которых 4, возможно, будут направлены в Китай. Иностранная пресса также сообщала о призыве на военную службу запаса второй очереди. По тем же агентурным данным, 16-я пехотная дивизия доведена до штатов военного времени и готова к выступлению. Также по агентурным данным, генерал Араки заявил на конференции командиров дивизий, что реформе армии император дал отсрочку в связи с создавшимся исключительным положением.

В этой же сводке говорилось о новом плане интервенции против СССР: Япония обращается в Лигу Наций с просьбой воздействовать на СССР в смысле отвода частей Красной Армии от границ Маньчжурии; Лига Наций предлагает СССР отвести войска, чтобы избежать военного конфликта, и в случае отказа Советского Союза Япония получает санкцию на оккупацию Приморья с Владивостоком при политической и материальной поддержке остальных держав⁸².

27 марта 1932 г. Берзин и Никонов подписали сводку № 20, адресованную начальнику Штаба РККА Егорову. Сводка вновь была составлена «по агд» – по агентурным данным без использования других источников информации. В ней сообщалось, что в связи с соглашением между Китаем и Японией об эвакуации японских войск из Шанхая центр внимания правительственных кругов Японии переносится в Маньчжурию и что в Токио активно обсуждаются сведения о сосредоточении частей Красной Армии на границах Маньчжурии. «Военные круги убеждены, что для усиления развития Японии необходимо присоединение Маньчжурии и Монголии. Маньчжурия является первой линией обороны, должна быть обеспечена занятием всей территории вплоть до Байкала – только при этом условии Япония может быть спокойна за свой ближайший тыл», – говорилось в сводке. В японском генштабе считали, что если СССР успешно выполнит первую пятилетку и приступит ко второй, судьбу империи решит Крас-

⁷⁹ Там же. С. 151.

⁸⁰ Горбунов Е.А. Восточный рубеж. Указ. соч. С. 41.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 41–42.

ная Армия. Также, как в предыдущих документах Разведупра, здесь вновь говорилось о роли Франции, для которой конференция в Женеве по разоружению якобы является выигрышем времени для начала войны на Дальнем Востоке: «По агд, заслуживающим доверия, устанавливается, что Франция твёрдо рассчитывает на войну между Японией и СССР...» и настаивает, чтобы Япония создала повод к войне, а японские дипломаты в Берлине начали обработку германских чиновников в антисоветском духе в связи с перспективой такой войны. Получалось, что все крупнейшие мировые державы якобы были заинтересованы в том, чтобы Япония как можно скорее начала войну против СССР⁸³.

Информация была недостоверной. Части Квантунской армии были измотаны непрерывными боями, нуждались в отдыхе и пополнении. Кроме того, в Маньчжурии началось широкое партизанское движение, требовавшее немедленных действий со стороны японских войск. Необходимо было время и для того, чтобы создать на захваченной огромной территории государственную структуру.

22 марта 1932 г. в оперативном управлении Штаба РККА была составлена справка о возможности выступления Японии против СССР в том же году. Основываясь на материалах Разведупра, разработчики справки пришли к выводу, что приближение японской армии к дальневосточным границам страны и превращение Маньчжурии и Внутренней Монголии в японский плацдарм в значительной степени ускоряло и приближало опасность нападения на дальневосточные границы СССР и на МНР.

В справке отмечалось, что применительно к весне 1932 г. основной задачей для Японии является закрепление в «Маньчжуро-Монголии». Эта задача может быть успешно выполнена только при условии раздела Китая и усилении влияния Японии в Северном Китае. Поэтому в первой половине 1932 г. Япония не заинтересована в немедленном вооружённом столкновении с СССР, что отвлекло бы и затруднило выполнение основной задачи и ослабило её перед будущим японо-американским столкновением. Действия Японии в Маньчжурии и Северном Китае, по мнению авторов документа, санкционировались США, Англией и Францией лишь как действия, направленные против СССР.

В справке, как и во всех оперативных документах первой половины 1932 г., вновь значительное внимание было уделено позиции Франции: «Франция заинтересована в разделе Китая и укреплении своего влияния на юго-западе Китая. Она толкает Японию на выступление против СССР, дабы отвлечением нашего внимания на Восток облегчить интервенцию с Запада. Кроме того, Франция надеется получить разрешение своих интересов на КВЖД»⁸⁴. В документе отмечалось, что Англия также заинтересована в отвлечении Японии на Север, втягивании Японии в длительную авантюру против СССР и расширении её влияния в «Маньчжуро-Монголии», а не в Китае. Что касается США, то для них маньчжурская авантюра Японии могла быть приемлемой лишь в случае прямого столкновения между Японией и СССР, что привело бы к ослаблению обеих стран.

Как отмечалось в документе, для успешной войны против СССР Японии нужно было достроить в Маньчжурии несколько железных дорог, переоборудовать порты северной Кореи для приёма японских войск, подготовить аэродромы и базы в Маньчжурии, а также политически укрепиться в Маньчжурии и Монголии и иметь спокойный тыл в Северном Китае. Ничего этого у Японии в 1932-м не было, и требовалось много времени и сил, чтобы этого добиться. «Эти факторы, – говорилось в справке, – являются сдерживающими в разрешении вопроса непосредственного нападения на СССР весной 1932 г.» Возможность выступления Японии против СССР не исключалась, но обставлялась целым рядом условий: «Если вопрос о начале интервенции весной или летом 1932 г. будет решён Францией, США и Англией, если при этом

⁸³ Там же. С. 42–43.

⁸⁴ Там же. С. 49.

Японии будет представлена значительная финансовая поддержка и будет гарантирована крупная территориальная компенсация за счёт СССР, Китая и МНР, то Япония, не задумываясь выступит против СССР в качестве застрельщика интервенции или весной, или летом 1932 г.»⁸⁵.

Советский Союз делал всё, чтобы отдалить угрозу японской агрессии. В феврале 1932 г. СССР официально, в нарушение советско-китайского соглашения 1924 г., предоставил Японии разрешение на транспортировку её войск и военных грузов по КВЖД. В марте и сентябре советские представители заключили с Токио соглашение на поставку в Маньчжоу-Го и Японию бензина, а в августе продлили рыболовную конвенцию.

Тем временем Япония не ослабляла усилий по укреплению позиций в Северной Маньчжурии, и Советский Союз был вынужден во втором полугодии 1932 г. также ужесточить свою позицию. Пользуясь недовольством китайских генералов Ма Чжанша, Су Бинвэнь, Ли Ду, Тин Чао и др. усилением контроля со стороны Японии, советские власти стали нелегально оказывать им поддержку в организации антияпонских восстаний, которые, правда, легко подавлялись.

Квантунская армия провела около 1850 успешных карательных экспедиций против повстанцев, часть которых переходила на советскую территорию (зимой 1932/33 г. их численность составляла более 20 тыс. человек). Требования японской стороны об их выдаче советские власти под разными предлогами отклоняли, продолжая оказывать помощь мелким партизанским отрядам, общая численность которых в Маньчжурии в этот период достигала 100 тыс. человек⁸⁶.

В 1932 г. военный министр Араки Садао опубликовал программную статью «Задачи Японии в эру Сёва», в которой оправдывал интервенцию в Маньчжурию и призывал к восстановлению традиционных духовных ценностей, полному отвержению западной идеологии и решительной внешней экспансии: «С тех пор как Япония, начиная с эпохи Мэйдзи, показала всему миру своё действительное, искреннее лицо, она всё время действовала на основе справедливости и имела решимость прибегать к реальной силе, жертвуя собой в пользу мира. Она никогда не колебалась в деле уничтожения зла. В результате этого она стала одной из трёх крупнейших держав мира.

Оказать величиию императора поддержку – значит реализовать великий идеал Великой Японии. Для этого японский народ напрягал все свои силы, так как в нём теплилось великое самоосознание...

...Нынешний маньчжурский инцидент возник не на основе таких мелких вопросов, как игнорирование договоров или посягательство на права и интересы Японии. Основной причиной инцидента является оскорбление Японии Китаем. Лига наций не могла отличить справедливости от несправедливости, что привело в результате к тому, что и она оскорбляет Японию. Таким образом, должно быть ясно всякому, что непосредственной причиной изоляции Японии является оскорбление, полученное ею от всего мира, и что это случилось по вине самой Японии. ...

Наша «императорская нравственность», являющаяся воплощением сочетания истинной души Японского государства с великим идеалом японского народа, должна проповедоваться и распространяться по всему миру. Все препятствия, стоящие на пути этого дела, должны решительно уничтожаться, не останавливаясь перед применением реальной силы...

Спрашивается: каково положение в Восточной Азии в настоящее время?

В Китае уже в течение 20 лет господствует беспорядок, там до сих пор нет даже центрального правительства и, по сути, нет государства.

⁸⁵ Там же. С. 50.

⁸⁶ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 50–51.

В Индии под гнетом Англии страдает более 300 млн. человек, и она лицом к лицу стоит перед серьёзным кризисом.

Как в Средней Азии, так и в Сибири не найдётся даже одного куска свободы. И Монголия тоже как будто превратилась во вторую Среднюю Азию. Таким образом, на континенте Восточной Азии, кроме Японии, самостоятельным государством является только Сиам...

При таком положении маньчжурский инцидент является для Японии случаем, данным богом. Надо признать, что бог забил во все колокола, чтобы тем самым разбудить японский народ.

Различные страны Восточной Азии являются объектами гнёта со стороны белой расы. Разбуженная императорская Япония больше не может позволить произвол белой расы. Миссией Японии является борьба со всеми действиями, несовместимыми с императорской ответственностью, от какой бы страны эти действия ни исходили»⁸⁷.

В конце августа 1932 г. генштабом был разработан план войны против СССР на 1933 г., который учитывал изменившееся после оккупации Маньчжурии стратегическое положение сторон. При составлении этого плана командование японской армии исходило из того, что достигнуто необходимое стратегическое превосходство над советскими вооружёнными силами на Дальнем Востоке и в Сибири. При этом достижению поставленных задач должны были способствовать: участие в войне против СССР не только японских, но и маньчжурских войск; то, что сражения в районах советско-маньчжурской границы японские войска будут вести по внутренним операционным линиям, а советские – по внешним; что в начале войны советские части будут уничтожаться по отдельности. Советские базы военно-воздушных сил подлежали уничтожению в первую очередь; в кратчайший срок должна была быть перерезана Транссибирская магистраль, проходившая в непосредственной близости от Маньчжурии. «Планом на 1933 г. было определено, что против четырех-пяти дивизий, которые, по расчётам японского генштаба, мог выставить Советский Союз в Приморье, японская армия будет иметь три дивизии в Маньчжурии и две в Корее. Кроме того, одна дивизия должна была высадиться с моря в районе Владивостока. Намечалось уже в начальный период войны нанести по советским войскам в Приморье “сокрушительный удар”. Считалось, что “к тому времени, когда СССР перебросит из глубины страны две дополнительные дивизии, сражение в Приморье будет завершено, советские ВВС разгромлены и развеяны, Владивосток захвачен”.

Для действий на северном, амурском, направлении выделялось три дивизии, а на западном, хинганском – четыре. Предусматривалось иметь десять дивизий резерва ставки. Силами одной дивизии планировалось осуществить захват Северного Сахалина и Камчатки. Две дивизии получали задачу обеспечивать с юга тыл группировки. После разгрома противостоящих сил противника оккупации подлежала обширная часть территории Советского Союза к востоку от озера Байкал.

В конце 1932 г. этот план был одобрен главнокомандующим японскими вооружёнными силами императором Хирохито... Военный успех в Маньчжурии опьяняюще подействовал на японские военные круги, и они не желали трезво оценивать возросшую мощь Советского Союза»⁸⁸.

К 1933 г. Маньчжурия была полностью захвачена, и Япония приступила к созданию плацдарма на материке, готовясь к будущей схватке за господство в Азии. На территории «независимого» государства строились аэродромы, способные принять тысячи самолетов из метрополии. Новые военные городки должны были вместить дивизии, которые предполагалось перебросить с японских островов. Новые железные и шоссейные дороги тянулись к Забайкалью, Амуру и Приморью.

⁸⁷ Иоган Е., Ташин О. Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933. С. 257–258.

⁸⁸ Кошкин А.А. «Кантокуэн» – «Барбаросса» по-японски. Указ. соч. С. 22–23.

На другом берегу Амура и Уссури вынуждены были делать то же самое. Весной 1932 г. на советском Дальнем Востоке началось строительство Военно-морского флота (до этого здесь действовала только Амурская флотилия). Для этого необходимо было перебазировать сюда корабли и военно-морские кадры из Европейской части СССР. В эти же годы началось восстановление военно-морского порта и крепости во Владивостоке, форсированное выселение гражданского населения и строительство казарм, а также установка артиллерии на о. Русский у входа в этот военно-морской порт.

К 1933 г. военно-политическое положение Японии значительно изменилось. Обширная территория трёх китайских провинций, на которых было создано «независимое» государство, находилась в полном подчинении Японии. Первая часть «меморандума Танаки», предусматривавшая захват Маньчжурии, была выполнена. В точном соответствии с основными положениями этого документа началось планирование следующих этапов агрессии. Определялись возможные сроки начала будущей войны, но единодушия в этом вопросе не было.

В сентябре-декабре 1931 г. Совет Лиги Наций, обсуждая маньчжурский вопрос, осудил Японию и постановил создать комиссию для изучения обстановки на месте. Комиссия состояла из авторитетных представителей США (не состоявших в Лиге Наций), Британии, Франции, Германии и Италии во главе с английским лордом Виктором Литтоном (комиссия Литтона).

11 марта 1932 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию о непризнании японских захватов. Комиссия Литтона, посетившая США, Японию, Китай, Маньчжоу-Го представила подробный доклад, содержащий доказательства агрессии Японии, нарушения ею Устава Лиги Наций, Договора девяти держав, Пакта Бриана – Келлога. Указав, что регион является неотъемлемой частью Китая, Литтон предложил определить новый статус Маньчжурии в качестве автономной единицы Китая. На чрезвычайной сессии Ассамблеи Лиги Наций (декабрь 1932 г.) по его докладу были вынесены половинчатые решения: признав Японию агрессором, Лига Наций уклонилась от введения против неё экономических и военных санкций.

При этом вновь выявились расхождения в позициях держав. США сосредоточили усилия своей дипломатии на закреплении принципа «открытых дверей» в Китае, разъяснив, что США не намерены вмешиваться в «законные договорные права» Японии в Маньчжурии. Английский министр иностранных дел Дж. Саймон заявил, что его правительство не намерено предпринимать какие-либо шаги против Японии. Советское правительство, в свою очередь, сделало заявление, что оно с самого начала японо-китайского конфликта стояло на пути строгого нейтралитета, и сообщало, что не находит возможным присоединиться к постановлениям Лиги Наций. Советская позиция была вынужденной и объяснялась неготовностью СССР к войне.

Ужесточение позиции Лиги Наций по маньчжурскому вопросу произошло в начале 1933 г. В январе 1933 г. японские силы захватили город Шаньхайгуань у восточной оконечности Великой китайской стены, открывавший ворота из Маньчжурии во Внутренний Китай. 20 февраля японское командование потребовало вывода китайских войск с территории провинции Жэхэ, расположенной между Маньчжоу-Го и Великой китайской стеной к северо-востоку от нее. На следующий день японские войска начали наступление.

24 февраля Ассамблея Лиги Наций абсолютным большинством одобрила доклад комиссии Литтона. В резолюции признавались «особые права и интересы» Японии в Маньчжурии, однако захват Маньчжурии объявлялся незаконным, суверенитет Китая над маньчжурской территорией подтверждался, члены Лиги Наций обязывались не признавать де-юре и де-факто Маньчжоу-Го, а Японии предлагалось вывести из Маньчжурии войска.

В связи с принятием документа японский делегат заявил о невозможности сотрудничества с Лигой Наций, и члены делегации покинули зал заседаний. 27 марта 1933 года японское правительство официально объявило о выходе Японии из Лиги Наций.

Выступая в июне 1933 г. перед участниками совещания руководящего состава японской армии, военный министр Араки Садао настаивал на том, чтобы готовиться к войне против

СССР и осуществить нападение на него в 1936 г., когда «будут и поводы для войны, и международная поддержка, и основания для успеха». Генералы Нагата Тэцудзан и Тодзио Хидэки считали, что для этого «Япония должна собрать воедино все ресурсы жёлтой расы и подготовиться для тотальной войны». Начальник Бюро общих дел военного министерства Тодзио Хидэки указывал на рискованность преждевременного выступления. Поддерживая его точку зрения, начальник 2-го бюро генерального штаба Нагата Тэцудзан указывал, что для войны против СССР «необходимо иметь в тылу 500-миллионный Китай, который должен стоять за японскими самураями как громадный рабочий батальон, и значительно повысить производственные мощности Японии в Маньчжурии»⁸⁹.

Иными словами, следовало захватить центральные районы Китая, создать солидную военно-экономическую базу в Маньчжурии и реорганизовать армию, оснатив её новейшей военной техникой. Это был более реалистичный подход, но и он был тогда и позднее невыполним.

Представители деловых кругов Японии, собранные осенью 1933 г. министром иностранных дел Хиротой, приняли следующую резолюцию: «Основная политика по отношению к СССР установлена Японо-советской конвенцией, заключённой в Пекине. При наличии этой конвенции пакт о ненападении является излишним, но если СССР хочет заключить такой пакт ввиду изменившегося положения на Дальнем Востоке и возникновения Маньчжоу-Го, Япония может пойти на это при согласии СССР на следующие условия: 1) Абсолютно прекратить революционное движение на Дальнем Востоке, особенно в Маньчжурии и Японии. 2) Увести с Дальнего Востока, особенно с границ Маньчжурии, все военные пополнения. 3) Отменить все законоположения, оказывающие давление на японские предприятия на советском Дальнем Востоке. В особенности проводить справедливые меры на рыболовных торгах: освободить импорт предметов, необходимых для рыболовства, от всяких сборов, смягчить правила о рабочем времени. Относительно нефтяной концессии заключить общий договор о сбыте нефти в Японии, удлинить срок нефтеразведок, удлинить рабочее время и смягчить правила надзора. Смягчить правила и контроль относительно добычи угля. 4) Открыть новые японские предприятия на Дальнем Востоке (Советском), передать Японии лесные и горные промышленные концессии. 5) Развить японо-советскую торговлю и отказаться от односторонности её, с тем чтобы покупать у Японии столько же или больше, чем закупает Япония. 6) Немедленно уступить КВЖД».

В резолюции особое место занимает программа экономической агрессии. Вещи в ней не называются своими именами: речь идёт о расширении концессионных и конвенционных прав, в первую очередь, применительно к рыбным и лесным ресурсам, углеводороду, но, по существу, правильно названы лишь объекты японских вожделений на советском Дальнем Востоке, которые могли быть захвачены мирным путем. «По существу же речь идёт, конечно, об осуществлении на Советском Дальнем Востоке той же программы, которая уже осуществлена в Маньчжурии, где, как известно, железные дороги, все рудные богатства, угольные залежи, лесные массивы перешли под видом национализации в руки японских обществ»⁹⁰.

⁸⁹ Иоган Е., Танин О. Когда Япония будет воевать. С. 22–23.

⁹⁰ Там же. С. 23–24.

2. «Японцы убеждены, даже более чем убеждены, – они знают, что являются потомками богов»

(Тейд О'Конрой, сотрудник секретной разведывательной службы Великобритании)

В связи с ростом угрозы с Востока советское руководство обратилось к изучению истории Японии, пытаясь тем самым приблизиться к пониманию особенностей японского общества, его менталитета. Учитывая ошибки царского правительства, недооценку им сил дальневосточного соседа в Русско-японской войне 1904–1905 гг., политическая элита стремилась к расширению своих знаний и представлений о Стране Восходящего Солнца.

В личном фонде Сталина хранятся две книги с пометками и комментариями, которые отражают процесс формирования его представлений о Японии, показывают переосмысление им сведений о загадочном восточном государстве. Это – «Японская угроза» Т. О'Конроя и «Военно-фашистское движение в Японии» О. Танина и Е. Иоган⁹¹. Обе они в итоге были рекомендованы для массового читателя.

В монографии О'Конроя «Японская угроза», изданной на английском языке (1933), переведенной на русский (1934) и переизданной (1942), дается характеристика психологии, быта, традиций японского общества. Профессор Тейд О'Конрой, ирландец по происхождению, жил во многих странах мира, преподавал английский язык и литературу в Дании, России, Турции и Японии⁹².

Сотрудником секретной разведывательной службы Великобритании О'Конрой, судя по всему, стал с началом Первой мировой. Покинул ли он Интеллидженс сервис после окончания войны или остался в её рядах, сказать трудно. Не следует исключать, что в Японию он был направлен в качестве кадрового разведчика под прикрытием преподавателя английского и литературы. Результатом пятнадцатилетнего пребывания в Стране восходящего солнца и стала книга «Японская угроза».

О'Конрой преподавал в японском частном университете Кэйо в Токио, значительное число выпускников которого относилось к элите японского общества, а также в Высшей военной академии Императорского флота и других учебных заведениях. Несколько лет он был тесно связан с иностранным отделом центрального полицейского управления в Токио. Женившись на японке из аристократической семьи, он жил среди японцев, что позволило ему изучить язык, историю и культуру, особенности национального характера, исследовать политическое, экономическое и социальное положение различных слоёв населения.

«Для того чтобы понять японскую психологию и проникнуть в существо японского мышления, – отмечал О'Конрой, – совершенно необходимо отдать себе отчёт в величайшем значении следующего факта: японцы убеждены, они даже более чем убеждены, – они знают, что являются потомками богов; кроме того, они знают, что они – единственный народ на земле, который имеет право считать себя потомками богов... Это часть религии, убеждение, символ веры почти 90 миллионов человеческих существ. Это убеждение сильнее всякой другой религии мира и является господствующей силой во всей Японской империи. Отсюда, естественно, следует, что представитель всякого другого народа является для японцев “варваром”. Убеждение японцев в их божественном происхождении дало им основание к исключительной, почти невероятной самовлюблённости и презрению к другим. Это убеждение проникает все их

⁹¹ Ложкина А.С. Япония в представлениях высшего советского руководства 30-х годов: мифотворчество и прагматизм // Япония. № 37. 2008. С. 259–284.

⁹² О'Конрой Т. Японская угроза. М., 1942. С. 3–4.

поступки: оно даёт каждому отдельному японцу спокойное, тихое самодовольство; оно достигает в японских книгах и газетах угрожающих размеров»⁹³.

«Нет никакого сомнения, – писал профессор О’Конрой, – что присутствие иностранцев в Японии для большинства населения вообще исключительно неприятно. Это главным образом объясняется правительственной пропагандой... В представлении японцев народы земли разделяются на три категории. К первой и лучшей из всех относятся они сами, дети богов; затем идут варвары, включающие жёлтую и белую расы всего остального мира, и к последней принадлежат народы Корумба, состоящие из народностей Индии, Цейлона и всех негров и чёрных рас вообще. ...»⁹⁴.

«Мы издавна и твердо верим, что Японская империя была первоначально вверена богиней солнца Аматерасу-О-Ми-Ками её потомкам со словами: “Мои божественные потомки, вы должны управлять этой страной”. Отсюда берёт своё происхождение императорская семья Японии... Божественное происхождение императорской семьи является залогом того, что Япония со времени существования неба и земли была монархией и будет ею вечно. С того отдалённого времени, когда наш императорский предок впервые спустился с неба и стал управлять землёй, в империи воцарился великий мир и никогда не было никаких посягательств на императорский престол»⁹⁵.

Этот отрывок взят из лекции, прочитанной японским учёным Буничи Хориока на собрании Азиатского общества в германском посольстве в Токио. «Западному человеку трудно понять, как мыслящий японец может удовлетвориться этой мифологической сказкой, в особенности когда известно, что сказка находится в прямом противоречии с действительными историческими фактами»⁹⁶, – комментировал этот тезис выступления японского учёного О’Конрой.

Японское государство, согласно официальной версии, возникло по воле главной богини синтоистского пантеона – богини солнца Аматерасу-О-Ми-Ками (или Тэнсё Дай-дзин, «великое божество, озаряющее небеса»), которая заложила и основы престола. Поэтому императору присущи добродетели самой богини, а императорское правление не может быть несправедливым. Японским подданным внушали, что император непогрешим во всём, что касается религии, политики и морали, так как обладает непостижимой, мистической божественностью, позволяющей ему безошибочно видеть истинный путь своей страны и подданных. Этот путь был назван «кодо» («императорский путь»)⁹⁷.

«Японцев воспитывали в вере, что с незапамятных времён основания японского государства богиней Аматерасу, вступления на престол первого императора, Дзимму (считается, что первый император Дзимму был её праправнуком. – М.А.), и на протяжении всей японской истории общественная деятельность подданных тэнно (императора. – М.А.) была подчинена выполнению ниспосланной самой Аматерасу священной миссии по распространению “божественного” правления на всё более обширные территории. Обычно для подкрепления этого утверждения официальная пропаганда цитировала эдикт императора Дзимму по его вступлении на престол после шестилетних войн по усмирению непокорных племён на востоке Японских островов. В эдикте император Дзимму поклялся богине Аматерасу “распространить императорскую власть на весь мир, чтобы собрать восемь углов под одной крышей (хакко ити у)”. Этот лозунг, который часто переводят также как “весь мир – одна семья” или “весь мир под одной крышей”, рассматривался как божественный императив. Проповедники воинствен-

⁹³ Там же. С.13.

⁹⁴ Там же. С.23.

⁹⁵ Там же. С. 5.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии. М., 1990. С. 45.

ного “японизма” доказывали, что только японцы, осенённые добродетелями “японского духа” благодаря “расовой чистоте и единству”, способны “распространить свет своей культуры на всё человечество”, ибо “небесное предназначение японского государства” состоит в создании единой новой культуры для всего человечества»⁹⁸.

Благодаря пропаганде «божественной» миссии «хакко ити у», экспансионистские акции японского империализма на Азиатском континенте (начиная с Японо-китайской войны (1894–1895) и кончая агрессивными действиями в 1931–1945 гг.) в глазах простых японцев носили характер «священной войны». Лозунг «хакко ити у» использовался и для обоснования особых прав Японии на руководство народами «жёлтой расы» в деле освобождения их от ига западных держав.

Как указывалось в документах Токийского военного трибунала, понятия «хакко ити у» и «кодо», в конце концов, стали символами мирового господства, осуществляемого при помощи военной силы⁹⁹.

«Около двух лет назад (1930–1931 гг. – М.А.) в “Осака Майнити”, японской “Таймс”, вышла передовая статья, в которой говорилось: “Япония должна подчинить себе народы Востока и завоевать весь мир остриём штыка”. Эта последняя фраза отражает существо идей молодой Японии. Я встречал, – пишет О’Конрой, – те же убеждения вновь и вновь в сочинениях моих студентов, написанных для университетских экзаменов.

В учебных заведениях чувства патриотизма и преданности божественному императору поддерживаются через посредство организаций допризывной подготовки. Еще до того, как дети подрастают и достигают того возраста, когда они могут проходить военную подготовку, их учат традиционным гимнам и современным военным песням. Эти песни они поют хором; с детских лет и до самой смерти правительство не позволяет ослабеть их патриотическому энтузиазму. Вводятся всё новые праздники. Одним из национальных праздников по императорскому декрету, праздником, который празднуют с особенным энтузиазмом, является праздник в честь Дзимму тэнно («правитель Дзимму», мифический правитель Японии, восшествие которого на престол в 600 г. до н. э. считается началом создания японского государства. – М.А.)... В день рождения императора портрет или фотография Дзимму является предметом церемониальных поклонов под аккомпанемент соответствующих песен и музыки»¹⁰⁰.

«В корне всего этого антииностранныго движения заложена расовая гордость, культура, патологически извращённая и взращённая государственными мероприятиями. Её внедряют в сознание каждого японца при его рождении и любовно культивируют в течение всей жизни. Это воздействовало на мозг и мировоззрение народа и сделало его жестоким. Это возвеличило японцев в их собственных глазах и преуменьшило значение всего остального мира; это помогает японцам забывать то, чего японцам не хотелось помнить, это дало им силы, позволяющие по-своему психологически обособиться от действительности. Такие факты, говорящие о том, что имперский флот был организован благодаря тому, что японцев обучали и тренировали 32 британских офицера; что армия была организована как гибкая организация благодаря французам и немцам... совершенно игнорируются... Новый рост патриотизма начинается в связи с последними беспорядками на Востоке. Весь мир в лице Лиги Наций и Соединённых Штатов выразил Японии своё осуждение. Вся японская нация узнала об этом осуждении, но она продолжала свою политику покорения Востока с полным хладнокровием. Она презирала всех варваров и не считалась с их осуждением. Япония ещё раз доказала своему народу, что она всемогуща»¹⁰¹.

⁹⁸ Там же. С. 49–50.

⁹⁹ Кошкин А.А. Японский фронт маршала Сталина. М., 2004. С. 27.

¹⁰⁰ О’Конрой Т. Указ. соч. С. 14.

¹⁰¹ Там же. С. 30.

Росту патриотизма в немалой степени способствовала победа Японии в Русско-японской войне (1904–1905). В этой связи О'Конрой пишет: «Удачная война с Россией оказала влияние на умы японцев... Японцы считали, что теперь для них не существует ничего недостижимого. К несчастью, Япония стала баловнем всего мира. По всей вероятности, очень и очень немногие уяснили себе, что вмешательство президента Рузвельта вывело японскую нацию из весьма критического положения. Её армии и прочие ресурсы находились в состоянии крайнего истощения. Россия находилась в чрезвычайно невыгодном положении вследствие того, что ей приходилось переправлять солдат, лошадей, пушки через обширный континент, где зимы были страшно жестоки. Но внимательные наблюдатели, находившиеся в Маньчжурии к концу войны, до сих пор остаются при том мнении, что если бы война затянулась на непродолжительное время, исход её был бы совсем иной. Однако японский народ и весь мир считали, что великая Россия была побита маленькой Японией»¹⁰².

«Можно только удивляться успехам Японской империи с 1868 г... Японцы заимствовали все западные изобретения, которые дала цивилизация, и в течение 50 лет приспособились к требованиям машинной промышленности Запада. Но опасность заключается в психологии японцев. Умственно и нравственно японцы не изменились; в этой области положение остаётся таким же, как и 500 лет назад... Убийства всё чаще играют значительную роль в жизни современной Японии. В течение последних полутора лет в английской печати сообщалось о двух политических убийствах в Японии. В течение этого короткого периода я лично слышал о двухстах политических убийствах. При этом я не включаю сюда обыкновенные убийства и имею в виду только убийства политического характера»¹⁰³.

«Внезапная эмансипация 1868 г. осталась непонятной массам. Впервые им дали свободу перемещения по империи; впервые им разрешили общаться и заключать браки друг с другом на различных островах и в различных областях империи. Эмансипация 1868 г. дала новому правительству 60 миллионов подданных, умственный уровень которых был уровнем детей. Эти 60 миллионов подданных жили повседневными заботами о хлебе насущном в течение пятнадцати веков; их можно было легко направить по любому руслу, научить мыслить как угодно; правительство вдохнуло в массы патриотизм, обосновывая его божественным происхождением народа. Эти идеи развивались в указанном направлении и ныне привели к угрожающему положению. Этот патриотизм по-прежнему стимулируется. Тот факт, что Японии позволили действовать по её собственному усмотрению в течение последних двух лет, что ей позволили презреть общественное мнение всего мира в Шанхае и Маньчжурии, ещё более убедило огромные и невежественные массы японцев в том, что Япония всесильна. Если державы не учтут всего этого, Япония медленно, но верно достигнет своей цели. Она подчинит себе народы Востока и попытается завоевать мир остриём штыка»¹⁰⁴.

О'Конрой утверждает, что для японцев характерен «недостаток умения логически мыслить»: «Феодальная Япония была, пожалуй, наиболее ярким примером, где цивилизация искусственно задерживалась и находилась в статическом состоянии. Поскольку речь идёт об оригинальном мышлении, это остаётся справедливым и для сегодняшней Японии. Я должен признать, что в течение 16 лет, проведенных мною в качестве профессора в Японии, когда я жил исключительно в кругу японцев, я не слышал ни одной оригинальной мысли, высказанной кем-либо из соотечественников моей жены. Самодовольство японцев, вероятно, в некоторой степени является следствием упорного игнорирования Запада. Недостаток умения логически мыслить приводит к тому, что японцы самым необыкновенным образом воспринимают то, что они читают и слышат. Большинство студентов, которые учились у меня или за которыми я

¹⁰² Там же. С. 98.

¹⁰³ Там же. С. 14.

¹⁰⁴ Там же. С. 15.

имел возможность наблюдать, принадлежали к высшим классам общества, к знати. Это были люди в возрасте 24, 25 лет и моложе, т. е. сливки интеллигентной молодёжи Японии. Не раз я давал моим ученикам прочесть отрывок из книги, – не переводной, а одной из книг по истории Японии, – и затем обращался к группе, предлагая задавать вопросы по существу прочитанного. Мне никогда не удавалось добиться больше одного вопроса от целой группы. Это не было вызвано застенчивостью... Они просто не в состоянии сразу запомнить прочитанное и логически продумать содержание. Ум японца воспроизводит прочитанную им страницу, и только. Метафоры и аналогии для них совершенно пропадают...

Японцы не хотят верить тому, что рассказывают иностранцы о своей стране. Они доверяют только рассказам собственных писателей, и японское правительство тщательно следит за тем, чтобы в книгах, которые читают в школах, сравнение с Западом всегда было в пользу Японии. Один из японских писателей заявляет: “Нас, японцев, все критиковали как народ, не способный дать своего вклада в мировую цивилизацию, как народ, умеющий только перенимать достижения других. А разве западные народы не заимствуют столько же у нас? То, что наши заимствования состояли в большинстве случаев из заметных материальных ценностей вроде велосипедов и граммофонов и что западные народы восприняли главным образом наши культурные достижения и наше искусство, не должно было бы давать повода к заключению в пользу одной или другой стороны”... Приведённая выше цитата, в которой изъясняется претензия на то, что японцы равны другим народам в качестве создателей мировой цивилизации, является ещё относительно умеренной по сравнению с другими претензиями...

Меня часто спрашивали мои ученики: “Есть ли автомобили у вас в стране? Есть ли нефтеналивные станции в вашей стране?” – и задавали сотни других вопросов в том же роде. Несколько студентов прочли где-то, что мы, англичане, спим в сапогах, и, несмотря на настоячивые опровержения с моей стороны, не были полностью убеждены в том, что их сведения не соответствовали действительности. Один профессор – Танака – уведомил своих японских слушателей, что на Западе никогда не моются; он пошёл дальше и, ожидая опровержения от одного из варваров, заявил, что европейцы, живущие в Японии, стремясь защитить своих соотечественников от разоблачения их низкого культурного уровня, вероятно, будут отрицать его слова. Так по всей империи людей убеждают в одном и том же, навязывают им определённые мысли, причём власти делают это преднамеренно, с целью прославления своей собственной страны. В марте 1932 г. некий г. Явая написал статью в журнале “Фуджин Клуб”, пользующемся значительным распространением в Японии. В этой статье он писал: “Женщины на Западе носят меха потому, что они сами так близки к животным, что носят шкуры своих близких на себе; животные – братья этих глупых иностранок”...

Я указал выше, что японцы не умеют логически мыслить, но я не хочу создать впечатление, что они вовсе глупы. Они способны думать и составлять планы, но, придя к решению, скорее ограничатся началом дела, чем продумают его окончательные результаты»¹⁰⁵.

Вместе с тем, О’Конрой признаёт, что «Япония не лишена мыслящих людей». К их числу он отнёс и доктора Нитобе, занимавшего пост заместителя генерального секретаря Лиги Наций в течение семи лет и хорошо знавшего Запад и Восток. Последний следующим образом охарактеризовал японскую психологию: «Наш народ лишён чувства юмора, японцы отличаются чрезмерной обидчивостью; они чрезмерно злоупотребляют личным моментом в споре и исключительно легко обижаются на других в общественной жизни. Не будет удивительным, если в один прекрасный день социологи найдут, что между быстрой готовностью японцев к тому, чтобы окончить жизнь самоубийством, и их недостатком чувства юмора существует тесная связь»¹⁰⁶. «Этот недостаток чувства юмора, – пишет профессор О’Конрой, – истолковывается лояльным

¹⁰⁵ Там же. С. 15–18.

¹⁰⁶ Там же. С. 21.

японцем как доказательство чувствительности. Нитобе утверждает: «Немногие народы мира более чувствительны к мнениям других, чем мы. Насмешливая улыбка, которой англичанин и не заметит, является для нас ножом в сердце. ... Должно быть, есть много японцев, даже среди простого народа, которые видят всю опасность политики самообмана, которую проводит страна, но эти люди не решаются высказать свое мнение. В 1930 г. императорское правительство обратилось к населению с предложением сообщать в полицию всё, что дошло до их сведения. «Осака Майнити» пишет: “Недавно полицейские объявили, что отныне они будут охотно получать тайные сообщения от граждан, что означает создание общенациональной системы шпионажа, доноса и полицейского наблюдения. Эта система даст возможность злым людям наносит ущерб другим ради мести”. Они боятся, что на них донесут соседи... Западный наблюдатель будет удивлён, почему народ не борется за свои права... Психология японских масс находится всецело под влиянием правительства. Полиция в глазах японцев является представителем правительства, а правительство является олицетворением непогрешимого божественного императора. Мнения народа, как мы его понимаем, в Японии не существует: народ находится всецело под влиянием чиновников и тайных обществ, действующих в согласии с полицией»¹⁰⁷.

Разделяя точку зрения Монтеня, который писал в XVI столетии, что «японцы находят удовольствие в жестокости, кровопролитии и т. п.», О’Конрой замечает: «Это верно и теперь. Их жажда крови не ограничивается восхищением перед убийством, внушенным политическими или патриотическими целями. Я никогда не смогу забыть массовых убийств незащитных корейцев после землетрясения 1923 г. Мы с женой находились на Корейском полуострове (?) во время землетрясения и резни. Не было оставлено ни одного здания; огонь пожрал все дома; люди лишились одежды и крова. Неизвестно, как возник слух в Японии, что корейцы намеревались совершить немедленное нападение на острова. Как могли корейцы осуществить это нападение, когда у них не было судов, не было пищи, – оставалось тайной. Но слухи распространялись, и японцы вооружились мечами. Они отправились убивать каждого: мужчин, женщин и детей, кто не мог бы доказать своего японского происхождения. Они убивали даже собственных соотечественников, если те не могли представить удостоверение личности. К счастью, хотя я потерял все мои бумаги, я нашёл в своем кимоно старую визитную карточку. Мы с женой нашли два травяных матраца, которые связали в форме арки, и укрылись под ними. Когда явились погромщики, я показал им мою карточку, и мы оба получили по голубой повязке в доказательство того, что мы не корейцы. Через час погромщики явились вновь, и нам дали повязки другого цвета в качестве предосторожности против того, что корейцы узнают цвет и избегнут смерти. Каждый час они меняли цвет повязок, и каждый раз погромщики появлялись, держа обнажённые мечи, на которых была кровь; их одежды были в крови, остатки человеческого мяса покрывали их. Они были пьяны жаждой крови. Их волосы, руки и лица потемнели от крови. Не смея выражать сомнение в необходимости погрома, я спросил о его причинах. Мне сказали, что “корейцы уже совершили нападение на Японию, что корейцы виноваты в землетрясении”. Не менее 8 тыс. корейцев было убито. Ни один из них не был вооружён. Не стоит добавлять, что через японских послов были посланы настойчивые опровержения во все другие страны. Эти убийства якобы были результатом “обычных беспорядков, неизбежных при такой катастрофе”, и число убитых было преуменьшено почти на 90 %» (Речь идёт о резне корейцев во время землетрясения в провинции Канто в Японии. – М.А.)¹⁰⁸.

«Такова психология современной Японии, – утверждает О’Конрой. – Это – психология народа-дикаря, воспитанного в современной военной обстановке, внезапно воспринявшего результаты западной машинной цивилизации. Но угроза заключается не только в этом. За

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. С. 22–23.

внешним лоском скрывается убеждение в том, что японцам принадлежит божественное право управлять миром, убеждение в превосходстве над другими народами мира; это сделало их религиозными фанатиками, божеством которых является Япония»¹⁰⁹.

Свою книгу английский разведчик Тэйд О'Конрой завершает главой «Я обвиняю». «Впечатления, полученные мною от Японии, – пишет О'Конрой, – были сначала смутны: цветы лотоса и вишни; приятный, энергичный народ, простой, трудолюбивый и невероятно деятельный; восхитительные женщины; жизнь, напоминающая арабскую сказку; карликовые деревья; изысканная живопись цветов и насекомых; волшебное царство наяву. Этого я ждал. Я уже раньше встречался на Западе с японцами и видел, что мужчины обращаются у них с женщинами, как с королевами. Я наблюдал их изысканные манеры. Я отправился в Японию, намереваясь пробыть там год, самое большее два... и оставался там 15 лет... Я обнаружил, что все или почти все мои представления неправильны. Я нашел, что женщины действительно восхитительны и что впечатления европейцев о Японии основываются на образе этих женщин. Однако постепенно я обнаружил, что это впечатление старались создать как часть обдуманного плана... Я обнаружил, что мужчины в Японии безжалостны, жестоки, чувственны и вероломны. Они развращены и звероподобны. Я получил представление о шинто (синто. – М.А.), неошинто и, наконец, о кодо. Постепенно я понял, что в стране есть силы, исходящие не от парламента или императора. Моя деятельность в университете в Киото (Кэйо. – М.А.) позволяла мне встречаться с людьми, занимающими высокое общественное положение. Отчасти этому способствовал мой брак с представительницей аристократической японской семьи. В течение 14 лет я собирал материал для этой книги. Нет ни одного сколько-нибудь существенного вопроса, затронутого в этой книге, по которому я не имел бы исчерпывающих данных... Япония будет постепенно осуществлять свои планы, как я это изложил. Сначала она покорит Восток, пока не вмешаются державы.

Открытая война не начнётся сразу. Повторится маньчжурская история. Япония уже подписала с Китаем договор о номинальном мире. Я обвиняю её в том, что она подписала этот мир, этот договор о прекращении борьбы, о перемирии с единственной целью содействовать своим планам... Я обвиняю Японию в том, что она подписала эти соглашения с единственной целью создать предлог для возобновления военных действий, когда к тому наступит подходящий момент... Тогда она снова двинет свои войска в соответствующие районы Китая. Я обвиняю Японию в намеренном создании в Китае беспорядков для покорения страны... Я обвиняю её в том, что в настоящее время она имеет больше вооружения, чем ей разрешено договорами...

Я утверждаю, что Япония не держит своего слова, что она соблюдает договоры или соглашения, только пока и поскольку ей это удобно... Я обвиняю штабы в сознательном обмане масс, в создании патриотической лихорадки и в возбуждении ненависти к белым в своих собственных целях.

Я обвиняю, наконец, державы в нарушении данного Китаю слова, в несоблюдении обещаний, данных ими Китаю в качестве членов Лиги Наций. Я обвиняю западных государственных деятелей в том, что они сознательно закрывают глаза на японскую угрозу. Я утверждаю, что они вполне понимают вытекающую из японской угрозы военную опасность. Эта возможность должна быть вполне учтена. Я обращаюсь к державам, чтобы они отдали себе отчет в создавшемся положении и приняли меры для обеспечения мира путём соответствующих угроз по адресу Японии, а если потребуется, то и демонстрации силы. Если это не произойдет в ближайшем будущем, не далее как в текущем году, вспыхнет война, более разрушительная, чем война 1914–1918 гг. Она будет происходить из Азии, куда придётся везти армию и снабжать её за тысячи миль.

¹⁰⁹ Там же. С. 23.

Я обвиняю Японию в том, что она стремится к войне. Я утверждаю, что её штабы готовы принести на заклание весь народ. Генерал Араки призывает к войне. В мае он заявлял в парламенте: “Горе тем, кто выступит против нашего оружия”. “Мы заявляем всему миру, что мы – нация милитаристов”. “Пропитайте каждый выстрел духом кодо”. “Убивайте безжалостно”. “Боритесь с державами, отрицающими кодо”. “Продемонстрируйте дух Японии, Азии, враждебный Европе и Америке”...

Все эти цитаты заимствованы из его книги о кодо, изданной в этом году (статья «Задачи Японии в эру Сёва», 1932 г. – М.А.), и из его последних речей. В настоящее время Араки держит в своих руках власть в Японии. Я утверждаю, что Япония хочет войны»¹¹⁰.

«Особые эмоции вызвал у Сталина следующий отрывок: “Во время налета полиции на этот храм (речь шла о храме «буддийской секты ничирен». – М.А.) в тёмных углах были найдены искалеченные помешанные женщины, в то время как их “охранители” были застигнуты за азартной игрой на бумажные деньги, обогранные кровью. Монахи испражнялись на группы беспомощных женщин, из которых многие были мертвы, некоторые уже долгое время, и тела их разлагались”¹¹¹.

«Согласно пометкам Сталина, в представлении “отца народов” японцы – это сволочи, мерзавцы»¹¹². Вполне объяснимая и понятная реакция человека, прочитавшего о чудовищных преступлениях монахов буддийской секты.

Итак, Япония предстала перед советским руководством как общество с дикими, патриархальными традициями».

Книга О’Конроя аргументированно подтверждала уже имевшуюся у Сталина информацию о Японии как стране-агрессоре и о её подготовке к грядущим войнам.

13 декабря 1937 г. японцы ворвались в Нанкин. Около 50 тысяч японских солдат в течение месяца с лишним творили в Нанкине неслыханный произвол, насиловали, убивали, грабили. Число пострадавших мирных жителей оценивается китайской стороной в 300 000 погибших и более 20 000 изнасилованных женщин (от семилетних девочек до старух). По данным послевоенных трибуналов число убитых составило более чем двести тысяч. Одной из причин разницы в цифрах является то, что одни исследователи включают в число жертв нанкинской резни только убитых в пределах города, а другие учитывают также погибших в окрестностях Нанкина. Как не вспомнить профессора Тэйда О’Конроя, писавшего о прирожденной жестокости японцев.

Был ли Зорге знаком с книгой, вышедшей в 1933 г. на английском языке? Эта книга должна была быть в библиотеке германского посольства, о выходе её в свет ему должны были сообщить во время его кратковременной командировки в Москву летом 1935 г. Характеристика, данная в ней японцам, по-видимому, отличалась от его впечатлений от общения с японцами. Однако следует оговориться, что это были «европеизированные» и «американизированные» японцы, такие, как Одзаки и Мияги. И это были друзья и соратники, которым Зорге безоговорочно доверял.

Книга «Военно-фашистское движение в Японии» О. Танина и Е. Иоган, изданная в 1933 году тиражом 25 тысяч экземпляров, была написана для командно-политического состава ОКДВА, партактива Дальневосточного края, а также для научных работников. О. Танин и Е. Иоган – псевдонимы О.С. Тарханова¹¹³ и Е.С. Иолка¹¹⁴, которые во время работы над моно-

¹¹⁰ Там же. С. 157–160.

¹¹¹ О’Конрой Т. Указ. соч. С. 53.

¹¹² Ложкина А.С. Указ. соч. С.267.

¹¹³ Тарханов Оскар Сергеевич (настоящее имя: Сергей Петрович Разумов; пс. Таубе, Танин, Эрберг, Каррио; 1901–1938). Родился в семье еврейского купца-фабриканта; учился в гимназии, скаутмастер; один из организаторов одесского комсомола и молодежного подполья; входил в руководство подпольной организации Одессы, был комиссаром боевой дружины Одесского губернского комитета комсомола (1917–1919), член РСДРП с 1917 года; секретарь Крымского подпольного обкома комсо-

графией являлись сотрудниками разведывательного отдела штаба ОКДВА. Пометки, сделанные Сталиным, свидетельствуют о его интересе к проблемам экономики, положению рабочего класса, крестьян, роли армии в Японии. Вероятно, особое внимание к этим социальным группам было связано с прагматическими целями: узнать о возможности распространения социалистических идей среди японцев, существования оппозиции и борьбы против правящего режима.

В своем предисловии к книге Карл Радек отмечал: «Предлагаемая работа двух советских востоковедов представляет большую научную и политическую ценность. Военно-фашистское движение Японии является одним из тех механизмов, которые должны перевести Японию

мола и член обкома партии; начальник военного отдела обкома; секретарь уездного комитета партии в Феодосии (1919–1920); сотрудник агитационно-пропагандистского отдела Симферопольского уездного комитета компартии; секретарь этого отдела, член Крымского бюро ЦК РКП(б) (1920–1921); заведомо печати и секретарь ЦК РКСМ в Москве; один из учредителей издательства «Молодая гвардия» (1921–1922); председатель Центрального бюро детских групп при ЦК РКСМ (1922–1923), представитель ЦК РКСМ в Исполкоме КИМа; побывал в Германии и Чехословакии (1923–1924); член Исполкома КИМа и секретариата ЦК РЛКСМ (1924–1925); почетный комсомолец (1924); секретарь парткома завода «Красный путиловец» в Ленинграде (1925–1926). За участие в «троцкистской группировке» в январе 1926 ему был объявлен выговор с «запрещением в течение 1 года выполнять ответственную партработу». Работал в Китае (1926–1927); политический советник в аппарате М.М. Бородин; участвовал в подготовке командных кадров китайской армии, изучал рабочее и крестьянское движение в стране, социальные условия жизни. Научный сотрудник НИИ по Китаю (1927–1930). На XV съезде ВКП(б) исключен из партии (декабрь 1927) «за оппозиционную деятельность», но в ноябре 1928 ЦКК восстановил его в рядах партии. Учился в Институте красной профессуры (1930–1932). Помощник начальника РО штаба ОКДВА (1932–1935). В распоряжении РУ штаба РККА (1935–1936) – советник полпредства СССР в Монголии. 30.12.1936 «состоящий в распоряжении РУ РККА Тарханов Оскар Сергеевич» уволен в запас РККА «за невозможностью использования в связи с сокращением штатов или реорганизацией». В 1937 отозван из Монголии. Репрессирован 12.06.1937. Реабилитирован 04.08.1956. Сочинения: Очерки истории КИМ. Вып. 1. М.; Л., 1925; Очерк социально-экономической структуры провинции Гуанси // Кантон. 1927. № 10. С. 79–160; (Эрдберг О.) Китайские новеллы. М., 1929 (М.; Л., 1930; М., 1932; М., 1959); Советское движение в Китае // Проблемы Китая. 1931. № 6/7. С. 3–52 (совм. с Е.С. Иолком); Аграрный вопрос в колониальной революции. М., 1932; (Ян Чжу-лай). Японские империалисты в Шанхае. М., 1932; (Танин О.) Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933 (совм. с Е. С. Иолком [Е. Иоган]); (Танин О.) Когда Япония будет воевать / Пер. с англ. М., 1936 (совм. с Е. С. Иолком [Е. Иоган]); (Эрдберг О.) Секки. Хабаровск, 1934.

¹¹⁴ Иолк Евгений Сигизмундович (пс.: Е. Иоган, Е. Иогансон, Иота, Е. Барсуков, Яо Кай; 1900–1937). Еврей. Из служащих. Член компартии с 1919. Участник Гражданской войны. Служил в продотрядах, которые занимались заготовкой и охраной хлеба и другого продовольствия. Окончил Ленинградский институт живых восточных языков (1924–1925), восточное отделение Института красной профессуры (1929–1932). Владел китайским, японским языками. Полковой комиссар (1936). Доктор экономических наук (1935). В Китае – переводчик Южно-Китайской группы советских военных советников, сотрудник аппарата главного политического советника М.М. Бородин (апрель 1925 – ноябрь 1927). Вместе с М. Волиным, О. С. Тархановым и др. участвовал в работе китаеведческого кружка сов. специалистов и в издании рукописного журнала «Кантон». Преподавал в Коммунистическом университете трудящихся Востока, заместитель директора НИИ по Китаю, Международной Ленинской школы (1928–1931). В распоряжении РУ штаба РККА (1932–1937). Сотрудник РО штаба ОКДВА (1932–1935), центрального аппарата РУ (1935–1936), корреспондент ТАСС в Испании (1936–1937). Секретным постановлением ЦИК СССР от 17.07.1937 награжден орденом Красной Звезды. Репрессирован 05.09.1937. Реабилитирован 09.05.1957. Сочинения: Бойкот Гонконга: (Письмо из Кантона) // Новый Восток. 1926. № 15. С. 278–292; К вопросу об основах общественного строя в древнем Китае // Проблемы Китая. 1930. № 2. С. 87–135; (выступление в прениях, в кн.) Дискуссия об азиатском способе производства в Китае: По докладу М. Годеса. М.; Л., 1931. С. 59–73; К вопросу об «азиатском» способе производства // Под знаменем марксизма. 1931. № 3. С. 133–156; Советское движение в Китае // Проблемы Китая. 1931. № 6/7. С. 3–52 (совм. с О. Тархановым); События на Дальнем Востоке и опасность войны // Большевик. 1932. № 5/6. С. 42–55 (совм. с Г. Войтинским и Н. Насоновым); Китайская революция. М., 1932; Захват Маньчжурии и революционный подъем в Китае // Мировое хозяйство и мировая политика. 1932. № 3. С. 3–23; (Е. Иоган). Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933 (совм. с О. Таниным [О. С. Тархановым]); (Е. Барсуков). Как вооружается японский империализм. Хабаровск, 1933 (2-е изд.: 1934); (Иота). Некоторые хозяйственные итоги 1932 г. в Японии // Мировое хозяйство и мировая политика. 1933. № 4. С. 81–98; Японский империализм перед новыми авантюрами // Большевик. 1933. № 19. С. 38–55; (Е. Иоган). Под силу ли японским финансам «большая война» // Тихоокеанский коммунист. 1934. № 1. С. 9–21 (совм. с О. Таниным [О. С. Тархановым]); (Е. Иоган). Военная организация японского хозяйства // КИ. 1934. № 30. С. 20–26 (совм. с О. Таниным [О. С. Тархановым]); (Е. Иоган). Лицо господствующих классов Японии // На рубеже (М.; Хабаровск). 1934. № 1. С. 78–88 (совм. с О. Таниным [О. С. Тархановым]); (Е. Иоган). Почему СССР продал КВЖД // Большевик. 1935. № 6. С. 66–71; Военная организация японского народного хозяйства // ТО. 1935. № 4. С. 24–45; Пути экспансии японского империализма // Там же. № 2. С. 11–39; Японская агрессия в Китае // КИ. 1935. № 31/32. С. 24–31; Японский империализм и Монгольская Народная Республика // Большевик. 1936. № 7. С. 68–82; Новый этап японо-китайских отношений // Там же. № 9. С. 61–70; Японская военщина в борьбе за власть // ТО. 1936. № 2. С. 12–32; Японский империализм наступает // Большевик. 1936. № 1. С. 63–75; (Е. Иоган). Когда Япония будет воевать. М., 1936 (совм. с О. Таниным [О. С. Тархановым]); (М. Volin, E. Iolk). The Peasant Movement in Kwantung: (Materials on the Agrarian Problem in China). Canton, 1927.

из состояния скрытой в состояние открытой мировой империалистической войны. **Знание этого фугаса, заложенного на Дальнем Востоке под дело мира, является необходимым** (выделено мной. – М.А.). Но во всей мировой литературе нет работы, которая бы выяснила конкретно корни военно-фашистского движения в Японии, фазы его развития, которая бы познакомила читателя с его идеологией, организацией и с его местом в общей системе сил, решающих основные проблемы политики японского империализма. До этого времени существовали только журнальные статьи, посвящённые этому вопросу. Наши авторы дают нам довольно подробную картину явления, опираясь на японскую литературу. При этом они не изолируют военно-фашистского движения в Японии, а показывают его развитие на фоне современной истории Тихоокеанской империалистической державы, на фоне социального кризиса, ею переживаемого. Они показывают на конкретном материале отношение разных прослоек японского общества к военно-фашистским идеям и организациям, уделяя особенное внимание вопросу о соотношении между этим движением и военщиной»¹¹⁵.

Во второй главе «Армия как центр реакционно-шовинистического и фашистского движения в Японии. Эволюция политической роли армии» О. Танин и Е. Иоган пишут: «Тот факт, что Япония никогда не проходила через эпоху парламентаризма, а вся полнота власти сохранялась в руках военно-полицейской монархии, – всё это определило особо значительную роль военщины в руководстве политикой господствующих классов Японии. Здесь уже – не только количественное, но и качественное отличие от того, что мы наблюдаем в “передовых” капиталистических странах, где армия обычно играет только служебную роль в качестве орудия политики господствующих классов, но где армия не определяет эту политику.

Как известно, японское законодательство совершенно освобождает армию и флот из-под контроля и подчинения правительству и парламенту. Военный и морской министры, начальники генеральных штабов армии и флота имеют право непосредственного доклада императору, минуя премьер-министра. Все назначения и перемещения по армии и флоту производятся с санкции императора без участия правительства. Так как вопросы войны и мира по японской конституции также самостоятельно решаются императором без участия парламента, это значит, что армия ведёт войну, также не нуждаясь в санкции правительства. Поскольку по конституции военным министром может быть только генерал, а морским министром только адмирал, то это означает, что верхушка армии и флота, отказываясь выдвинуть своего кандидата в то или иное правительство, имеет возможность не только влиять на состав правительства в желательном для них направлении, но и вообще сорвать его организацию. Никакого вмешательства со стороны правительства в свою внутреннюю жизнь армия и флот не терпят. Они не считают даже обязательными для себя соглашения, которые подписывает правительство с другими странами по вопросам вооружений. Единственный пункт, когда парламент соприкасается с армией, – это обсуждение бюджета, однако предоставленное конституцией императору право не утверждать бюджет, принятый парламентом, делает и это “право” парламента иллюзорным... Факты показывают, что армия и флот не только широко используют свое независимое от правительства положение, не только предохраняют себя от вмешательства парламентских партий и политических деятелей во внутренние дела армии, но, опираясь на эти уже давно завоёванные позиции, идут и дальше, стремясь полностью подчинить себе правительство, парламент и политические партии»¹¹⁶.

Авторы отмечают, что «программа военщины в самой примитивной и упрощённой форме воспроизводит именно те специфические черты особой агрессивности и особой реакционности японского империализма, которые вытекают из его военно-феодалского характера.

¹¹⁵ Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933. С. III–XVI.

¹¹⁶ Там же. С. 135–137.

Программа эта, по высказываниям самих лидеров военщины, может быть сведена к трём основным положениям:

1. Армия является передовой частью нации. Поэтому ей, а не парламентским политическим партиям, должно принадлежать руководство политической жизнью страны. Только армия может сохранить династию, подчинить интересы отдельных групп господствующих классов интересам всего режима и обеспечить распространение «императорской идеи» (т. е. японской агрессии) на другие страны.

2. Основной целью государственной политики в настоящее время должно быть осуществление плана «Великой Японии», т. е. создания мощной колониальной азиатской империи, в первую очередь за счёт захвата областей Восточной Азии. Важнейшим противником, сопротивление которого должно быть для этого сломлено, является Советский Союз.

3. Задачам внешней агрессии должна быть подчинена и вся внутренняя политика, важнейшим содержанием которой поэтому должно быть: а) увеличение контролирующей роли государства по отношению к промышленности и финансам; б) разрядка острого сельскохозяйственного кризиса, грозящего, в противном случае, перерасти в аграрную революцию, которая сметёт один из важнейших устоев всего режима – помещичье землевладение, а вместе с ним и монархию; в) самая беспощадная и жестокая ликвидация «красной опасности», т. е. всех проявлений революционного движения в стране...

Руководящая роль армии в политике мотивируется усиленной апелляцией к традициям старины, к кодексу феодально-рыцарской морали («бусидо» – кодекс моральных правил японских самураев), носителем и хранителем которой является армия, к божественной императорской власти, которая не может быть подконтрольна политическим партиям, но может зиждиться на зависящей только от неё армии...

В Японии нет противопоставления граждан императору. Существование монархии в Японии – неограниченное и всеобъемлющее. Император – центр государства и его полная сущность. Монарх – верх добродетели, а добродетель является философией японца...

Окружая таким ореолом монархию, военщина стремится нарастающее среди мелкобуржуазной молодёжи и других слоёв недовольство политикой правительства и хищничеством финансовых баронов направить в русло защиты монархии, которая-де после “второй реставрации” сумеет осчастливить японскую нацию и очистить общественную жизнь Японии от продажных политиков и корыстных спекулянтов...

В качестве своего ближайшего противника влиятельные круги военщины рассматривают Советский Союз. Маньчжурия с их точки зрения должна быть прежде всего плацдармом для войны против СССР. Именно поэтому высшие армейские круги с неодобрением относились к шанхайской операции, в которую ввязался флот, и медлили с поддержкой моряков, ибо считали, что это автоматически вовлекает Японию в конфликт с САСШ и Англией, когда основное внимание должно быть сосредоточено на подготовке войны против СССР. Для них Маньчжурия – это первое звено в цепи, следующими звеньями которой должны быть Жэхэ и Чахар, затем Внешняя Монголия, наконец, Приморье, Амурская область и Забайкалье. Этапы конфликта рисуются им сначала как захват КВЖД, затем вопрос о Внешней Монголии и вслед за этим – “Сибирь”»¹¹⁷.

Авторы отмечали: «В Японии существует в настоящее время более 600 формально независимых друг от друга реакционно-шовинистических организаций. Германский гитлеровский агент в Японии, пишущий под псевдонимом проф. Дон Гато, говорит: “Фашизм в Японии пока ещё не развивается по единому фарватеру, а разбит на несколько пока ещё самостоятельных друг от друга течений, причём каждая из соответствующих партий и группировок преследует свои особенные цели. Отдельные из этих группировок полностью построены на базе капита-

¹¹⁷ Там же. С. 145–151.

лизма, тогда как другие имеют значительно более радикальные в социальном отношении подкладки.

Эти различные целеустремления отдельных группировок препятствовали до настоящего времени полному объединению всех фашистских партий Японии и облегчали противникам фашизма возможность вести с ними борьбу и даже игнорировать их удельный вес и значение. Но объединение всех фашистских течений Японии в одно русло должно неизбежно произойти, если только фашизм там – действительно претендует на руководящую государственную роль»¹¹⁸.

К числу «реакционно-шовинистических организаций» О. Танин и Е. Иоган относили и «организации реакционной мелкой буржуазии». Догматом веры этого крыла японского национализма стала книга «Законопроект переустройства Японии» («План реконструкции Японии». – М.А.) Киты Икки. Её содержание сводилось к плоской, невежественной, но ожесточённой критике социалистических и анархических идей, становившихся всё более популярными, и к противопоставлению им «японизма», на котором якобы держится самобытная «цивилизация расы Ямато».

В книге Киты Икки сформулирована необходимость укрепления базиса монархии для успеха внешней агрессии. Этим базисом провозглашалось единение императора с народом и объединение народа вокруг императора, для чего должны быть уничтожены несвойственные Японии, не вытекающие из её «самобытного исторического развития» учреждения и социальные порядки. В первую очередь – концерны и тресты финансовых магнатов, накопление огромных капиталов в руках немногих лиц, корыстно использующих свои богатства, ослабляя внешнюю мощь государства и снижая жизненный уровень основных масс населения. Кита Икки рисует картину реформ, которые должны быть проведены, чтобы уничтожить могущество финансовых концернов, и сделать могучей саму нацию. «...Предельная стоимость собственности для японских граждан, – пишет Кита Икки, – ограничивается суммой в 1 млн. иен на семью... Предел земельной собственности – 100 тыс. иен на семью. Частные предприятия разрешаются с капиталом до 10 млн. иен. Всё, что выходит за указанные пределы, переходит в собственность государства»¹¹⁹.

В 1924 г. Кита Икки создал боевую организацию «Общество белого волка» («Хакуро-кай»), цели которой определены в краткой формуле: «Перерешить социальные проблемы фактической силой на основе справедливости и рыцарского духа»¹²⁰. Вместе со своими единомышленниками в 1930–1931 гг. Кита Икки вёл массовую пропаганду своих идей, одновременно создавая замкнутые организации «прямого действия»¹²¹.

«Реакционно-шовинистические организации» проникли и в армию, переход власти к буржуазно-помещичьим политическим партиям ограничил роль военной бюрократии и неизбежно вызвал сопротивление со стороны генералитета. К тому же социальный состав кадров младшего и среднего офицерства изменился, отражая настроения тех социальных слоёв, из которых вербовались новые кадры: с одной стороны это был страх перед массовым революционным рабоче-крестьянским движением, а с другой – острое недовольство концернами, воротилами финансового капитала и буржуазно-помещичьими парламентскими партиями...

Ряд крупных деятелей армии (генерал Кикиути, генерал Сиотен, адмирал Огасавара, генерал-лейтенант Татэкава и др.) вступили в различные общества, в основном группировавшиеся вокруг «Общества государственных основ» – «Кокухонся», при этом в армии стали возникать различные тайные организации, объединявшие молодых офицеров.

¹¹⁸ Там же. С. 241.

¹¹⁹ Там же. С. 53–69.

¹²⁰ Там же. С. 110.

¹²¹ Там же. С. 182.

Одна из первых в 1928 г. была создана отставным лейтенантом Нисида, прежде возглавлявшим общество «Белого волка». Его собственная организация называлась «Сбор самураев» («Сиринся»).

Вскоре после этого генерал-лейтенант Татэкава объединяет офицеров запаса в «Общество вишни» («Сайкуракай»), а офицеров действительной службы – в «Общество малой вишни» («Кодзакуракай»), на основе которого появилась более широкая организация офицеров армии и флота «Сейекай». На её организационном собрании присутствовало 187 офицеров, а уже через два года она объединяла 3–4 тыс. членов, примерно шестую часть всех офицеров действительной службы.

Причиной быстрого роста офицерских организаций явились в том числе особые обстоятельства, связанные с международными и внутренними трудностями, перед которыми стояла Япония. В частности, подписание Японией в 1930 г. Лондонского соглашения о морских вооружениях. Установленное соотношение морских сил САСШ, Англии и Японии – 5:5:3 – рассматривалось значительной частью офицерства как ослабление морского могущества Японии, которое возлагало вину на правительство и парламентские партии. Выразителем этих настроений стали бывший морской министр адмирал Като и контр-адмирал Суэцугу.

К этому добавилось решение правительства понизить жалование и увеличить число ежегодно увольняемых в запас офицеров, что расценивалось как непатриотическое поведение политических партий, экономящих на армии и флоте, но прикрывающих скандальные прибыли спекулянтов и финансистов. Ряд крупнейших фигур в японской армии и во флоте открыто вступают в организованное бароном Хиранумой «Общество государственных основ». В него вошли генерал Араки, генерал Мадзаки (зам. нач. генштаба), генерал Койсо, генерал Хата и др., из крупных флотских командиров – адмиралы Като, Номура, Тоэда и др. «Общество государственных основ» становится политическим центром, выступающим под антипарламентскими лозунгами. В среде молодого офицерства эти события ведут к оформлению крайних террористических течений, одновременно это происходило и среди гражданских, что привело к покушению на премьера Химагути в октябре 1930 г. Вплоть до оккупации Маньчжурии движение развивалось в том же направлении. Две соревнующиеся, борющиеся за руководящую роль генеральские группы – близкая к генералу Угаки группа генералов Минами – Каная и группа Араки – устанавливают связи с тайными организациями молодого офицерства и террористическими организациями реакционно-шовинистического движения, которое возглавляли Кита Икки и Окава. И поначалу преуспевает в этом группа генерала Минами, который, будучи военным министром, располагает секретными денежными фондами военного министерства¹²².

Эта группа продвинулась преимущественно в годы интервенции против СССР и борьбы против китайской революции, а в военном совете заняла решающие позиции с 1930 г. При этом группа Араки, вопреки своим лозунгам, была связана с финансовой и придворной верхушкой, возглавляемой принцем Цицибу, а также с концерном Мицуи. Эти связи не были ещё разоблачены, и генерал Араки удачно использовал демагогические приёмы, утверждая, что только армия, свято хранящая моральные принципы самурайской добродетели, сменив разложившиеся и подкупленные капиталистами политические партии в руководстве государственной политикой, сумеет вывести страну из тех трудностей, в которых она очутилась. Расчёт его был правилен: выдвинуть из своей среды группу, которая, хотя бы и ценой антикапиталистической демагогии и связанных с этим накладных расходов, сумела бы выступить в качестве силы, объединяющей нацию, выступив в роли бескорыстных суровых солдат, не знающих других интересов, кроме интересов родины и империи¹²³.

¹²² Там же. С. 164–167.

¹²³ Там же. С. 144–145.

«О. Танин и Е. Иоган обращают внимание на то, что среди «офицерской молодёжи есть немало людей, которые искренне верят, что армия действительно может освободить страну от произвола и гнёта финансовых монополистов и спасти от разорения мелких хозяйчиков и крестьян. Надо иметь ввиду, что политическое развитие этой офицерской молодёжи большей частью ограничено той требухой о божественности государственной власти, об её единении с народом, о великой миссии Японии, которой с детства набиваются мозги японского школьника. Весьма возможно, что тот офицер, который, вернувшись летом 1932 г. с фронта в Токио, заявил по адресу “капиталистов”: “Господа, мы очистили Маньчжурию, а теперь мы готовы очистить столицу”, – искренне верил в то, что эта задача действительно по силам армии. Весьма возможно, что в реальность своих планов верили и те молодые офицеры, декларацию которых о конфискации части капиталов крупнейших финансовых концернов на покрытие маньчжурских военных расходов оглашал Араки на заседании Совета министров, конечно возмущившегося “большевистскими требованиями” молодых офицеров. Но если это действительно так, – если есть среди молодых офицеров люди, искренне верящие в надклассовую роль армии, – то тем более жестоким будет предстоящее им разочарование в их кумире – “железном человеке Садао Араки» и во всей его демагогии»»¹²⁴.

В демагогии Араки Садао пришлось убедиться 26 февраля 1936 г. молодым офицерам, которые вывели на улицы Токио своих солдат под лозунгами, провозглашаемыми генералом.

О.Танин и Е. Иоган приводят хронологию военных путчей с 1931 года: «В марте 1931 г. группа Минами, возглавив недовольство военных политикой Хамагуци (премьер-министр – июль 1929 – ноябрь 1930, март – апрель 1931. – Прим. авт.), требует ухода его с поста премьера и одновременно подготавливает антипарламентский военный переворот. Но полиции, не находившейся в руках этой группы, удалось вскрыть подготовку к перевороту, в котором, как показывает полицейский отчет о “мартовском заговоре”, в качестве руководителей участвовали сами Угаки и Минами, а исполнителями должны были явиться организации: С. Окава “Общество действия” (“Коцися”), боевая дружина этой организации – “Дайкокай” под руководством Симидзу, организация Нисида “Сбор самураев” (“Сирынся”) и группа молодых офицеров под руководством начальника русского отдела, генштаба подполковника Хасимото. Заговорщики ставили себе целью вооружённый захват здания парламента, органов связи и редакций либеральных газет. Хотя заговор этот не удался, Хамагуци под давлением военных принужден был всё же уйти, и к власти пришло правительство Вакацуки. Это не удовлетворило, однако, заговорщиков, и работа по сколачиванию кадров антипарламентского движения сторонников военной диктатуры продолжалась....

Когда министр императорского двора Икки по поручению императора объявляет начальнику генштаба генералу Каная выговор за самовольную отставку корейских войск в Маньчжурию, это приводит к демонстративному выходу в отставку ряда работников генштаба и к вступлению многих молодых офицеров в ячейки “Братства крови”.

Наконец, в октябре – ноябре 1931 г. почти одновременно происходят два новых военных заговора, ярко показывающих, как развязала маньчжурская авантюра нетерпеливую прыть военщины, её стремление убрать со своего пути всех, кто недостаточно быстро и решительно становится на путь военных авантюр, в которые оказалась втянутой Япония после 18 сентября. Первый из этих заговоров, известный под названием “Революции императорского флага”, был раскрыт полицией 17 октября 1931 г. и окончился неудачно. Подготавливался он той же группой, что и “мартовский заговор”, деятели которого остались тогда безнаказанными и сейчас не привлечены к ответственности. Удачней, однако, оказался заговор 3 ноября, в подготовке которого принимала непосредственное участие и группа генерала Араки. С помощью этой группы к поддержке заговора были привлечены различные реакционно-шовинистические организации,

¹²⁴ Там же. С. 247.

группирующиеся вокруг “Общества государственных основ”, связанные с военведом организации Уциды Рехей, “Национальная федерация молодых офицеров”, “Союз резервистов” и группа Акамацу из японской социал-демократической партии (“Сякай Минсюто”).

Корреспондент из Японии описывал в следующих словах программу переворота. “Согласно программе переворота, митинг резервистов в числе около 50 тыс. человек должен был иметь место 3 ноября (день рождения императора Мэйдзи) ... с целью молитвы за национальный мир. Резервисты должны говорить относительно опасного положения, в котором находится Японская империя. Они затем предполагали устроить шествие перед дворцом. В то же время в связи с секретной договорённостью, достигнутой между руководителями заговора и Акамацу (генеральный секретарь социал-демократической партии), социал-демократическая партия должна была мобилизовать рабочие массы и подстрекать их сделать нападение на газеты и в частности на “Токио Асахи”. Полк, расположенный в районе Адзабу (Токио), и три отряда императорской гвардии должны были формально принять меры к рассеиванию толпы и наведению порядка и подавить рабочий бунт, но фактически они должны были соединиться с ними и захватить газеты, после чего соединиться с силами резервистов, которые должны были собраться перед дворцом и, руководимые генералом Сиотен, получить затем императорскую санкцию относительно переворота и подать петицию микадо с просьбой объявить военное положение. В то же время они должны были занять министерства, главные конторы партий Минсейто и Сейюкай, Японский банк и все другие финансовые учреждения по всей стране и все государственные учреждения и конторы. Тогда должна была быть установлена диктатура микадо. Все известные революционеры должны были быть казнены и революционное движение запрещено. Должны были остаться только две газеты: газета “Ниппон” – орган монархистов и “Цувамоно” – орган военных.

Однако заговор развалился, прежде чем он успел осуществиться, в связи с внутренними трудностями. 23 октября в 2 часа 30 минут 300 жандармов было послано для охраны казённых резиденций премьера Вакацуки, Сидехара и Адаци, а также частной резиденции лорда – хранителя императорской печати Макино. Заговор потерпел поражение. Однако приход к власти кабинета Инукай наметил шаги к реализации планов заговорщиков. Мемото, один из заговорщиков, был послан на фронт в Маньчжурию, но все остальные были отпущены. Не было даже и речи об аресте кого бы то ни было из конспираторов, и многие из них были намечены на видные посты. Так, например, Араки назначен военным министром, принц Канин назначен начальником генштаба и известный Судзуки – министром юстиции”.

Следовательно, хотя формально заговор потерпел поражение, на деле он привёл к тому, что заговорщики получили, во-первых, в свои руки армию, во-вторых, свергли старое правительство и добились прихода к власти более агрессивного в вопросах внешней политики кабинета и сами заняли видное место внутри этого кабинета, и, в-третьих, группа Араки на этом заговоре получила возможность сплотить вокруг себя крупнейшие реакционно-шовинистические организации. ...

Результаты переворота стимулируют дальнейшее развитие экстремистских течений в армии и в гражданских реакционно-шовинистических организациях и их дальнейшее сближение между собой.

К активизации этих течений ведёт также и вся внешнеполитическая и внутренняя обстановка в стране: неудача японского оружия в Шанхае и начавшийся после этого подъём анти-японского движения в Маньчжурии, так же как и усилившееся противодействие со стороны САСШ против японской агрессии в Китае и неблагоприятная позиция, которую под давлением САСШ заняла с марта 1932 г. по отношению к Японии Лига наций, – все это рассматривается крайними реакционно-шовинистическими кругами как результат слабости и нерешительности внешнеполитической линии правительства и стимулирует поэтому продолжение борьбы против политических партий и за сосредоточение власти в руках военщины. Экономический

кризис, углубившийся в 1932 г. больше, чем когда бы то ни было раньше, с новой силой обрушивается на промежуточные социальные слои и побуждает связанную с этими слоями офицерскую молодёжь к продолжению борьбы против финансовых концернов и зависящих от них политических партий.

В течение последних месяцев 1931 и начала 1932 г. ряд офицерских групп примыкает к обществу “Дзиммукай” С. Окавы и к “Лиге крови” Ивоуэ. Происходят убийства бывшего министра финансов Иноуэ и директора концерна Мицуи барона Дана, покушение на Вакацуки в Осака. ... Когда в начале мая 1932 г. полиция под давлением министерства двора решает дать острастку зарывающейся офицерской молодёжи и арестовывает одного из руководителей всех офицерских террористических групп – подполковника Хасимото, офицеры заявляют, что освободят его силой.

Наконец, 15 мая 1932 г. происходят общеизвестные события: группы террористов из молодых офицеров армии и флота из общества “Дзиммукай” и “Лиги крови” убивают премьер-министра Инукаи, бросают бомбу в хранителя императорской печати Макино, в здания банков Мицубиси и Нихонгинко и в Главное полицейское управление, делают попытку взорвать Токийскую трансформаторную станцию. События эти являются, однако только частью неудавшегося более широкого плана: известно, что одновременно с этими террористическими актами была произведена вооружённая войсковая демонстрация против дома Генро Сойидзи и полк под командой полковника Кофу должен был двинуться на Токио. Военщина, несомненно, замышляла взять столицу в свои руки. Положение было спасено только тем, что правительство, предварительно узнавшее о заговоре, мобилизовало жандармерию и поручило охрану столицы и резиденции императора вместо начальника гарнизона – шефу жандармского корпуса.

Переворот, который замышлялся военщиной, должен был быть совершён под лозунгами:

“Против политических партий, которые заботятся только о власти, о собственных интересах; против капиталистов, которые находятся в блоке с политическими партиями, для того чтобы угнетать своих соотечественников; против мягкотелой дипломатии; против опасных мыслей, за крестьян и рабочих, которые терпят крайнюю нужду”.

...

С. Окава, Тацибана, Иноуэ и ряд других были арестованы и до сих пор содержатся в тюрьме. Но лидеры военщины на заговоре только выиграли: генерал Араки фактически занял руководящее положение в новом правительстве адмирала Сайто, которое теперь отвечало уже основному требованию военщины о том, что правительство не должно зависеть от политических партий, а должно стоять над ними как национальное, надпартийное правительство. Конечно, правительство Сайто само является ещё коалиционным правительством обеих крупнейших военных группировок – клана Сацума и группы Араки с обеими парламентскими политическими партиями – Минсейто и Сейюкай, но оно уже обеспечивает военщине возможность проведения в жизнь её важнейших установок, хотя и не без внутренней борьбы.

Лидеры всех без исключения группировок в лагере реакционно-шовинистического течения открыто говорят о том, что политическая активизация военщины и вступление Японии в новую войну за овладение Маньчжурией явились теми толчками, которые активизировали и организации реакционно-шовинистического движения на современном его этапе. Они указывают и причины этого. Во-первых, армия оказалась самой организованной и решительной в борьбе за империалистический выход из кризиса частью «общества» (читай – господствующих классов); во-вторых, армия сумела выставить лозунги отрицания капитализма и партийно-парламентской системы, оппозиция против которых разжигается среди промежуточных социальных слоев опустошительным влиянием кризиса; в-третьих, армия при всём этом остаётся носителем принципа твёрдой власти, остаётся единственной силой, которая на деле способна спасти Японию от революции.

...

Что касается «антикапиталистической» стороны программы военщины, то сама по себе, как мы показали, она не содержит в себе никакой действительной угрозы существованию капитализма, хотя и согласуется со стремлением помещиков и монополизированных слоёв буржуазии обеспечить себе большую долю доходов в разделе прибыли с финансовым капиталом. Опасность этой «антикапиталистической» стороны программы военщины и многих реакционно-шовинистических организаций заключается однако в том, что игра «антикапиталистическими» лозунгами в условиях резкого обострения классовой борьбы в стране может повести к тому, что на определённом этапе движение выскользнет из рук своих вождей и массы, мобилизованные под лозунгом «свержения капитализма», попробуют начать реализацию этой программы.

Надо, однако, сказать, что до сих пор военщина и вожди реакционно-националистических организаций более или менее удачно справлялись с задачей удержания мобилизованных ими масс под своим руководством и были достаточно сильны, чтобы вовремя пресечь попытки дальнейшего углубления социальной демагогии, когда она начинала становиться опасной»¹²⁵.

Группа генерала Араки получила название «фракции императорского пути» («Кодоха»; помимо Араки, лидером фракции являлся Мадзаки Дзиндзабуро). После 1931 г. она боролась за руководящую роль в армии с другой генеральской группой – «фракцией контроля» («Тосэйха»). Эта генеральская группировка, возглавлявшаяся Тодзио Хидэки, Мута Акира и Нагата Тэцудзан, занимала более прагматические позиции и настаивала на сбалансированной внешней политике и модернизации армии. Её стратегией было постепенное установление контроля над существующими государственными институтами при сохранении строгой лояльности государству. Но обе фракции объединяли идеи тоталитаризма и экспансии.

Националистическое движение в Японии было неоднородно. Спустя много лет после описываемых событий японских националистов предложили разделить на националистов (в узком смысле слова) и «национальных социалистов»¹²⁶. К первой группе относились представители «Кодохи» и «Тосэйхи», причём последние являлись умеренными националистами.

Политическая программа «национальных социалистов» была той же, что и у просто националистов, однако их отличало стремление к радикальным экономическим и социальным реформам. Они требовали государственной монополии на внешнюю торговлю и распоряжение природными ресурсами, установления предельных размеров земельных, денежных и иных богатств, государственного протекционизма в сельском хозяйстве и обеспечения всему населению достойного уровня жизни и образования. Они выдвигали лозунги «государственного социализма» и «социалистической империи во главе с императором». Национальных социалистов возглавляли Окава Сюдэй, Кита Икки и др.

Экземпляр книги (возможно, не один) «Военно-фашистское движение в Японии» находился и в IV управлении Штаба РККА, куда он поступил из разведотдела штаба ОКДВА. Зорге не настолько хорошо знал русский язык, чтобы иметь возможность ознакомиться с текстом, изобиловавшим множеством новых для него терминов и понятий. Однако Карл Радек, написавший предисловие к книге, вполне мог и должен был ввести Зорге в курс дела перед предстоявшей командировкой.

¹²⁵ Там же. С. 167–175.

¹²⁶ Молодяков В.Э. Консервативная революция в Японии: политика и идеология. Автореферат диссертации на соискание уч. ст. доктора политических наук. М., 2004.

3. «Трудность обстановки здесь [в Японии] состоит в том, что вообще не существует безопасности...»

(«Рамзай» – Центру, 1 сентября 1936 г.)

Начиная с конца XIX века, военная и военно-морская разведка Японии велась с позиций военных и военно-морских агентов при посольстве России в Токио (дипломатические отношения Японии с Российской империей установлены 26 января 1855 г. Симодским трактатом). О трудностях, с которыми приходилось сталкиваться разведчикам в погонах при добывании разведывательной информации с официальных позиций сохранилось не одно свидетельство.

«Военному агенту приходится ограничиваться доставлением не тех сведений, какие нужны и желательны, а какие можно добывать, – писал в 1898 году военный агент в Японии Генерального штаба полковник Н.И.Янжул начальнику штаба Приамурского военного округа. – В Западной Европе военный агент имеет то важное преимущество, что в распоряжении его находится доступный ему обширный печатный материал по изучению быта и устройства иностранной армии, за исключением сравнительно немногих, не подлежащих гласности данных по мобилизации армии, по её стратегическому сосредоточению и по вооружению и обеспечению запасами крепостей. В Японии же военный агент находится в совершенно иных условиях»¹²⁷.

«Подозрительность и осторожность японских военных властей доходит до того, что они воздерживаются от публикаций даже таких невинных данных, как штаты и дислокация войск мирного времени, не говоря уже об организации частей по штатам военного времени, об устройстве обоза, снабжения и тыла армии. Поэтому из приказов и других гласных официальных распоряжений многого узнать нельзя, – отмечал Янжул. – Между тем в Японии нет того международного отброса, который в Западной Европе составляет главный источник для добывания секретных сведений по военному делу. Между японцами, к чести их, охотников заниматься этим искусством не находится, а для иностранцев непреодолимым препятствием служит незнание письменного японского языка и то обстоятельство, что каждый иностранец состоит под деятельным наблюдением полиции. Китайские иероглифы составляют самую серьёзную преграду для деятельности военного агента, направленной к изучению военного устройства этой страны. Не говоря уже о том, что эта тарабарская грамота исключает возможность пользоваться какими-либо случайно попавшимися в руки негласными источниками, она ставит военного агента в полную и грустную зависимость от добросовестности и от патриотической щепетильности японца-переводчика. Вообще даже в самых невинных вещах. Положение военного агента может быть поистине трагикомическим. Представьте себе, что вам предлагают приобрести весьма важные и ценные сведения, заключающиеся в японской рукописи, и что для вас нет другого средства узнать содержание этой рукописи, при условии сохранения необходимой тайны, как послать рукопись в Петербург, где проживает единственный наш соотечественник (бывший драгоман г. Буховецкий), знающий настолько письменный японский язык, чтобы быть в состоянии раскрыть загадочное содержание японского манускрипта. Поэтому для военного агента остаётся лишь один исход – совершенно и категорически отказаться от приобретения всяких quasi-секретных письменных данных, тем более, что в большинстве случаев предложение подобных сведений со стороны японцев будет лишь ловушкой. С другой

¹²⁷ Русско-японская война 1904–1905 г. Т. I. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие войне и подготовка к этой войне. Работа военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны. СПб. 1910. С. 156–158.

стороны, опыты обращения иностранных военных агентов за сведениями в соответствующие органы военного управления всегда оканчиваются полной неудачей»¹²⁸.

«На самые заурядные вопросы, – продолжал военный агент, повествуя о проблемах получения разведывательной информации гласными способами с официальных позиций, – в лучшем случае получается уклончивый ответ и чаще – категорический отказ со ссылкой на существующие будто бы правила, воспрещающие сообщение подобного рода сведений. В этом отношении, насколько мне известно, японские военные власти не делают различия между представителями всех вообще иностранных армий. Отсюда следует, что военному агенту в Японии, за весьма редкими исключениями, приходится довольствоваться теми недостаточными фактами и сведениями, которые публикуются официально или появляются в периодической печати, в виде отчётов, приказов, положений, сторонних сообщений и заметок. Всё, что можно потребовать от военного агента, это быть *au courant* всех сведений и источников, появляющихся гласно в печати. Всё прочее – желательно, но не обязательно»

Мнение Янжула подтвердил его преемник на посту военного агента в Японии Генерального штаба полковник Б.П. Ванновский. В одном из своих донесений последний привёл следующий случай. После года хлопот и настояний ему удалось, наконец, получить из японского военного министерства «Учебник по военной администрации». При ознакомлении с учебником оказалось, что его содержание представляет собой «краткий, несвязный, неточный, непоследовательный пересказ ряда военных постановлений, иногда, совершенно второстепенных, причём все точные данные, цифры и штаты были опущены, а о вопросах комплектования сказано, что они секретны и будут изложены ученикам военной школы устно»¹²⁹.

Те же жалобы поступали и от наших военно-морских агентов. «Условия, среди которых мне приходится действовать, – писал лейтенант А.Г. Чагин в Петербург 12 марта 1897 г. – продолжают быть неблагоприятными отчасти по политическим причинам, отчасти вследствие исключительной японской замкнутости, подозрительности и европейце-ненавистничества, а к нам, русским, в особенности. Раз вопрос касался чего-нибудь более серьезного, то мои просьбы либо обходились молчанием, либо удовлетворялись в такой ничтожной степени, что граничило с отказом»¹³⁰.

«Работа русских официальных агентов в Японии (особенно военных и морских), – утверждал чиновник российского Министерства финансов Л.В. фон Гойер, несколько лет работавший в Токио накануне Русско-японской войны, – крайне затруднена тем обстоятельством, что японцы слишком близко и тщательно за ними следят. Мне достоверно известно, что к каждому русскому агенту японское правительство приставляет пять или шесть агентов, которые днём и ночью за ними следят. Каждый шаг, каждое движение их было известно. За всеми лицами, с которыми они имели сношение, также бдительно наблюдали»¹³¹. «Никогда русскому агенту, – утверждал Гойер, – не удастся нанять в Токио, Иокогаме или где-нибудь в стране действительно порядочного шпиона, а если случайно удастся, то десятки японских сыщиков, окружающих его, быстро поймут это и теми или иными средствами удалят его. Были примеры, когда русские агенты получали интересные сведения, но, увы, в большинстве случаев они шли прямо из Генерального штаба». Опираясь на свои наблюдения, Л.В. Гойер приходил к пессимистическому выводу, что «русские, да и все иностранные, военные и морские агенты в Японии играют лишь роль представительскую, – серьёзных, секретных сведений они никогда не соберут».

С подобными, если не большими трудностями, пришлось встретиться советским военным разведчикам «под официальным прикрытием», не говоря уже о разведчиках-нелегалах.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Русско-японская война 1904–1905 г. Секретные операции на суше и на море. М., 2004. С. 13–14.

Оперативная обстановка в Японии 1930-х годов по-прежнему отличалась от стран Западной Европы, Америки и Китая и в целом являлась весьма неблагоприятной для нелегальной деятельности разведчика-европейца.

Розыском крамолы и борьбой со шпионажем занимались главным образом два органа – кэйсацу (полиция), которой ведало Министерство внутренних дел, и кэмпэтай (военная жандармерия в составе военного министерства), созданная в целях обеспечения «военной безопасности» в Японии.

В 1911 году при департаменте полиции МВД был создан специальный отдел – токубэцу кото кэйсацу – особая (специальная) высшая полиция, – сокращённо токко, секретная служба, состоявшая из многочисленных отделов: печати, цензуры и наблюдения за общественным порядком, отдела общественной безопасности. Отдел общественной безопасности состоял из секторов, в том числе по надзору за левым движением и корейцами, проживавшими в Японии; иностранного отделения, осуществлявшего надзор за иностранцами¹³². Токко пользовалась особыми правами, а её сотрудники – особыми привилегиями.

Особое и весьма привилегированное положение занимала и кэмпэтай – военная жандармерия. К 1930-м годам кэмпэтай значительно расширила сферу своей деятельности, охватив область политики и идеологии. Важнейшую роль в этом сыграл генерал Тодзио Хидэки – начальник штаба японской Квантунской армии (1937 – 38 гг.); заместитель военного министра (1938 – 39 гг.); военный министр (июль 1940 г. – октябрь 1941 г.). По словам одного из ближайших сподвижников Тодзио, к концу 30-х годов кэмпэтай «стала приобретать политическую силу, и, когда Тодзио стал военным министром, она приобрела чрезвычайное сходство с тайной полицией»¹³³.

Система тотальной слежки за населением с помощью так называемого института гонингуми (пятидворок), основанного на принципе круговой поруки, взаимного наблюдения и тайных доносов, введённая ещё в годы феодализма, почти в неизменном виде сохранилась в Японии и в первой половине XX века.

В 1930 г. императорское правительство обратилось к населению с предложением сообщать всё, что дошло до их сведения. Газета «Осака Майнити» писала в этой связи: «Недавно полицейские власти Токио объявили, что “отныне они охотно будут получать тайные сообщения от граждан”, что означает создание общенациональной системы шпионажа, доноса и полицейского наблюдения. Эта система даст возможность злым людям наносить ущерб другим ради мести»¹³⁴.

Основные трудности, с которыми сталкивался нелегал-европеец, определялись следующими особенностями условий жизни и деятельности в Японии:

- незначительное (по сравнению с другими странами) число иностранцев;
- ограниченное правовое положение иностранцев;
- резко выраженный национализм, широкая пропаганда недоверия и подозрительности по отношению к иностранцам как к возможным шпионам;
- расовые различия европейцев и японцев, резко выделявшие европейца из среды местного населения и делающие его легко доступным объектом наблюдения и слежки;
- широко развитая система слежки, наличие специальных органов наблюдения за иностранцами.

В своей книге «Японская угроза», изданной в 1933, О'Конрой отмечал, что согласно «последней переписи», в Японии «постоянно живёт около 6500 человек», представителей «белой и жёлтой рас», в том числе «американцев – 1870, англичан – 1610, немцев – 930, рус-

¹³² Будкевич С.Л. «Дело Зорге». Следствие и судебный процесс. Люди. События. Документы. Факты. М., 1969. С. 11–12.

¹³³ Там же. С. 12–13.

¹³⁴ О'Конрой Т. Японская угроза. М., 1942. С. 21.

ских – 850, уроженцев Британской Индии – 230, швейцарцев – 170, датчан – 90, итальянцев – 45 и норвежцев – 45»¹³⁵.

В 1938 году в Японии жили 67 млн. японцев и всего около 28 тыс. иностранцев, в том числе 19 тыс. китайцев и 9 тыс. представителей белой расы – европейцев и американцев.

Наиболее многочисленными (не считая китайцев) к тому времени были следующие иностранные колонии (цифры округлены)¹³⁶: США – 2 тыс.; Великобритания – 2 тыс.; русские белоэмигранты – 1200; Германия – 1 тыс.; Франция – 500; СССР – 350; Канада – 300; Швейцария – 200; Голландия – 100 человек. Все они жили в Токио, Иокогаме, Кобе и Осаке. По роду занятий иностранцы разделялись на три основные группы: дипломатические и консульские работники; коммерсанты; специалисты из различных областей деятельности и лица свободных профессий. В 1933 г. в качестве дипломатических и консульских работников: от США в Японии был 51 чел.; от Великобритании – 44; от Франции – 21; от СССР – 17; от Германии – 16; от Голландии – 15; от Швейцарии – 1. Вместе с семьями и обслуживающим составом общая численность этой категории иностранцев составляла 800–900 человек, то есть около 10 % иностранного населения.

Основным видом занятий иностранцев была коммерческо-предпринимательская деятельность, которая охватывала до 80 % всего состава иностранных колоний. Это представители и служащие экспортно-импортных фирм, страховых компаний (в Токио и Иокогаме в 1933 году насчитывалось 33 иностранных страховых компании), владельцы торговых и мелких торгово-производственных предприятий, ремонтных мастерских и т. п. Из иностранных торговых предприятий наиболее распространёнными были рестораны, пивные бары, кафе, кондитерские, магазины мелких металлоизделий и др.

К группе специалистов и лицам свободных профессий относилось остальное иностранное население, то есть те же 10 %. Эту группу составляли журналисты, инженеры, консультанты при промышленных предприятиях и новых производствах, научные работники, врачи (в Японии в 1933 г. было 12 частных иностранных больниц), миссионеры и т. п. Граждане государств, имевших наиболее развитые экономические и политические связи с Японией (в частности, американцы, китайцы, немцы, голландцы) имели право въезда в Японию без визы и свободного проживания в стране (при условии занятия официально обоснованной полезной деятельностью), но японские законы предусматривали для них некоторые правовые ограничения. Иностранцы могли вкладывать свои капиталы в японские предприятия, но им не разрешалось приобретать недвижимую собственность в виде земельных участков, производственных зданий и жилых домов. Правда, эти ограничения не создавали серьёзного препятствия для лиц, располагающих необходимыми денежными средствами: недвижимая собственность приобреталась на подставных лиц, а невмешательство чиновников соответствующих органов надзора без особого труда достигалось с помощью взяток.

«... система шпионажа в Японии доведена до совершенства. – Утверждал О'Конрой, опираясь на свой опыт сотрудничества с полицией. – Шпион А может быть назначен для наблюдения за посольством; в этом случае Б будет назначен наблюдать за А, третий шпион – В, получает приказ наблюдать за Б, а четвёртый – Г наблюдает за первыми тремя. В добавление к тому существуют ещё тайные общества, задачей которых является наблюдение за иностранцами. Кроме того, японец всегда рад донести полиции о чём-либо подозрительном в поведении варвара или японца, друга варвара. Что касается иностранных чиновников в Токио, то они вращаются только в официальных кругах и никогда не могут почувствовать истинного отношения к себе со стороны народа»¹³⁷.

¹³⁵ Там же. С. 23–24.

¹³⁶ Japan year book. 1935. P.74, 75, 879, 1054, 1067, 1071; Japan illustrated year book. 1934. P. 42.

¹³⁷ О'Конрой Т. Указ. соч. С.33.

Между полицейскими и жандармскими органами существовал постоянный и систематический обмен материалами по вопросам контрразведки и политического наблюдения.

Наблюдение за иностранцами в основном осуществлялось органами полиции, поскольку иностранцы относились к гражданскому населению, являвшемуся главным объектом её деятельности. Иностраный отдел имел многочисленный штат агентов, знавших тот или иной язык и специально подготовленных для наружного наблюдения. Система наблюдения за иностранцами включала в себя: а) предварительное изучение и оценку иностранца как объекта наблюдения; б) наружное наблюдение за иностранцем вне дома; в) внутреннее наблюдение и изучение иностранца в его личной жизни, его повседневного поведения в домашних условиях; г) в отдельных случаях – активное «прощупывание» с помощью провокаций.

Полиция подразделяла иностранцев на категории – исходя из национальности и степени её «опасности». В 1930-е годы наиболее опасными считались советские граждане, затем следовали китайцы, далее – англичане и американцы. Немцы – после прихода к власти Гитлера – стали рассматриваться как наименее «вредная» нация за исключением немцев-эмигрантов, хотя полностью наблюдение не снималось и с них. Меньше других следили за итальянцами, турками, поляками, норвежцами, шведами, австрийцами, балканскими народностями, представителями стран Южной и Центральной Америки.

Наблюдение за вновь прибывающими иностранцами начиналось на пароходе – если пароход японский или с момента высадки в порту – если пароход иностранный. До прихода парохода в порт администрация получала по радио и публиковала в газетах списки прибывающих пассажиров, которые тщательно изучала полиция. Уточнения в этот план вносились после прибытия парохода и получения от пароходной obsługi полных сведений о результатах наблюдения за пассажирами.

В первой половине 30-х годов прибывающие в Японию иностранцы подвергались в порту высадки незначительным полицейским формальностям: краткому опросу – откуда, с какой целью приехали, как долго намерены пробыть в Японии (с 1936 года для приезжающих и проживающих в Японии иностранцев была введена регистрация в полиции с заполнением подробной учетной карточки – анкеты и представлением фото).

Нередко вскоре после приезда, а иногда ранее, ещё на пароходе, иностранцу «случайно» встречался и завязывал с ним знакомство весьма приветливый японец, который предлагал свои услуги в качестве компаньона, оказывался коллегой по профессии или просто выражал готовность помочь в ознакомлении со страной. Этот новый «знакомый» бывал весьма настойчив, добиваясь сближения и укрепления дружеских отношений. Можно было не сомневаться в том, что этот «друг», сотрудник иностранного отдела полиции, выполнял задание по изучению объекта.

Для систематического наблюдения за иностранцами, изучения их образа жизни, поведения, привычек, знакомств и связей полиция и жандармерия широко использовали в качестве агентов домашнюю прислугу, боев-посыльных, поставлявших на дом продукты, обслуживающий персонал и японцев – сотрудников иностранных учреждений и предприятий.

Использование домашней прислуги в качестве полицейской агентуры открывало полиции доступ в дом в отсутствие хозяина. Если иностранец уезжал из дому хотя бы на 1–2 дня, он должен был ожидать, что в его отсутствие у него в квартире будет произведён тщательный обыск.

Малочисленность и резкие расовые отличия делали европейцев в Японии весьма удобными объектами для наружного наблюдения. Европейец уже через несколько дней становился хорошо известным не только ближайшим соседям, но и большинству жителей квартала. Наружное наблюдение осуществлялось специальными агентами и многочисленными полицейскими постами, обеспеченными телефонной связью. Полиция и жандармерия широко пользовались услугами нештатных наблюдателей: гейш, проституток в публичных домах, женской

обслуги в ресторанах, барах, гостиницах, дансингах и т. п. Сотрудничество с полицией было обязательным условием для поступления на работу в подобного рода заведения. В условиях массовой безработицы полиция получала возможность, не расходуя дополнительных средств, содержать широкую агентуру.

Иностранцы, подозреваемые в нелегальной разведывательной деятельности, нередко подвергались своего рода «активной» полицейской проверке – путем подсылки к ним агентов-провокаторов, предлагающих продать какие-либо «секретные» сведения или документы. Как правило, такие полицейские «операции» проводились в примитивной, грубой форме и могли ввести в заблуждение лишь неискушённого, малоопытного новичка.

Наблюдение велось и за посольством Германии. В отличие от наблюдения за советским посольством, оно велось не открыто, но тайно.

7 января 1934 года «Рамзай» несколько самоуверенно сообщал Центру: «Я особенно не боюсь больше постоянного и разнообразного наблюдения и надзора за мной. Полагаю, что знаю каждого в отдельности и применяющиеся каждым из них методы. Думаю, что я их всех уже окончательно стал водить за нос». Спустя два с половиной года тональность докладов Зорге изменилась. Показательно письмо Центру от 1 сентября 1936 года: «Трудность обстановки здесь состоит в том, что вообще не существует безопасности, что всегда могут произойти такие неожиданные вещи, которых в нормальных условиях совершенно не приходится опасаться. Вас могут, например, ни с того ни с сего задержать, когда вы после 12 часов ночи возвращаетесь из Йокогамы в Токио; ни в какое время дня и ночи вы не гарантированы от полицейского вмешательства... В этом чрезвычайная трудность работы в данной стране, в этом причина того, что эта работа так напрягает и изнуряет... В малейших частностях повседневной жизни вы здесь подвержены необыкновенному произволу».

В поездках по Японии Зорге несколько раз сопровождал его коллега – корреспондент газеты «Франкфуртер цайтунг» Фридрих Зибург, которому приписывалась работа на гестапо. О том, с чем приходилось сталкиваться двум немецким журналистам во время этих путешествий, Зибург оставил следующее воспоминание: «В двух или трёх поездках, предпринятых мною вместе с Зорге, нам пришлось иметь дело с прямо-таки несметным числом полицейских в форме и в штатском, ходивших за нами по пятам, проверявших наши документы и заводивших с нами разговоры. В этом не было ничего необычного, ибо боязнь шпионов в этой стране приобрела уже характер подлинной мании. Хотя я имел самые надёжные рекомендации японских властей и мог считаться личностью вне всяких подозрений, всё же японские полицейские беспрестанно досаждали мне своим интересом к моей персоне.

Нередко во время утреннего бритья в моём гостиничном номере появлялся довольно нечистоплотный молодой человек со множеством авторучек в нагрудном кармане; беспрерывно кланяясь и с почтительным шипением втягивая воздух он представлялся полицейским агентом и выражал надежду, что я чувствую себя в Японии в полной безопасности. То же самое происходило со мной и во время экскурсий, в общественных парках и даже в храмах.

Эти молодые люди, с их буквально кричащей «неприметностью», большей частью бывали совершенно удовлетворены, как только я вручал им свою визитную карточку с надписью на японском языке; их я заказал сразу по прибытии в Токио – кстати, по настоятельному совету Зорге. Агент кэмпэтай, как правило, долго изучал визитку, словно какой-то особо важный документ, отвешивал очередной поклон и просил разрешения оставить её у себя. Впоследствии я узнал, что собирание визитных карточек является излюбленным занятием японцев, многие из которых заполняют ими страницы объёмистых альбомов; при этом особое внимание уделяется, конечно же, визитным карточкам иностранцев.

Публике без конца читают наставления об опасности шпионажа. Постоянно проводятся специальные курсы обучения и публикуются соответствующие инструкции. Мне самому довелось как-то побывать на одной из лекций: японский полицейский офицер выступал перед гей-

шами, призывая их также включиться в борьбу со шпионами. К сожалению, я ни слова не понимал по-японски. Тем не менее зрелище было презабавное; японский полицейский офицер, щуплый человечек с серьёзным выражением лица, с ёжиком седых волос и в огромных очках, стоял перед залом, наполненным этими прекрасными, словно цветы, созданиями в пестрых кимоно и с напудренными до меловой белизны лицами.

Впоследствии мне разъяснили, к чему сводились эти инструкции. Ну, во-первых, шпиона – разумеется, являющегося представителем белой расы, – следовало сразу же распознавать по внешнему виду. Согласно представлениям японской контрразведки, этот внешний вид в точности соответствовал облику шпионов из старых приключенческих фильмов. Со всей серьёзностью этим девушкам втолковывают, что если в чайный домик заходит мужчина в пальто с поднятым воротником и в дорожной шляпе, с короткой трубкой в зубах, а то и с моноклем в глазу, значит, это непременно шпион. Я привожу всё это в качестве примера того наивного схематизма, который японские власти перенесли на комплекс шпиономании.

Вместе с Зорге я побывал также в городах Киото, Нара и Ямада, где мы осматривали священные храмы. В поездках к нам то и дело обращались какие-то люди, пользуясь несколькими фразами на ломаном английском или немецком языках, и просили у нас визитные карточки. На вокзале в Ямаде нас обступила целая группа полицейских в форме; беспрерывно кланяясь и с почтительным шипением втягивая воздух, они записали наши биографические данные. Даже когда мы задержались перед священным храмом, вдруг появился какой-то юноша, одетый в необыкновенно грязную короткую куртку европейского покроя, долго таращил на нас глаза из-за стекол огромных очков и в конце концов предложил обменяться визитными карточками.

Как-то раз один из полицейских даже попросил разрешения осмотреть наши авторучки. Позже я узнал, что японцы испытывают особый страх перед авторучками, ибо считают, что с их помощью шпионы производят фотосъемку или разного рода измерения. Постоянно велись также разговоры об инфракрасных лучах, с помощью которых, якобы, шпионы проделывали свои тёмные дела; я не знаю, какая навязчивая идея заставляла японских контрразведчиков думать, что белого шпиона всегда можно распознать по тому, что он постоянно “фотографирует сверху вниз”.

Как бы там ни было, назойливый интерес полицейских ко мне и Зорге во время наших поездок можно было считать нормой поведения по отношению к двум известным европейским журналистам. Не исключено, однако, что Зорге уже в то время в чём-то подозревали»¹³⁸.

В определённом смысле это описание является карикатурой на работу японских спецслужб, в профессиональности которых сомневаться не приходится. В данном случае речь шла о «демонстративной» слежке, проводимой с целью равно запугать объект наблюдения, так и успокоить его, выпячивая дилетантизм наблюдавших, тем самым отвлекая внимание от действительного скрытного наблюдения.

Существуют высказывания на эту тему известного американского журналиста Гарольда О. Томпсона, неоднократно наблюдавшего работу японских спецслужб.

«С 1936-го по лето 1941 года, – писал он, – я находился в Токио в качестве корреспондента Юнайтед Пресс. Мой корпункт находился на седьмом этаже здания агентства Дэнцу. В том же коридоре располагались рабочие помещения Немецкого телеграфного агентства (ДНБ), агентств Гавас и Ассошиэйтед Пресс. Зорге часто заходил к своим коллегам из ДНБ. Я встречал его и на японских пресс-конференциях... Несмотря на наше поверхностное знакомство, Зорге мне нравился. Он был дружелюбным, отзывчивым парнем... Мне особо запомнился один случай. Японская полиция приставила к Зорге агента для постоянной слежки, как это она проделывала со многими из нас. Однажды этот агент пришел в корпункт, чтобы поболтать с моим помощником-японцем. Последний сказал мне, что полицейский агент пребывает в радостном

¹³⁸ Мадер Юлиус. Репортаж о докторе Зорге. Берлин. 1988. С.С. 129–130.

настроении, так как Зорге попал в мотоциклетную катастрофу и в настоящее время находится в больнице Сен-Люк, отчего у полицейского высвободилось время для личных дел. Я отправился в больницу, где узнал, что Зорге получил лишь незначительные травмы и уже выписан. Когда я сказал об этом полицейскому, он пулей вылетел из комнаты, спеша вновь занять свой “наблюдательный пост”. Мне кажется, что за Зорге следили гораздо интенсивнее, чем за большинством из нас»¹³⁹.

Несмотря на то что генерал-майор Ойген Отт, военный атташе, а в последующем посол не подозревал, что имеет дело с советским разведчиком, профессия обязывала его проявлять минимум доверия. Как впоследствии признавал сам Отт, он даже приставил к Зорге, с которым поддерживал дружеские отношения, шпики. «Иногда на него что-то находило, – писал Отт о Зорге, – и он на время исчезал; по моему поручению за ним месяцами велась слежка»¹⁴⁰. Насколько это соответствовало действительности, судить трудно. Не исключено, что Отт пытался оправдаться задним числом.

Летом 1940 г. произошло событие, потрясшее весь корпус иностранных корреспондентов в Токио: внезапно исчез корреспондент агентства Рейтер Джемс Кокс. В иностранной колонии ходили самые противоречивые слухи. Наконец в японских газетах появилось краткое сообщение, что Кокс, арестованный по подозрению в шпионаже и переданный кэмпзэтай, во время одного из допросов «выбросился» из окна третьего этажа жандармского управления. Версия о «самоубийстве» была рассчитана на то, чтобы завуалировать жестокую расправу, учинённую японскими жандармами над иностранным корреспондентом¹⁴¹.

В 1900 г. был издан специальный закон «О поддержании общественного порядка полицией» («Дзиан кэйсацухо»), предоставивший полиции широкие возможности репрессий против японских трудящихся, поднимавшихся на борьбу за свои жизненные права¹⁴².

15 июня 1922 года в Токио состоялся учредительный съезд Коммунистической партии Японии. Съезд принял временный Устав партии и избрал Центральный Комитет. Съезд одобрил резолюцию о присоединении к Коминтерну. С первого дня своего существования КПЯ находилась на нелегальном положении. В ноябре 1922 г. ЦК КПЯ направил на открывшийся в ноябре 1922 г. IV Конгресс Коммунистического Интернационала своих представителей. КПЯ была принята в состав Коминтерна на правах секции.

Уже 5 июня 1923 г. на основании закона «О поддержании порядка полицией» начались массовые аресты коммунистов. Свыше 100 руководителей партии было арестовано¹⁴³.

15 июля 1927 г. были опубликованы «Тезисы Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала по Японии», которые известны в Японии как «Тезисы 1927 года», в выработке которых приняли участие деятели японского коммунистического движения¹⁴⁴. Эти Тезисы были единодушно одобрены расширенным пленумом ЦК КПЯ в декабре того же года. В Тезисах провидчески отмечалось: «Японский империализм войной против Китая стремиться использовать свою монополию военной силы, для того чтобы создать плацдарм для наступления на СССР, раздавить советское движение в Китае, превратить огромную территорию или возможно большую часть Китая в свою колонию, подвести под свою власть более прочную экономическую основу, захватить источники сырья, особенно для военной промышленности и военных нужд, утвердиться на Азиатском материке и подготовиться таким образом к новым войнам за господство на Тихом океане».

¹³⁹ Там же. С. 130.

¹⁴⁰ Там же. С. 137.

¹⁴¹ Будкевич С.Л. Указ. соч. С. 13.

¹⁴² Там же. С. 9.

¹⁴³ Коваленко И.И. Очерки истории коммунистического движения в Японии. М., 1979. С.69.

¹⁴⁴ Там же. С. 225–235.

В тезисах Коминтерна давался марксистский анализ расстановки классовых сил в стране, и определялись конкретные пути решения стоявших задач. В частности, указывалось, что в условиях полуфеодальной земельной собственности и господства абсолютистской монархии, Япония может прийти к социалистической революции только через этап буржуазно-демократической революции, проведение которой является самостоятельной задачей. При этом подчеркивалось, что в такой стране развитого капитализма, как Япония, борьба за отмену «императорской системы» («тэнносэй») и полуфеодальной земельной собственности неизбежно превратится из борьбы против феодальных пережитков в борьбу против капитализма. Отсюда делался вывод о возможности развития буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую ¹⁴⁵.

Термин «императорская система» наиболее адекватно передает специфику монархического строя в Японии, при котором в единую, органически целостную систему увязаны явления разного происхождения: и политического, и идеологического, и религиозного, и мировоззренческого ¹⁴⁶.

«Коммунистическая партия Японии, – отмечалось в «Тезисах 1927 года», – должна принять следующую программу действий:

1. Борьба против империалистической войны.
2. Руки прочь от китайской революции.
3. Защита СССР.
4. Полная независимость колоний.
5. Роспуск парламента.
6. Уничтожение монархии.

...

12. Конфискация земельных владений микадо, помещиков, государства и церкви».

В 1928 г. японское правительство выступило с протестом против вмешательства Коминтерна во внутренние дела Японии, обвинив Москву в нарушении положения ст. 5 «Конвенции об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией», согласно которой стороны брали на себя обязательство «воздерживаться и удерживать всех лиц на их правительственной службе и все организации, получающие от них какую-либо финансовую помощь, от всякого открытого или скрытого действия, могущего каким бы то ни было образом угрожать порядку или безопасности какой-либо части территории Союза Советских Социалистических Республик или Японии» ¹⁴⁷.

В феврале 1928 г. в Японии впервые были проведены выборы на основе всеобщего избирательного права. Эти выборы дали возможность компартии, которая находилась на нелегальном положении, опираясь на фабрично-заводские ячейки, заявить массам о своём существовании, открыто обнародовать свою политическую программу. Коммунистическая партия выдвинула из числа своих членов кандидатов в парламент по списку Рабоче-крестьянской партии и обратилась к массам с лозунгами: «Долой монархию!», «Создадим рабоче-крестьянское правительство!» В ответ на это министр внутренних дел в правительстве Танака Судзуки Кисабуро обрушил на Рабоче-крестьянскую и остальные пролетарские партии жестокие репрессии. Но это не дало никаких результатов. Рабоче-крестьянская партия получила на выборах 1930 28 голосов и провела в парламент двух своих кандидатов; за Социалистическую массовую партию было подано 128756 голосов, и она получила 4 мандата в парламенте; остальные пролетарские партии получили 2 места. Всего, таким образом, пролетарские партии получили в парламенте 8 мандатов.

¹⁴⁵ Там же. С.117.

¹⁴⁶ Сила-Новицкая Т.Г. Указ. соч. С.10.

¹⁴⁷ Черевко К.Е. Указ. соч. С. 18–19.

Правительство было напугано появлением на политической арене Коммунистической партии, силой и организованностью рабочего класса, продемонстрированными им во время выборов. Именно поэтому японское правительство на рассвете 15 марта 1928 года на основании принятого «Закона о поддержании общественного спокойствия» провело по всей стране массовые аресты, бросив в тюрьмы более 1600 коммунистов и сочувствующих им. Это были так называемые события 15 марта. 10 апреля правительство распустило три организации, находившиеся под влиянием компартии: Рабоче-крестьянскую партию, Японский совет профсоюзов и Всеяпонский союз пролетарской молодёжи. Число обвиняемых, представших перед судом после репрессий 15 марта, достигло 400 человек¹⁴⁸.

В мае 1932 года при участии представителей КПЯ в Коминтерне были приняты Тезисы Западноевропейского бюро Интернационала «О положении в Японии и задачах Коммунистической партии Японии», известные в Японии как «Тезисы 1932 года». Новые тезисы развивали основные положения «Тезисов 1927 года» применительно к новым условиям. Неизменным осталось одно: «Защита СССР». «Главными актуальными лозунгами действия в настоящее время, – отмечалось в «Тезисах 1932 года», – должны явиться следующие:

1) Против империалистической войны. За превращение войны империалистической в войну гражданскую.

2) Свержение буржуазно-помещичьей монархии. За рабоче-крестьянское советское правительство.

...

6. За защиту СССР и китайской революции...»¹⁴⁹.

Когда находившаяся на нелегальном положении КПЯ осудила захват Маньчжурии, это вызвало против неё очередные жестокие репрессии. Под предлогом «чрезвычайного времени» членов компартии, участников рабочего и крестьянского движения и тех, кто не соглашался с политикой правительства или не проявлял «патриотического духа», объявляли мятежниками, незаконно арестовывали и пытали. По признанию главного прокурора Хирата, сделанном в 1934 году, только с 1928 по 1933 год было арестовано 40 тыс. коммунистов и им сочувствующих. «Только за девять месяцев 1933 года было схвачено 7861 человек, среди которых находилось 688 членов КПЯ и сочувствующих, 616 членов комсомола и сочувствующих коммунистическим идеалам юношей и девушек, 2605 членов нелегальных революционных профсоюзов, 804 члена крестьянских союзов, 684 учащихся, 352 учителя и 25 солдат»¹⁵⁰.

Волна арестов парализовала деятельность центрального органа компартии; затем она обрушилась на организации МОПР, Союз коммунистической молодёжи, Конгресс японских профсоюзов, Национальный крестьянский конгресс, Лигу японской пролетарской культуры и другие культурные организации. Но самым серьёзным ударом по японской компартии была измена Сано Манабу и Набэяма Садатика, руководителей компартии. В июне 1933 года Сано и Набэяма, находившиеся в тюрьме во время разбора их дела апелляционным судом, выступили с заявлением, озаглавленным «Письмо к единомышленникам-обвиняемым». Текст их заявления гласил:

«Японская компартия выполняет указания Коминтерна, она только внешне выглядит революционной. Выдвижение фактически вредного лозунга об упразднении монархической системы является в корне ошибочным»¹⁵¹. Далее в своём заявлении Сано и Набэяма настаивали на необходимости разрыва с Коминтерном.

¹⁴⁸ История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том II. Японо-китайская война. М., 1957. / Под общей редакцией Усами Сэйдзиро, Эгути Бокуро, Тояма Сигэки, Нохара Сиро и Мацусима Эйити. // Под редакцией Б. В. Поспелова. Перевод с японского Б. В. Раскина. С.125.

¹⁴⁹ Коваленко И.И. Указ. соч. С. 155.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ История войны на Тихом океане (в пяти томах). Том II. Указ. соч. С.289.

Это письмо означало не что иное как отказ от принципов интернационализма в революционном движении, отказ от классовой борьбы, отказ от борьбы с императорской системой и являлось призывом к «единству нации». Как заявил Сано, «стимулом, побудившим меня стать сторонником новых взглядов, была военная обстановка, сложившаяся после маньчжурского инцидента».

Выступление Сано и Набэяма было воспринято как измена коммунистическому движению и нанесло серьезный удар прогрессивным силам общества. Другие руководители партии – Митамура Сиро, Такахаси Садаки, Накао, а затем и Кадзама Дзёкити – тоже объявили о своем «переходе». Началась так называемая «эпоха переходов». По данным расследования, проведенного уголовным департаментом министерства юстиции, через месяц после заявления Сано и Набэяма от прогрессивного движения отошли или изменили ему 415 человек из 1370 подсудимых и 133 человека из 393 осужденных на основании закона «О поддержании общественного спокойствия». «Многочисленные случаи отхода от движения объяснялись нестойкостью людей, которые не вынесли жестоких пыток и длительного тюремного заключения. У слабовольных людей имели успех такие доводы, как состояние здоровья, чувство долга перед семьей, тяжесть жизни и т. д. В этом же направлении действовала и “теория” о пробуждении самосознания японской нации в результате войны и об “историчности” императорского дома. К этому следует добавить, что **уголовный департамент определял меру наказания подсудимым в зависимости от того, отступали они от своих убеждений или оставались им верны.** Таким образом, слились воедино все виды и степени измены – от сознательного предательства до вынужденного отхода от практической деятельности. Таким образом, левое движение в целом и коммунистическое движение в частности в тот период потерпело поражение не только в результате ударов извне, но и благодаря разложению в рядах самих его участников»¹⁵².

Те, кто отказывался отступить от своих убеждений, стигнули в тюрьмах. Не имея руководящего центра, КПЯ фактически прекратила существование, в глубоком подполье действовали лишь отдельные группы ее членов.

Тем не менее, министр юстиции Охара, выступая в марте 1935 года в парламенте, констатировал, что «...несмотря на все меры, предпринимаемые правительством с 1928 г. по пресечению коммунистического движения, последнее пустило настолько глубокие корни, что даже после неоднократных арестов коммунистов и всей руководящей головки остающиеся на свободе продолжают свою деятельность, а правительство до сих пор не может добиться окончательного искоренения коммунизма».

В Японии в те годы существовала небольшая группа членов компартии и близких к ней людей, среди которых можно было найти тех, кто пошел бы на сотрудничество с советской военной разведкой на идейной основе. Привлечение к сотрудничеству таких людей было чревато провалами, так как члены КПЯ и близкие к ним лица были под контролем полиции, преследовались и бросались в тюрьмы. Некоторые из них были вынуждены покинуть страну и найти убежище в Северо-Американских Соединённых Штатах.

В обстановке массовых репрессий и неустанного полицейского надзора иностранцу было тем более трудно выстраивать нелегальную работу, находить людей, которые бы осмеливались действовать в пользу советской военной разведки или хотя бы содействовать работе корреспондента иностранной газеты или журнала.

Недоверие к иностранцам с 1938 года обрело характер мании. Власти устраивали специальные выставки борьбы со шпионажем, не уставая разоблачать преступные методы иностранных шпионов. В городах сотнями развешивались антишпионские плакаты; были введены «недели борьбы со шпионажем». Картинки и лозунги, призывающие к борьбе со шпионами,

¹⁵² Там же. С. 289–291.

помещались на спичечных коробках, выставлялись в окна магазинов. И всегда шпионом на них изображался белый человек. Через печать и радио власти призывали население быть настороже и доносить о подозрительных иностранцах, которые несут неисчислимые бедствия Японии. Так создавалась в стране атмосфера ненависти ко всякому иностранцу, в том числе, как это ни удивительно, и к гражданам Германии¹⁵³.

Вместе с тем при повальной слежке и доходящей до мании всеобщей подозрительности, в полицию поступал настолько мощный поток сведений, что отделить «крохи» действительной информации от дезинформации, которая составляла подавляющую часть всего потока, чаще всего не представлялось возможным. А если что-то удавалось осмыслить и проанализировать, то, как правило, с большим опозданием.

Пути и методы надежной легализации и закрепления в стране; организационные формы нелегальной резидентуры; вопросы вербовки агентов и поддержания с ними связи; организация и поддержание связи с Центром; учёт наличия постоянного полицейского наблюдения; приемы конспирации – всё это требовало особого внимания и напряжения всех сил.

Военная разведка выступала инициатором в организации военного сотрудничества с японской армией. В январе 1930 г. за подписью Ворошилова в Политбюро ЦК ВКП(б) была представлена справка Разведупра, в которой отмечалось: «Вопрос об обмене командирами-офицерами между Японской и Красной армиями имеет уже значительную давность. Еще в 1925/26 году бывший японский военный атташе в СССР полковник Мике неоднократно выдвигал его по поручению Генштаба перед тов. Пугачёвым (заместитель начальника Штаба РККА. – М.А.). При этом японцы основной упор делали на командирование офицеров-японцев в СССР для изучения языка и очевидно усматривали в этом с их стороны стремление обеспечить официальным путем более широкое развертывание агентурной сети. Мы возражали против этого, предлагая перенести центр тяжести вопроса на взаимное прикомандирование командиров-офицеров к воинским частям. В этом смысле и состоялось решение Политбюро от 23 июля 1927 г., считавшее возможным допустить в наши части до пяти японских офицеров на основах полной взаимности с японской стороны... Очевидно, это не удовлетворило японцев...»¹⁵⁴. Нарком предложил пойти навстречу японцам, «учитывая, что японская армия представляет для нас большой интерес и что специфические японские условия крайне затрудняют изучение этой армии обычными методами». Соглашение было достигнуто, срок стажировки для каждого командира-офицера был определен в полтора года, и уже весной 1930 года состоялся обмен первыми стажёрами: 21 марта Ворошилов уведомил замнаркоминдела Л. Карахана о том, что «назначенные для прикомандирования к японской армии командиры РККА Покладок и Козловский готовятся к отъезду в Японию 15 апреля». В. Козловский только что окончил Восточный факультет академии им. Фрунзе, а М. Покладок окончил тот же факультет годом раньше и занимал должность помощника начальника Разведотдела штаба ОКДВА (Особой Краснознамённой Дальневосточной армии). Через три года данное соглашение было продлено, а в 1935 году советское военное руководство согласилось ещё на одно предложение японцев. Теперь кроме двух командиров-офицеров, направлявшихся в воинские части, ещё по двое с каждой стороны приезжали специально изучать язык. Объяснение тому содержится в письме Ворошилова Сталину (декабрь 1935-го): «Пребывание наших командиров в Японии себя оправдывает: люди изучают страну, язык, получают правильное впечатление о методах боевой подготовки частей, их сильных и слабых сторонах, условиях быта и нравах»¹⁵⁵. Практика обмена военными стажёрами продолжалась до 1938 года.

¹⁵³ Рисс К. Тотальный шпионаж. М., 1945.

¹⁵⁴ Они руководили ГРУ. Сборник биографических очерков. М., 2005. С. 108–109.

¹⁵⁵ Там же

4. «... Вопрос об организации нелегальной сети в Японии нами поставлен со всей решительностью и так или иначе должен быть решён в новом отчётном году»

(Из Доклада о работе агентуры IV Управления Штаба Р.К.К.А. за 1927/28 г. и состоянии её к 1 января 1929 г.)

Обстановка в мире в начале 1920-х годов была благоприятной для ведения разведывательной работы. Во многих странах люди с большой симпатией относились к молодому Советскому государству, а зарубежные коммунистические и рабочие партии готовы были встать на его защиту.

Эти настроения, по свидетельству жившего во Франции русского философа Николая Бердяева, были точно выражены одним французским коммунистом: «Маркс сказал, что у рабочих нет отечества, это было верно, но сейчас уже неверно, они имеют отечество – это Россия, это Москва, и рабочие должны защищать своё отечество».

Понятно, что такие настроения облегчали задачу по подбору людей для агентурной работы. В резолюции совещания Разведывательного управления Штаба РККА от 7 апреля 1921 г. отмечался преимущественно классовый характер агентурной работы, хотя не исключалось «использование и чуждых нам элементов в зависимости от местной обстановки и времени». Но упор в подборе агентов делался на «партийности и классовом происхождении» и «самом широком содействии коммунистических организаций воюющих с нами государств»¹⁵⁶.

Вопрос о взаимодействии разведки с зарубежными компартиями был рассмотрен 6 августа 1921 г. на совещании представителей Коминтерна (Г. Зиновьев, О.Пятницкий), ВЧК (И. Уншлихт) и Разведуправления (А. Зейбот). В результате был подписан документ, согласно которому представители Разведупра и ВЧК не могли больше непосредственно обращаться к заграничным партиям и группам с предложением о сотрудничестве и могли делать это только через представителя Коминтерна, который, впрочем, был обязан «оказывать ВЧК и Разведупру и его представителям всяческое содействие»¹⁵⁷. Правда, на практике представители Разведупра и ИНО ВЧК (ОГПУ) не следовали букве принятого решения и в ряде случаев напрямую апеллировали к ЦК зарубежных компартий.

Вопрос о таком сотрудничестве вновь был поднят 27 ноября начальником IV управления Я.К. Берзиным, который докладывал Председателю РВС СССР т. Ворошилову: «30 октября, вечером, в Праге нарядом полиции на улице при встрече с агентом Шимуном, был задержан наш пражский резидент т. Русев (Христо Боев, Христо Боевич Петашев, в Чехословакии работал под фамилией Дымов. – М.А.) и один из работников агентуры, болгарский студент (Илья Кратунов. – М.А.), который в дальнейшем должен был с Шимуном иметь постоянные связи. Полиция, несмотря на протест т. Русева, как пользующегося правом экстерриториальности, объявила всех арестованными и отправила в полицейское управление, где продержала его несколько часов. Т. Русев себя обыскать не позволил, и поэтому в руки полиции не попал ни один документ, который мог бы изобличить его в разведывательной деятельности. Т. Русев был освобожден ночью. На другой день чешское министерство иностранных дел на основании имеющихся у него агентурных данных потребовало отъезда т. Русева. Весь провал по линии Разведупра ограничился арестом агента Шимуна и болгарского товарища, который служил для связи».

¹⁵⁶ Алексеев Михаил. Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты». 1922–1929. М., 2010. С. 229–257.

¹⁵⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 19. Д. 342. Л. 2.

Из объяснения Берзина следовало, что агент Шимунок был передан Русеву представителем Исполкома Коминтерна в Праге Гасперским, которому его рекомендовал член компартии Чехословакии Бартек. Последний же был рекомендован Гасперскому членом политбюро ЦК КПЧ Нейратом. Это запутанное объяснение показывает, что в агентурную сеть принимались непроверенные люди.

В процессе выяснения причин провала оказалось, что Бартек, который познакомил Гасперского с Шимуном и которого Нейрат рекомендовал как надежного человека, в компартии считался подозрительным, «был ранее снят с комсомольской, а затем военной работы». «Продолжающиеся аресты по партийной линии, а не по линии разведки, показывают, что в данном случае провокация началась по партийной линии, – докладывал Берзин. – Если учесть, что провал произошёл при второй встрече нашего резидента с Шимуном и что никто из многих агентов, с которыми встречался наш резидент, не арестован, надо полагать, что причиной провала была не наружная слежка, а провокация». Сопоставляя данные: арест резидента Русева при второй встрече с агентом, прошедшие аресты по партийной линии, а не по линии разведки, подозрения о Бартеке, имевшиеся у компартии Чехословакии, и то обстоятельство, что Шимунек «сам навязался разведке через свои партийные связи», Берзин пришёл к выводу, что чешская полиция использовала имевшегося у неё провокатора, чтобы нащупать связи с разведкой и использовать их как повод для репрессий против партии.

«Сам резидент, т. Русев – старый болгарский коммунист, рекомендованный нам Центральным комитетом болгарской коммунистической партии. В разведке он работает с 1921 года, многократно проверен на подпольной работе и никаких сомнений не вызывает», – писал о своём резиденте руководитель военной разведки. Следует добавить, Русев занимал в Праге должность вице-консула. Осведомлённость столь широкого круга людей о передаче члена партии военной разведке свидетельствует о грубом нарушении требований конспирации.

«До сих пор мне неизвестны постановления, воспреещающие использовать членов компартий других государств для разведки, – доносил Берзин Ворошилову. – Известное постановление директивной инстанции, принятое весной 1925 года (Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 25 (19?) февраля 1925 г. – М.А.), конкретно говорит лишь об активной разведке, причём и в этом постановлении нет пункта, конкретно возбраняющего пользоваться услугами членов компартий. На практике же, начиная с 1920 года, установился порядок, согласно которому, в случае надобности, разведка получает содействие и работников от ЦК соответствующей партии. В свою очередь, компартии на местах довольно часто пользуются результатами нашей разведки /предупреждение арестов и репрессий, выяснение провокаторов/. Не использовать имеющиеся у некоторых партий весьма ценные для разведки связи не только среди членов партии, но, главным образом, среди околопартийных кругов, было бы неправильно».

Причины пражского провала были рассмотрены специальной комиссией, на основании выводов которой 8 декабря 1926 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б), которое обязывало руководство Разведупра принять ряд мер, изолирующих работу военной разведки от партийных аппаратов и организаций. Разведка не должна была использовать членов коммунистических партий, однако допускалось «исключение с разрешения ЦК соответствующей партии, причем товарищ, передаваемый для работы, должен формально выйти из партии и порвать всякие партийные связи». При вербовке новых агентов требовалось «всестороннее обследование, которое должно, в первую очередь, выяснить отношение данного агента к партийным организациям и должно, таким образом, исключить всякую возможность провокации и неожиданного соприкосновения с партийным аппаратом». В случаях «пользования достижениями и материалами партийной разведки там, где таковая существует, связь и передача должна происходить через специальное лицо, уполномоченное на это соответствующим органом партии».

8 января 1927 г. всем резидентурам был разослан циркуляр, в котором сообщалось о принятом решении. В случае обнаружения сотрудничества агента с партией и военной развед-

кой предлагалось согласовать с партийными органами вопрос «об изоляции» такого агента от партии. «Новые связи», предлагаемые партийными органами, должны были «тщательно проверяться и лишь после этого использоваться для доставки материалов». Новых сотрудников, полученных по партийной линии, следовало инструктировать «в смысле недопущения личного общения с партийной средой, личных знакомств и связей с лицами партийного аппарата».

Изоляция зарубежных органов советской военной разведки от связей с компартиями не избавляла их от обвинений в шпионаже (когда это было выгодно правящим кругам). Кроме того, партии некоторых стран не были организационно оформлены, и порой трудно было определить партийность того или иного кандидата на вербовку, тем более что некоторые, подчеркивая идейную близость с представителями советской страны, выдавали себя за членов компартий, таковыми не являясь.

Эти факторы, а также сделанная в постановлении оговорка сохраняли за разведкой возможность привлечения зарубежных коммунистов к сотрудничеству, правда, не в прежних масштабах.

Ещё до прорыва дипломатической изоляции СССР военная разведка получила возможность направлять своих сотрудников за рубеж в учреждения «Красного креста», «Центросоюза», «Совфрахта», Российского телеграфного агентства (РОСТА) и других организаций. Однако использование подобных прикрытий носило эпизодический характер. В 1921 г. Центр направил первых резидентов в качестве сотрудников советских учреждений в Финляндию, Латвию, Литву и Эстонию, в 1924 г. Советский Союз был де-юре признан одной из ведущих европейских держав – Францией, в том же году были установлены дипломатические отношения с Китаем, начались переговоры о нормализации советско-японских отношений.

Разведка велась и с позиций аппаратов военных представителей (атташе). Первые военные атташе были назначены в 1920 г. в Литву, Латвию, Персию. В период 1921–1922 гг. аппараты военных атташе были образованы в Финляндии, Турции, Китае и Польше. Аппараты военного (военно-морского) атташе были учреждены к концу 1926 г. в 12 странах: Финляндии, Швеции, Прибалтике (один аппарат на Латвию, Литву и Эстонию), Польше, Германии, Италии, Англии, Турции, Иране, Афганистане, Китае и Японии (в 1925 г.).

Начальник Разведупра Я.К. Берзин докладывал Ворошилову: «До 1927 года наши заграничные резидентуры за небольшим исключением в качестве прикрытия использовали официальные представительства нашего Союза за границей; так, например, в полпредстве или торгпредстве под видом сотрудника находился руководитель нашей агентуры в данной стране, его помощники, фотолаборатория и т. д., в полпредстве часто принимались агенты, получались от них сообщения и документы, выплачивались деньги и т. п. В первые годы нашей работы, примерно до 1923 года, работа шла более или менее гладко, ибо тогда, во-первых, полиция западноевропейских стран не была объединена для борьбы с большевизмом и пропагандой, во-вторых, полиция ещё не изучила наших методов работы, и слежка за представительствами носила обычный характер.

Но начиная с 1923 года работа агентуры из полпредства (торгпредства) становится всё труднее. Эти обстоятельства побудили нас ещё в 1923 году искать пути к удалению резидентур из официальных представительств нашего Союза».

Число разведчиков в советских загранучреждениях быстро росло, а их стремление как можно быстрее решить стоявшие перед ними задачи приводило к включению в агентурную сеть непроверенных людей.

Срывы в агентурной работе, осуществляемой с позиций официальных прикрытий, компрометировали советские официальные представительства. В 1924/1925 г. было арестовано 33 агента, в 1925/1926 г. – 19, в 1926/1927 г. – 27 (в рассматриваемый период отчётный (операционный) год не совпадал с календарным: начинался он с 1 октября текущего года и заканчивался 30 сентября следующего года).

Советские диппредставительства обвинялись в диверсионно-разведывательной деятельности и подрывной пропаганде. В условиях напряжённой борьбы Советского Союза за ликвидацию экономической и политической блокады неудачи в разведдеятельности под официальным прикрытием были особенно опасны, так как подрывали престиж советского государства.

Руководство Разведупра понимало опасность усиливающегося «крена» в сторону ведения разведки с «легальных» позиций. Однако, учитывая огромные трудности в создании нелегальных резидентур и организации оперативной и бесперебойной связи с ними, отойти от этой практики не решалось.

6 апреля 1927 года китайские военнослужащие и полиция, в нарушение экстерриториальности, произвели обыск в западной части территории советского посольства в Пекине (так называемом «военном городке»), в том числе на квартире и в служебном помещении военного атташе; обнаруженные документы были изъяты. Обыску и ограблению подверглись торгпредство и большая часть квартир сотрудников посольства. Китайская полиция ссылалась на имевшуюся у неё информацию о том, что в советском посольстве скрываются китайские граждане, причастные к антиправительственной деятельности.

Во время налёта были захвачены ценные документы, в том числе шифры, списки агентуры, документы о поставках оружия КПК, инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи в разведработе. Полицейские арестовали одного из основателей КПК Ли Дачжао и 20 китайцев, проживавших на территории посольства, а также 15 советских граждан, в том числе сотрудников аппарата военного атташе – И.Д. Тонких и Лященко¹⁵⁸.

Широкое использование членов партии и связь агентуры с советскими представителями стали причиной провала во Франции. Полученная из Парижа телеграмма сообщала об аресте 9 апреля 1927 г. «нелегального сотрудника для связи тов. Узданского /по паспорту литовский студент Гротницкий/ [Grodnicki], связиста, русского эмигранта Абрама Бернштейна и двух французских источников, рабочих Прево и Менетрье». «Дени» (Узданский) и «Абрам» (Бернштейн) были арестованы при передаче материалов. Накануне Узданский получил «два документа о порохам» от агента Кошлена. Эти документы подлежали передаче через советское торгпредство.

Из Парижа сообщали, что литовского студента Гротницкого и художника Бернштейна полиция неоднократно наблюдала вблизи авиационных и артиллерийских парков. Сообщалось также об обыске на квартире члена ЦК компартии Креме в связи с арестом помощника секретаря парижской организации компартии Дадо. Причиной ареста указывалось соучастие в шпионаже на национальных оружейных заводах. Связь между двумя сериями арестов была установлена очень быстро.

«Причина провала пока ещё не совсем ясна, – докладывал в Центр парижский резидент Кирхенштейн, – но уже более или менее уверенно можно сказать, что разработка полиции велась по двум направлениям: с одной стороны – слежка велась еще с 1925 года за 26-м и 43-м товарищами, поддерживающими связь в провинции. С другой стороны – наблюдение было установлено за Абрамом. Из дела, представленного адвокатам, видно, что шпики следили за свиданиями Абрама и Дени. Отмечено точно несколько свиданий, на которых они присутствовали. Я полагаю, что слежка велась, главным образом, за Абрамом. Если так же тщательно следили бы и за Дени, арестов было бы ещё больше. Но пока основная сеть совершенно не задета и, несмотря на алармистские сообщения некоторых газет, нет основания полагать, что дело разрастётся».

«Из посылаемых вырезок газет вам станет ясно, – писал в оправдание своей неконспиративной работы Кирхенштейн, – что удар полиции, в первую очередь, направлен против партии. Из провала наших людей стараются организовать широкую кампанию против партии, а чтобы

¹⁵⁸ См. подробно: Алексеев М. Указ. соч. С. 235–240.

получилось более внушительное впечатление, к этому делу стараются пристегнуть побольше народа. Арестовывают партийцев и работников профдвижения, не имеющих никакого отношения к нам... С целью напугать обывателя был произведён обыск и в ЦК партии, с той же целью газеты пишут всякие небылицы про Креме. Из арестованных наших людей, как вам известно, более видную роль в партии играл только 37, 26-й же является рядовым членом партии.

Во вторую очередь провал будет использован против торгпредства, главным образом против инженерного отдела, с целью доказать, что не может быть никакой экстерриториальности наших учреждений во Франции. Пока следствие ведётся с целью установления причастности обвиняемых к Инжотделу...»

Член ЦК компартии Франции Жан Креме организовал разветвлённую сеть информаторов в арсеналах, на военных складах, портовых городах и в типографии, выполнявшей заказы центров французской военной промышленности. Сеть была эффективной, но непрофессиональной в плане конспирации. Осведомлёнными оказались слишком много людей, что не могло не таить в себе опасности провала. В апреле 1927 г. были арестованы около ста человек. Суд признал виновными восьмерых, из которых двое – сам Креме и его гражданская жена – успели выехать в СССР.

Скандал, как и в Праге, был грандиозный.

В принятом 5 мая 1927 г. постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) говорилось: «Обязать ИККИ, ОГПУ и Разведупр в целях конспирации принять все меры к тому, чтобы товарищи, посылаемые этими организациями за границу по линии НКВД и НКТорга, в своей официальной работе не выделялись из общей массы сотрудников полпредств и торгпредств. Вместе с тем обязать НКВД обеспечить соответствующие условия для выполнения возложенных на этих товарищей специальных поручений от вышеназванных организаций»¹⁵⁹.

Следствием публикации документов, захваченных во время налета китайской полиции на советское полпредство в Пекине, стало постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 12 мая 1927 г., в котором говорилось: «г) Поручить комиссии в составе тт. Косиора, Ягоды, Литвинова и Берзина пересмотреть все инструкции НКВД, ИККИ, РВСР и ОГПУ по вопросу о порядке хранения архивов, рассылки и хранения шифровок и др. конспиративных материалов, посылаемых за границу в направлении максимального обеспечения конспирации... ж) Считать необходимым посылку специального человека в Китай с целью обеспечить уничтожение всех сколько-нибудь компрометирующих документов и предотвратить возможность провала остальных. Обязать ОГПУ выделить для этой цели ответственного работника, согласовав его кандидатуру с НКВД и Секретариатом ЦК».

В тот же день, 12 мая, в помещениях общества «АРКОС лимитед» и торговой делегации Советского Союза в Великобритании прошёл обыск, который, по утверждению английского правительства, «...окончательно доказал, что из дома № 49, расположенного на улице Мургейт, направлялись и осуществлялись как военный шпионаж, так и подрывная деятельность на всей территории Британской империи». «АРКОС лимитед» – акционерное англо-русское кооперативное общество, через которое осуществлялась большая часть торговли СССР с Англией. Акционерами АРКОС были главным образом советские государственные организации.

Премьер-министр Великобритании Болдуин, выступая в палате общин 24 мая 1927 г. в ходе дебатов по вопросу англо-советских отношений, пространно ссылаясь на документы, захваченные английской полицией при налете на помещения «АРКОС» и советского торгового представительства, а также на телеграммы, посланные и полученные советской дипломатической миссией в Лондоне.

27 мая министр иностранных дел Великобритании Чемберлен вручил советскому поверенному в делах Розенгольцу ноту о расторжении английским правительством торгового согла-

¹⁵⁹ Аджибеков М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. М., 1997. С. 133.

шения 1921 г. и приостановлении дипломатических отношений между СССР и Великобританией¹⁶⁰.

Постановление Политбюро от 28 мая 1927 г. было жёстким и однозначным в части использования представителями спецслужб советских официальных представительств за рубежом. Предписывалось, в частности, следующее:

«а) Совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна (Красный интернационал профсоюзов. – М.А.), МОПРа (Международная организация помощи борцам революции. – М.А.)...

в) Проверить состав представительств ИНО ГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна, МОПРа.

г) Строжайше проверить состав сотрудников полпредств, торгпредств и прочих представительств за границей.

д) Безусловно отказаться от метода шифрпереписки телеграфом или радио по особо конспиративным вопросам. Завести систему конспиративных командировок и рассылки писем, каковые обязательно шифровать.

е) Отправителей конспиративных шифровок и писем обязать иметь специальные клички, запретив им подписываться собственным именем...

з) Еще раз проверить архивы представительств с точки зрения строжайшей конспирации и абсолютного обеспечения от провалов».

Весь комплекс мероприятий по реорганизации военной разведки, вытекавший из постановления, получил название «перевода всей нашей зарубежной работы на нелегальные рельсы»¹⁶¹.

Результатом нормализации двусторонних отношений явилось открытие на территории Японии полномочного представительства СССР (полпред В.Л. Копп с 25 февраля 1925 г.) и Генеральных консульств СССР в Кобе, Сеуле, Хакодате, Цуруге, Дальнем (Дайрене), а также в Токио. Ведение разведки возлагалось на сотрудников Разведупра на должностях прикрытия советских учреждений в стране: аппарата военного атташе и консульств.

4 июня 1925 года военным и военно-морским атташе при полпредстве Правительства СССР в Японии был назначен окончивший Военную академию РККА Карл Янель¹⁶², более года работавший сотрудником полпредства РСФСР в Берлине. Объясняя отсутствие Янеля

¹⁶⁰ Алексеев Михаил. Указ соч. С. 240–243.

¹⁶¹ Аджибеков М., Шахназарова Э.Н., Ширина К.К. Указ. соч. С. 133.

¹⁶² Янель Карл Юрьевич (1888–1938) – из рабочих. Латыш. Бригадный комиссар (1936); член компартии с 1910; в РККА с 1918; окончил учительскую семинарию, Алексеевское военное училище в Москве (1917), Военную академию РККА (октябрь 1920 – сентябрь 1924, с перерывами), армейское отделение Курсов усовершенствования высшего комсостава при Военной академии им. М.В. Фрунзе (1927–1928), Академические курсы по военной химии (1931). Владел немецким и другими языками. Работал в школах Сигулды, Бириноса, Риги и Вальмиеры, активное участие принимал в деятельности Рижской и других организаций социал-демократии Латвии. Служил в Латышском стрелковом резервном полку. Подпоручик. Член президиума исполкома Тербатского совета рабочих и крестьянских депутатов (1917). В период Октябрьской революции – в Военно-революционном комитете Северного фронта, устанавливал советскую власть в Эстонии. Участник Гражданской войны на Западном фронте. Следователь Московского ревтрибунала (1918–1919), участвовал в подавлении мятежа левых эсеров, в работе Московской ЧК, заведующий контрольно-разведывательным отделом военного комиссариата в Петрограде, член ЦИК Латвийского Совета, комиссар полка, Латышской стрелковой дивизии (1919–1920), затем заместитель начальника политотдела 15-й армии, командир и военком 35-го стрелкового полка 4-й дивизии той же армии на Польском фронте (1920). В распоряжении РУ штаба РККА (июнь 1921 – сентябрь 1922). Сотрудник полпредства СССР в Вене, Австрия (1924), по заданию Коминтерна работал на Балканах. Военный и военно-морской атташе при полпредстве СССР в Японии (июнь 1925 – не позднее марта 1926), резидент военной разведки. «Работу в Токио за сравнительно короткий срок поставил удовлетворительно и стал давать ценные сведения. Отозван из-за трений с Полпредом. Вообще, годится для ответственной самостоятельной работы» (Из служебной характеристики). Помощник начальника 3-го (информационно-статистического) отдела (сентябрь 1926 – ноябрь 1929). Начальник Института химической обороны им. Осоавиахима (ноябрь 1929 – апрель 1934), где разрабатывалось химическое и бактериологическое оружие и средства защиты от него. Начальник Иностранного сектора (отдела) Управления ВВС РККА (апрель 1934 – май 1937). Награжден орденами Красного Знамени (1928), «Знак Почета» (1936). Репрессирован 31.05.1937. Реабилитирован 09.05.1956.

на занятиях, Я.К. Берзин сообщал начальнику академии им. Фрунзе: «...тов. Янель проявил исключительную аккуратность, а также показал уверенные знания военного дела. На закордонной работе неоднократно замещал руководителя нашей агентуры в целом ряде стран и с этой работой прекрасно справился. Условия работы позволяли тов. Янелю изучать вооруженные силы Польши, Румынии и Франции. Ему также была доступна широкая военная литература, вследствие чего он за этот год практической работы без сомнения значительно увеличил свои познания во всех отраслях военной науки».

Характеристика явно завышенная и не соответствовавшая действительности: невозможно за один год не только «отметиться» в нескольких странах, но ещё и замещать руководителей агентуры, не имея опыта агентурной работы. После окончания академии Янель вновь был отправлен на зарубежную работу. При этом надолго он нигде не задерживался: поработав сотрудником полпредства СССР в Вене, он по заданию Коминтерна отправился на Балканы.

Агентурной работы Янель не вел, а сбор разведывательной информации осуществлял с легальных позиций. Пребывание Янеля в Японии было недолгим: менее чем через год, не позднее марта 1926 г., он был отозван вследствие конфликта между его женой и полпредом В.Л. Коппом. Перебежчик Г.З. Беседовский, с апреля 1926-го по май 1927-го – советник полномочного представительства, поверенный в делах СССР в Японии, так свидетельствовал об этом конфликте: «В токийском посольстве полным ходом шла совершенно невероятная склока, главными действующими лицами которой являлись полпред Копп и военный атташе, латыш Янель, красный генштабист... Передавали, что начало склоки положила жена Янеля, красивая молодая особа, обидевшаяся на Коппа за недостаточно внимательное отношение к её правам “дипломатической дамы”. Надо отдать справедливость Коппу: в грубости он не уступал своему другу Литвинову. Когда ему приходилось занимать место в посольском автомобиле с нашими “дипломатическими дамами”, он почти демонстративно разваливался на заднем сиденье, предоставляя дамам занимать стропонены (откидные сиденья. – М.А.). На одном из раутов, устроенных иностранными дипломатами, Копп подверг такому “галантерейному” обхождению мадам Янель – очень самолюбивую и властную особу. С этого момента мадам Янель сделалась заклятым врагом Коппа. А так как военный атташе находился под башмаком своей жены... вражда мадам Янель к полпреду немедленно превратилась в склоку между военным атташе и послом. ... Янель начал против него и “лобовую” атаку, обвиняя его в неверии (это слово тогда только начало входить в моду) в китайскую революцию, в переоценке Чжан Цзюлиня, в недооценке роли Гоминьдана и т. д.»¹⁶³. Противостояние было недолгим, и в 1926 г. Карл Янель и Виктор Копп были отозваны. Правда, вопрос об отзыве Коппа был решён ещё до конфликта с супругами Янель, поскольку он «разошёлся с линией партии и линией Коминтерна в дальневосточных делах»¹⁶⁴. История с Янелями только подлила масла в огонь.

Несмотря на нелепую историю и слишком краткое пребывание в стране, в служебной характеристике Янеля значится: «Как агентурный работник имеет большой опыт работы. Весьма выдержанный и развитой с крупным политическим военным балансом. Работу в Токио за сравнительно короткий срок поставил удовлетворительно и стал давать ценные сведения. Отозван из-за трений с Полпредом. Вообще, годится для ответственной самостоятельной работы».

Но и другие военные атташе в Японии не задерживались: Степан Михайлович Серышев (03.1926 – 10.1927); Витовт Казимирович Путна (10.1927 – 10.1928); Виталий Маркович Примаков (05.1929 – 07.1930); Петр Александрович Панов (1930–1931); Александр Иванович Кук (Кукк; 03.1931 – 05.1932). В 1927 году в Японию прибыл первый военно-морской атташе

¹⁶³ Беседовский Г.З. На путях к термидору. М., 1997. С. 178–179.

¹⁶⁴ Там же. С. 169.

Иван Кузьмич Кожанов (04.1927 – 11.1929), которого сменил Николай Александрович Бологов (11.1929 – 10.1932), а его – Александр Семёнович Ковалёв (09.1932—11.1939).

В мае 1925 г. на должность генерального консула СССР в Цуруге был назначен сотрудник Разведупра Дмитрий Николаевич Киселёв (30.05.1925–1928), до этого генеральный консул в Харбине (11.1924–1925), а после Цуруга – генеральный консул в Хакодате (1928–1929).

С 1925 г. на различных должностях прикрытия в консульствах СССР в Японии работал Аркадий Борисович Асков: секретарём Генерального консульства СССР в Нагасаки (1925–1926); секретарём Генерального консульства СССР в Цуруге; вице-консулом СССР в Кобе (1926–1928); генеральным консулом СССР в Кобе (1928–1930).

Беседовский так вспоминал об атмосфере, царившей в советских консульствах в Японии: «Работа советских консульств в условиях японской обстановки почти полного отрыва от России, замкнутой жизни европейской колонии, в которую советским чиновникам в провинции было трудно проникнуть, и почти полного отсутствия работы приводила очень часто к деморализации личного состава консульств, подсиживаниям, склоке, пьянству и разврату. Особенно характерными в этом отношении были два консульства – в Нагасаки и в Отару. В первом консул Асатуров передрался со своим секретарём Асковым. Ссора началась по какому-то пустяковому поводу, но очень быстро разрослась и начала принимать „политическую“ окраску, так как коллеги, ставшие врагами, засыпали меня доносами друг на друга, с обвинениями в государственной измене, шпионаже в пользу иностранных государств и т. д. В этих доносах и консул, и его секретарь, не стесняясь, рассказывали, каким образом добывали сведения друг о друге. Так, Асков, подозревавший Асатурова в чересчур подозрительной интимной близости с американским консулом в Нагасаки, подкупил одного из слуг консула, сообщавшего ему во всех подробностях о беседах двух консулов. Подробности эти были явно фантастические, так как слуга очень плохо понимал английский язык, и записи бесед консулов представляли часто совершенную бессмыслицу либо разговор полуидиотов. Однако Асков не постыдился на основании записей этих бесед обвинять Асатурова в государственной измене, в раскрытии государственных тайн и продаже секретных документов. Асатуров, в свою очередь, не оставался в долгу. Он знал о слабости Аскова к женскому полу и ухитрился достать откуда-то фотографии, изобличающие Аскова в посещении веселых кварталов. Асков не отрицал этого факта, но объяснял это необходимостью “знакомиться с бытом” (на эту необходимость, впрочем, ссылались остальные виновные в посещении веселых кварталов). Тогда Асатуров похитил письма к Аскову неизвестной женщины, пришедшие на адрес консульства. В этих письмах говорилось о необходимости достать для нее какие-то документы и обещалась, в случае удачи, “полная взаимность и любовь”. Стиль письма был такой глупый и обнаруживал такое явное незнание автора с техникой подобного рода предприятий, что у меня не было никаких сомнений в том, что эти письма писала жена Асатурова и отправляла их на адрес ничего не подозревавшего Аскова. ... Уже впоследствии, впрочем, я имел случай видеть почерк жены Асатурова и, к большому своему удовлетворению, обнаружил, что я был прав в своих догадках: почерк совпадал с почерком “неизвестной”. Но это было уже после отъезда обоих, и Асатурова, и Аскова, отозванных в Москву, так как мне надоело читать их “донесения”; следовало бы, конечно, наказать Асатурова за такие проделки, но я подумал, что и консул, и секретарь друг друга стоили, и махнул рукой на всю эту историю. Впоследствии Асков вернулся в Японию в качестве Генерального консула в Кобе»¹⁶⁵.

В октябре 1926 г. первым резидентом в Токио под официальным прикрытием секретаря военного атташе был назначен выпускник военно-автомобильной школы, «красный генштабист» Василий Васильевич Смагин¹⁶⁶.

¹⁶⁵ Там же. С. 218–219.

¹⁶⁶ Смагин Василий Васильевич (1894–1938) – из рабочих. Русский. Военную службу начал в царской армии. Служил

Во исполнение Постановления Политбюро от 28 мая 1927 г. «относительно полного перевода всей нашей зарубежной работы на нелегальные рельсы» была создана комиссия под председательством члена Оргбюро ЦК ВКП(б) Н.А. Кубяка, которой вменялось в обязанность рассмотреть возможность оставления на местах или отзыва действующих резидентов в основных странах. Необходимые материалы для последующего анализа были представлены в комиссию Берзиным.

В «Краткой характеристике работы зарубежной агентуры IV-го Управления Штаба РККА», в частности, отмечалось:

«... 16. Япония.

Работа в Японии представляет особую трудность ввиду малого количества иностранцев и того жестокого наблюдения, которому они подвергаются. Создание прочной сети требует весьма осторожной и длительной разработки. Поэтому наша агентура в Японии, организованная сравнительно недавно, развивается весьма медленно».

Результаты работы комиссии были изложены в «Постановлении комиссии тов. Кубяка о резидентах IV Управления Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии за рубежом» от 15 июля 1927 г. Выводы комиссии были неоднозначны. Из 17 рассмотренных кандидатур резидентов, не считая их помощников, семеро отзывались в связи с реорганизацией, двое временно оставлялись на месте, ещё восьмерых комиссия сочла необходимым отозвать.

В числе резидентов, против которых комиссия не возражала, был и Василий Васильевич Смагин (член РСДРП(б) с 1917), работавший под прикрытием аппарата военного атташе. В его краткой характеристике говорилось: «Окончил курс Военной академии в 1924 г. и Восточный факультет в 1926 г., после чего прибыл в распоряжение Разведупра Штаба РККА. Командирован в Японию в октябре 1926 г. ...Аттестация за время пребывания в академии хорошая во всех отношениях. Опыта в нашей работе не имеет; первые шаги говорят за то, что с течением времени может выработаться толковый работник. Не возражать против оставления на месте как секретаря военного атташе».

Как ни странно, при вынесении комиссией решения учитывались прохождение по службе, партстаж, характеристика – и совсем не рассматривался опыт работы за рубежом. Из всех резидентов, которых было решено оставить, один, Ян-Альфред Матисович Тылтын, резидент в Северо-Американских Соединённых Штатах с конца 1926 г., находился на нелегальном положении. Остальные работали под крышей официальных представительств. Поэтому говорить о переводе военной разведки на «нелегальные рельсы» не приходилось.

в Маньчжурии, начальник команды разведчиков. Окончил Военно-автомобильную школу (1915), 3-ю Петергофскую школу прапорщиков (1916), основной курс Военной академии РККА (1924) и Восточный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1926), оперативный факультет Военной академии им. М.В. Фрунзе (1932). Участник Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, комиссар Дальневосточной Красной армии (1918–1921). Обучение в Военной академии РККА совмещал с исполнением должности помощника начальника 4-го оперативного отдела (управления) Штаба РККА. В октябре 1926 – мае 1930 г. находился в распоряжении Разведупра Штаба РККА – IV управления Штаба РККА. Резидент под прикрытием должности секретаря, помощника военного атташе при полпредстве СССР в Токио. В мае 1930 – июле 1933 г. – начальник сектора, помощник, заместитель начальника 3-го отдела IV управления Штаба РККА. В июле 1933 – июне 1934 г. – начальник Отдела внешних сношений Штаба РККА. В июне 1934 – январе 1935 г. находился в распоряжении Управления по начсоставу РККА. Январь 1935 – декабрь 1937 г. – старший преподаватель кафедры общей тактики Военной академии им. М.В. Фрунзе. Арестован 16 декабря 1937 г. якобы за то, что «во время японской интервенции на ДВ находился в Хабаровске и тогда еще был привлечен к японскому шпионажу. В 1931 году Смагин, по прямому заданию японцев, составил дезинформационный доклад с явно ложной версией о двух типах японской дивизии и с явным преувеличением технического оснащения японской армии. Это было выгодно тогда японцам, так как в связи с начатой ими авантюрой в Китае японцы нуждались в преувеличении своей мощи в глазах европейских стран и СССР. Аналогичную дезинформационную работу Смагин проводил в докладах и справках, составленных для НКО и Генштаба РККА». Приговорен Военной коллегией Военного суда СССР 26 августа 1938 г. к высшей мере наказания по обвинению в участии в военно-фашистском заговоре. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован 18 июля 1961 г.

Более того, трое из числа тех, кого рекомендовали оставить на своих постах, в том числе В.В. Смагин, имели минимальный агентурный опыт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.